

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русский,
✂ СОВЕТСКИЙ
фольклор
✂ АНТОЛОГИЯ ✂

К1237454

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД, 1967

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга включает избранные произведения русского советского фольклора почти за пятьдесят лет в его некоторых характерных жанровых разновидностях (песни, частушки, рассказы и др.).

В ходе работы над сборником составители должны были решать для себя ряд проблем общеметодологического, теоретического, источниковедческого и эдиционного порядка. Первой и наиболее сложной среди них является проблема сущности и специфики советского фольклора. По вопросу о том, что такое советский фольклор, каковы границы и объем этого понятия, какой реальный художественный материал относится к нему, существуют в нашей науке различные, иногда прямо противоположные точки зрения. Противоречия и недоговоренность по основному вопросу, дискуссионность имеющихся суждений не могли не сказаться и на характере настоящей книги.

Позиции составителей, которые в конечном счете определили содержание и состав сборника, могут быть изложены следующим образом.

Народная художественная культура — поэтическая и музыкально-поэтическая — советской эпохи достаточно многообразна и сложна по своим формам и проявлениям. Собственно фольклор, т. е. коллективное творчество, основанное на преемственности народных художественных традиций и закономерностей, в реальной художественной практике народа взаимодействует с другими явлениями, которые отчасти возникают в народном быту, отчасти приходят из профессионального искусства. В результате такого взаимодействия границы между фольклорными и нефольклорными, смежными и более удаленными явлениями нередко начинают размываться; возникают произведения промежуточного, переходного типа; появляются и живут в народном творчестве такие художественные явления, природу которых, так же как и перспективу их развития, нельзя еще ясно определить. На практике все это приводит, в частности, к тому, что далеко не всегда оказывается воз-

возможным сколько-нибудь уверенно установить фольклорную принадлежность того или другого произведения: старые критерии здесь не вполне применимы, а новых — достаточно надежных — наша наука пока еще не предложила; кроме того, теоретические принципы, верные в своей основе, не всегда дают результат применительно к конкретным фактам.

Для составителей сборника определяющее значение имели такие критерии, как возникновение произведений непосредственно в народной среде, отсутствие автора — профессионального литератора, отсутствие авторского текста, анонимность, содержание и поэтика, соответствующие особенностям народного художественного опыта, массовое признание и популярность, вариативность. Наряду с произведениями, вполне отвечающими перечисленным критериям (и составляющими, можно сказать, основной массив сборника), читатель найдет такие произведения, которые в ряде моментов расходятся с принятыми критериями и должны быть отнесены к различного рода смежным, промежуточным и переходным явлениям. Отказаться от них вовсе — означало бы крайне сузить картину современных процессов в фольклоре, представить их односторонне, пройти мимо заметных и интересных явлений народной поэтической культуры. Составители считали необходимым дать в сборнике характерные образцы таких явлений, даже если они в каких-то существенных сторонах не всегда отвечают всем принципам фольклорности. Это относится, в частности, к произведениям сказительского творчества, созданным в традициях классического фольклора и оставшимся личным достоянием их творцов.

К другому ряду смежных явлений должно отнести произведения, обязанные своим возникновением и известностью коллективам художественной самодеятельности.

В последнее время также все большее распространение получает песенное творчество различных групп и коллективов молодежи (студентов, геологов, туристов, альпинистов и др.). Это своеобразный «молодежный фольклор» нашего времени, который имеет интересные перспективы.

Таким образом, предлагаемый читателю сборник, в основном своем составе фольклорный в собственном смысле слова, содержит и ряд произведений смежного и промежуточного типа.

Естественно, что составители сборника стремились отразить в его составе наиболее характерное, ведущее в содержании, тематике, художественном своеобразии советского фольклора. В процессе работы была просмотрена и учтена основная масса публикаций в специальных изданиях, в периодической печати, в исследованиях, в мемуарной и художественной литературе, в массовых песенниках и антологиях и т. д. Были полностью учтены материалы Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, а также частично просмотрены архивные коллекции Института этнографии АН СССР, Литературного музея СССР,

Центрального дома народного творчества им. Н. К. Крупской, ЦГАЛИ и некоторых других. Естественно, что большая часть учтенного материала осталась за пределами антологии.

Составители обратились со специальной просьбой к ряду собирателей — предоставить имеющиеся у них неопубликованные записи произведений советского фольклора. Из откликнувшихся на этот призыв хотелось бы прежде всего назвать тех, кто в течение многих лет с энтузиазмом ведет собирательскую работу, так сказать, на общественных началах: это П. И. Ковешников и И. Я. Рокачев (Ростовская обл.), И. В. Ефремов (Ленинград), Е. А. Орлова (Архангельская обл.), О. А. Славянина (Брянская обл.), Б. М. Ховратович (г. Абакан), А. Я. Михайлович (г. Фрунзе), Г. И. Лебедев (г. Чухлома). Составители благодарят также фольклористов, поделившихся своими материалами: А. П. Анисимову, Н. Бялосинскую, В. А. Василенко, Р. С. Липец, А. К. Морееву, В. М. Потявина.

В итоге, в распоряжении составителей оказался обширный и разнообразный материал, который после его систематизации и критической проверки и был положен в основу дальнейшей работы над сборником. Ознакомление со всем имеющимся материалом показало, что отдельные тематические разделы и жанры советского фольклора, так же как и различные периоды его развития, отражены в имеющихся записях неравноценно. Приходится констатировать, что фольклористы вели собирательскую работу по современному фольклору недостаточно планомерно и без необходимого размаха. Конечно, такая оценка справедлива не для всех периодов, жанров и тем. К тому же в недостатках собирательской работы были повинны не всегда сами фольклористы.

Как бы то ни было, можно сказать с уверенностью, что многие произведения народной поэзии и прозы в свое время не были зафиксированы собирателями, многие же — пользовавшиеся огромной популярностью — сохранились лишь в единичных записях. Люди старшего поколения, свидетели живого бытования и широчайшей распространенности ряда произведений фольклора первых лет революции, легко обнаружат в настоящем сборнике пробелы — не по вине составителей: многое, по-видимому, утрачено безвозвратно.

Напряженный темп общественной жизни, большие исторические сдвиги, революционные перемены в сознании, быту и культуре народных масс мало способствовали созданию устойчивого фольклорного репертуара, обуславливали его текучесть и быструю смену. На нашей памяти ушел в прошлое, стал превращаться в поэтическое наследие фольклор Великой Отечественной войны.

Были, однако же, в этом бурном и сложном потоке свои закономерности, было основное и наиболее сильное течение, которое смогло противостоять времени. Мы вправе говорить применительно к фольклору советской эпохи о явлениях и фактах преходящих, сравнительно легко уносившихся ходом истории, поверхностных и

даже случайных, и таких, которые захватывали существенное, по настоящему значительное в жизни и сознании народа и отражали в поэтических формах соответствующей силы.

Составители стремились отобрать в первую очередь такой материал, в котором с наибольшей рельефностью отразились особенности фольклора того или иного периода. Разумеется, результаты этого отбора не могут считаться бесспорными и подлежат внимательному критическому анализу, как и всякий подобный опыт. И здесь вновь приходится заметить, что составители не всегда были вполне свободны в своем выборе: далеко не все произведения, заслуживающие публикации в сборнике, представлены полноценными записями; не всегда в распоряжении составителей находились достаточно авторитетные источники.

Проблема источников, равно как и проблема текстологической оценки записей, имеет первостепенное значение для исследований и изданий по советскому фольклору. Существующие источники могут быть распределены по степени их надежности и научной ценности на несколько групп.

Первую группу составляют полевые записи, которые производились со специальной целью профессиональными фольклористами или любителями с соблюдением основных методических требований. Число таких записей относительно велико, они частично опубликованы, частично остались в архивах. Простое знакомство с составом нашего сборника показывает, что доля впервые публикуемых полевых записей в нем довольно значительна.

Разумеется, к полевым записям и особенно к публикациям на страницах различных фольклорных изданий необходимо подходить критически. Составители в своей работе сталкивались с фактами редактирования текстов, а то и со случаями прямой фальсификации.

Вторую группу составляют тексты, которые публиковались на страницах газет, литературно-общественных журналов, а также в составе различных песенников — комсомольских, красноармейских, колхозных и т. д. Сюда же примыкают отчасти личные рукописные песенники и альбомы. Специфический раздел этой группы источников составляют произведения фольклора, встречающиеся на страницах мемуаров, исторических записок, литературных произведений и т. д. Все это — источники, текстологическая надежность которых относительна. Здесь возможны и редакторское вмешательство, и сочинения, выдаваемые за фольклор, и просто неумелые, плохо сделанные записи.

Тем не менее было бы неразумно из соображений текстологического ригоризма вовсе пренебречь такими источниками. Задача науки, очевидно, состоит в том, чтобы на основе строго критического подхода извлечь из них реальный материал. В ряде случаев эти источники оказываются, в сущности, единственными и имеют ценность современных свидетельств, хотя бы и не всегда хорошо документированных. Тексты, находящиеся в составе таких источни-

ков, могут быть использованы иногда с известными оговорками, иногда при условии, что выбор их подтверждается косвенными данными. Конечно, при этом всегда остается вопрос, был ли данный текст опубликован в его «народной» редакции или в каких-то частностях подвергся правке. Говорим — в частности, поскольку малейшее подозрение в возможности серьезной правки лишает текст права на перепечатку.

Учитывая все сказанное, составители отдавали предпочтение текстам из источников первой группы, достоверность и надежность которых подтверждаются документально. Однако они использовали, особенно для фольклора 20-х годов, недостаточно представленного в профессиональных записях, и источники второй группы, вполне осознавая их неполноценность с точки зрения научной текстологии.

Для целей настоящего издания большую важность приобретает вопрос об художественности отбираемого материала и в связи с этим об эстетических критериях применительно к советскому фольклору. Историческое значение произведений фольклора, возникавших в обстановке революции или в годы Великой Отечественной войны, очевидно. Понятно также, что произведения эти отвечали эстетическим вкусам, требованиям, опыту широких масс. Многие в этих произведениях — их революционная страстность, лирическая задушевность, героическая приподнятость — сохраняет силу воздействия на эстетическое чувство. При всем том современный читатель, воспитанный на классической или современной — русской и зарубежной — поэзии, не может не ощутить своеобразной шероховатости, поэтического несовершенства, элементарности, а то и банальности отдельных песен или некоторых образов, выражений, строф в них. С точки зрения собственно поэтической в предлагаемом читателю материале, конечно, не все равноценно. Надо, однако, иметь в виду, что материал этот специфичен по самой своей природе и было бы неправомерно, игнорируя эту его специфику, подходить к нему с привычными литературными критериями. Читатель, открывая эту книгу, встречается не со стихами, которые складывались в расчете на чтение «про себя» или вслух, а с произведениями песенной поэзии; не с литературной прозой, а с прозой рассказываемой. Такая специфика требует не каких-либо скидок на жанр, но просто иного подхода и восприятия. Собственно поэтическая сторона в таких произведениях — лишь один из главных эстетических элементов; другой их главный элемент — сторона музыкальная. Чтобы ощутить всю художественную силу таких произведений, их надо слышать. Песни должны звучать, но к тому же звучать в той реальной обстановке, в которой они создавались и жили: простое их воспроизведение по нотам добавит к эстетическому восприятию немного. Песня должна не просто звучать — она должна быть зримой: надо, чтобы в сознании читателя ожили улицы и площади Петрограда, фронты гражданской и Великой Отечественной войн, рабочие окраины 20-х го-

дов, стройки и комсомольские собрания, госпитали, землянки и блиндажи, фашистские лагеря, деревенские улицы и колхозные бригады, эшелоны, направляющиеся в целинные края, партии геологов в тайге и т. д. и т. п.

Для материала нашей книги типографские средства воспроизведения недостаточны и неэффективны. Требуются издания нового типа, которые включали бы наряду с текстами и нотами грамм-пластинки со звучащими песнями, фотодокументы и киноплёнки, этнографические иллюстрации, живые рассказы и воспоминания о песнях и о времени, которому эти песни принадлежат.

Все тексты в сборнике перепечатываются (за несколькими, специально оговариваемыми исключениями) полностью. Редакторские поправки касаются орфографии и пунктуации. Указания на повторения строк перенесены всюду в примечания. Заглавия песен сохранялись не всегда. Заглавия, которые дали песням составители, специально не оговариваются. Циклы частушек озаглавлены в большинстве составителями. Тематическая группировка частушек, принадлежащая составителям, специально не оговаривается.

Примечания содержат указания на источник, даваемый обычно в сокращении (список сокращений прилагается), сведения о записи, объяснение некоторых реалий, указания на ближайшую песенную традицию, с которой связано произведение, данные о распространении и вариантах. Сведения, взятые из первых публикаций, используются без специальных ссылок.

В разысканиях материалов для сборника принимала участие В. В. Митрофанова. Составители приносят свою благодарность всем, кто содействовал им в работе, и особенно — коллективу Сектора народного творчества ИРЛИ, в котором рукопись сборника много раз и самым внимательным образом обсуждалась.

Б. Н. Путилов

СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Русский советский фольклор представляет собою массовую форму народной поэтической культуры эпохи социализма. Своими корнями эта культура уходит в вековые народно-поэтические традиции, она вырастает на их основе и является органическим и закономерным их продолжением в новых исторических условиях.

Развитие советского фольклора, его важнейшие особенности тесно связаны с историей советского общества. В ходе борьбы за Советскую власть, в кровопролитных битвах в гражданскую и Великую Отечественную войны, в годы мирного строительства народное поэтическое творчество обогащалось новыми чертами и новым содержанием. Этот процесс был сложным и протекал различно в разные периоды. В целом идейно-художественное развитие советских людей было обусловлено культурным строительством в нашей стране.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела на широкий простор раскрепощенные творческие силы народа. В. И. Ленин в 1918 году писал о «прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция».¹ Это указание Ленина относится не только к историческому творчеству трудящихся масс, но и к их духовной культуре.

Произведения советского фольклора несли с собою неведомые дореволюционному фольклору темы, образы, пафос социалистического преобразования жизни и народной героики. Советская действительность обогатила содержание фольклора и повысила его политическое и социальное звучание. С первых же дней революции произведения советского фольклора сделались острым идеологическим оружием и важным средством агитации и воспитания масс. Они поднимали на борьбу со старым строем, раскрывали ее цели и выдвигали новые задачи.

Развитие советского фольклора протекало в тесном взаимодействии с советской литературой, на общих с ней идейных основах. Советская литература, начиная со времен гражданской войны, ши-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 27, стр. 135.

роко использовала формы народного творчества, сама обогащала их новым содержанием и несла в преобразованном виде в массы. Литературные по происхождению произведения нередко распространялись как произведения фольклора, порождая новые варианты и разного рода переработки.

Пятидесятилетняя история развития советского русского фольклора — большой этап. Перед советской фольклористикой стоит чрезвычайно сложная и ответственная задача — не только отобрать лучшие его образцы, но и определить закономерности развития художественного творчества народа, проследить конкретную историю его развития в разные исторические периоды советского общества. Такая работа проделана лишь частично. Большие результаты достигнуты в изучении фольклора Великой Отечественной войны.² Столь же необходимым является монографическое изучение фольклора гражданской войны, 20—30-х годов и послевоенного времени, в частности современного молодежного творчества. Многие вопросы, связанные с проблемой советского фольклора и его истории, остаются дискуссионными.

Настоящая статья ставит своей целью ориентировать читателя как в некоторых общетеоретических вопросах, так и в самом материале сборника.

До Великой Октябрьской социалистической революции фольклор был почти единственной формой художественного творчества широких народных масс. В своих классических образцах и формах народная поэзия тесно связана прежде всего с жизнью крестьянства, с его трудом и патриархальным бытом. Веками складывались народные обычаи и традиции, создавались произведения, запечатлевшие понятия народа о красоте, добре, справедливости и зле. Все лучшее в них шло от труда, от борьбы народа за свою долю, от окружающей природы, щедрости таланта и большой человечности.

Важным обстоятельством, обеспечивающим развитие народной поэзии в прошлом, являлось, по словам Н. Г. Чернышевского, отсутствие «резких различий в умственной жизни народа».³ «Умственная и нравственная жизнь, — указывает он, — для всех членов такого народа одинакова — потому и произведения поэзии, порожденной возбуждением такой жизни, одинаково близки и понятны, одинаково милы и родственны всем членам народа».⁴ В таких исторических условиях появлялись произведения, созданные «всем народом, как одним нравственным лицом».⁵ Благодаря этому народную поэзию пронизывает коллективное начало. Оно присутствует

² См.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. Отв. ред. В. Е. Гусев. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

³ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, т. 2, ГИХЛ, М., 1949, стр. 296.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 305.

при возникновении и восприятии слушателями вновь создаваемых произведений, в их последующем бытовании и переработках. Коллективность проявляется не только внешне, но и внутренне — в самой народно-поэтической системе, в характере обобщения действительности, в образах и т. д. Способы изображения действительности при этом различны в разных жанрах фольклора. Они принципиально отличаются от художественной литературы.⁶ «Народная песня, — замечает Н. Г. Чернышевский, — должна прилагаться к чувствам решительно каждого человека; иначе она не нужна народу, а годится только для нескольких отдельных лиц...».⁷ В способах типизации, в портретных характеристиках героев, в отдельных ситуациях и образах фольклорных произведений мало индивидуальных особенностей, занимающих столь видное место в художественной литературе.

Культурная революция, осуществленная в нашей стране, вывела трудовые массы из духовного рабства и темноты, приобщила их к богатствам культуры, накопленным человечеством. Эти изменения сказались и на состоянии народного творчества. Сильное влияние художественной литературы на духовную жизнь советских людей внесло изменения в сам метод и художественную систему советского фольклора. Не коллективное, а индивидуальное начало, связанное с литературой, становится все более значимым принципом для современного народного творчества.

Эти изменения уже подготавливались дореволюционным развитием фольклора, начавшимся еще в XVIII веке сильным на него влиянием литературного творчества.⁸ Массовое распространение получали песни русских поэтов. Они несли с собой, кроме новых тем, новую художественную систему, разрушавшую систему традиционную. Накапливались изменения и в самих фольклорных жанрах, так или иначе испытывавших на себе влияние отдельных одаренных исполнителей в прошлом. В таких жанрах, как причитания, оно всегда было значительным (например, в творчестве известной вопленицы И. Федосовой), хотя и вполне традиционным. Огромное распространение получила частушка — новый песенный жанр. Она оказалась наиболее способной быстро и точно передавать индивидуальные особенности чувств, переживаний, характеристик, конкретную обстановку и т. д. Под постоянным влиянием литературной традиции развивалась солдатская песня. Начиная со второй половины XIX века широкое распространение получил романс, существовавший долгое время и в годы Советской власти. Рабочий фольклор пронизан литературным влиянием, особенно его песенные жанры.

⁶ См.: В. Пропп. Фольклор и действительность. Русская литература, 1963, № 3, стр. 62—84.

⁷ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 305.

⁸ См.: В. Чичеров. Литература и устное народное творчество. В кн.: В. Чичеров. Вопросы теории и истории народного творчества. Изд. «Советский писатель», М., 1959, стр. 7—35.

Это влияние все более усиливалось в связи с развитием и распространением революционной поэзии, уличной пролетарской песни, рабочих гимнов.

Городской фольклор во всех своих видах и жанрах уже накануне Октября занимал значительное место в духовной культуре народа. Этому способствовали не только усилившиеся связи города и деревни, но и революционные события 1905—1907 годов, а также русско-японская и первая мировая войны. Союз рабочего класса с крестьянством, возникший в пролетарский период освободительного движения, обеспечил широкую популярность революционной поэзии. Наиболее сильно она зазвучала в дни Февральской революции. Идеи, сюжеты, образы, романтический пафос революционной поэзии были подхвачены и развиты первыми произведениями советского фольклора и стали в дальнейшем его незыблемой основой.

Таким образом, у истоков советского фольклора мы сталкиваемся с традициями, идущими, с одной стороны, от фольклора в его различных формах, с другой — от литературы. История советского фольклора — это история взаимоотношения коллективного и индивидуального. Она в равной мере касается как метода изображения, художественной формы произведений, так и идейного содержания.

Вместе с изменением художественного метода в советском фольклоре изменились внутренние законы его развития. Попытки применить к ним традиционную фольклористическую методологию оказались безуспешными. Это признают сейчас многие исследователи.⁹ Однако нельзя совсем отбрасывать и традиционную методологию. Она может быть связана с произведениями, в основе которых лежит коллективное начало со своей особой художественной системой. Такие произведения были широко представлены в ранний период истории советского фольклора. Они возникали и в период Великой Отечественной войны, хотя и были в большей степени, чем в довоенное время, осложнены влиянием индивидуального начала и его закономерностями.

Необходимо заранее отметить, что не все в новых закономерностях ясно. Их изучение только начинается. В связи с этим особую важность представляет разработка проблемы взаимоотношения фольклора и литературы как в дореволюционное, так и в советское время. Чаще всего эта проблема изучалась в плане влияния фольклора на литературу, в особенности в вопросах народности и национального ее своеобразия, использования народно-поэтических традиций в творчестве разных писателей, соотношения с художественным методом литературы.¹⁰ Назрела насущная необходимость в ис-

⁹ Ср.: В. Базанов. Фольклористика и современность. Русская литература, 1964, № 2, стр. IV; К. В. Чистов. Фольклористика и современность. Советская этнография, 1962, № 3, стр. 3—17.

¹⁰ См.: вопросы советской литературы, IV. Фольклор в русской советской литературе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956.

следованиях, показывающих влияние литературы на фольклор как в плане обогащения народной культуры, так и возникновения в нем разных стилей, новых жанров и новой художественной системы. Такие исследования должны касаться не только современного фольклора, но и развития фольклора в прошлом, особенно в XIX и начале XX века. Историческое изучение должно вскрыть причины новых явлений и закономерностей, показать их связь с общественно-историческим развитием народа.

Благодаря влиянию литературы фольклор, как самая демократическая форма искусства, сохранил свою устойчивость, активность, способность быстрого отклика на нужды времени, выражения новых эстетических вкусов народных масс. Не оправдались давние и самые решительные приговоры относительно умирания и скорого исчезновения народной поэзии в силу ее архаичности, отсталости и ограниченности художественных средств. Постепенно усваивая индивидуальное начало, народная поэзия расширила свои возможности. Она приблизилась в этом отношении к литературному творчеству как по форме, так и по существу, сохраняя в то же время специфику массового народного искусства. Древность происхождения не мешает ей быть молодой и новой.

Советский фольклор не достиг того художественного совершенства, каким отличаются произведения классического наследия. Однако он далеко перешагнул суженность его тематики и идейную подчас ограниченность. Одна из причин часто наблюдаемого разрыва между содержанием и художественной формой в современном фольклоре состоит в существе самого его метода. В силу преобладания индивидуального начала советский фольклор получил неограниченные творческие возможности в отражении действительности во всех ее проявлениях. Поэтому произведения носят не только злободневный характер, но и отличаются большой конкретностью содержания. Отражая тот или иной момент или состояние чувств, они не претендуют на дальнейшее развитие во времени и связанное с ним совершенствование. С конкретностью содержания, зависимостью от обстановки и времени тесно связаны характерные художественные особенности советского фольклора. Его развитие идет не вглубь, а вширь, не к обобщению, а к индивидуализации событий, портретов, характеристик героев. Оно состоит в частой смене тем, возникновении все новых и новых проблем.

В конкретности и индивидуализации содержания, в неразрывной связи со временем и действительностью состоит отличие советского фольклора от традиционного. Произведения классического фольклора в силу особой своей обобщенности и малой изменчивости самой действительности могли оставаться актуальными в течение целых десятилетий, а то и столетия. Естественно, что их художественная форма при этом продолжала обогащаться и совершенствоваться, достигая удивительной простоты и слитности с содержанием.

В советском фольклоре противоречие между конкретностью содержания и типизацией действительности, ее обобщением, а также между содержанием и художественной формой разрешается чаще всего путем создания различных новых произведений. В современном народном творчестве увеличилась роль переделок — использования в качестве исходного материала старых и широко известных произведений, их сюжетов, мелодий, образов. С меньшей интенсивностью, но постоянно такой процесс протекал и в прошлом. Он касался чаще всего переработок сюжета, например в сказках. Непрерывной цепью тянутся переделки ряда песен А. Пушкина, Ю. Лермонтова, Н. Некрасова и других поэтов.

В связи с новыми творческими принципами, лежащими в основе развития советского фольклора, другой характер приобрело понятие вариативности. Прежде вариативность обуславливалась коллективным участием в работе над произведением и устностью его бытования. Вариант представлял собою конкретную форму выражения того или иного художественного замысла, который никогда не существовал в одном-единственном тексте.¹¹ Большинство произведений советского фольклора создается не коллективно, а отдельными авторами. В некоторых случаях, например в художественной самодельности, авторы могут выступать объединенно — в творческом содружестве. Результатом их творчества, как и в художественной литературе, является совершенно конкретный текст. Он может быть оформлен при этом в самых разнообразных видах: устно, письменно или, как в последние годы, в виде магнитофонной записи.

Дальнейшее распространение вновь созданного произведения целиком зависит от того, в какой мере отвечает оно эстетическим требованиям масс и общественным запросам. Нельзя забывать, что произведения некоторых жанров или отдельных их видов (плачи-сказы, устные рассказы, всякого рода письма-обращения и др.) в силу своей особой специфики вообще рассчитаны на авторское исполнение и иногда на сравнительно узкую аудиторию. Их главное назначение — вызвать у слушателей те или иные эмоции и сопереживания. Всякое усвоение таких произведений явится пересказом, лишаящим их индивидуальной неповторимости. Они могут лишь служить образцами себе подобных или же основой для произведений других форм и видов фольклора.

По сравнению с традиционным текст в советском фольклоре приобрел более устойчивое и самостоятельное значение. Вариация текста не является обязательным признаком фольклорности, равно как и устность его распространения. В отличие от литературных произведений, например эстрадной или массовой советской песни, текст и в советском фольклоре окончательно не закреплён за автором и не канонизирован. Поэтому он может подвергаться действию

¹¹ См. подробнее: Б. Путилов. Современная фольклористика и проблемы текстологии. Русская литература, 1963, № 4, стр. 107.

фольклорных законов бытования. Часто встречаются при этом механические повреждения текста (случайная перестановка слов, их замена другими и т. п.). Творческие изменения приводят к созданию нового самобытного варианта. Цель их — максимально приблизить полюбившееся произведение к конкретной обстановке, придать ему новые индивидуальные качества, а иногда внести в него полемические мотивы, меняющие его идейный смысл. Это приводит в ряде случаев к созданию нового произведения — «ответа» на существующее. Фольклор Великой Отечественной войны даёт целый ряд таких поэтических «ответов», ставящих и своеобразно решающих различные морально-этические проблемы.

Часто потребности среды, профессиональные или иные интересы, реальные жизненные обстоятельства вызывают необходимость выйти за пределы творческого варьирования такого рода, и тогда возникают новые произведения, выражающие запросы и особенности данной среды. Так, в годы Великой Отечественной войны, кроме произведений общенародных в широком смысле слова, распространённых одновременно в тылу и на фронте, существовали локальные фольклорные произведения разных родов войск, отдельных воинских соединений, партизанских отрядов, экипажей кораблей и т. п. Специфическим явлением стал фольклор узников фашистских лагерей, а также советских людей, утнанных на каторгу в Германию. Ещё более ярко процесс локализации выражен в современных молодежных песнях. При общем сходстве творческого метода свои характерные особенности имеют песни туристов, геологов, студентов, альпинистов и т. д.¹² Внутри этих групп существует ещё более дробное деление. Студенческие песни, например, делятся по факультетам и часто имеют свою профессиональную терминологию, которая делает их малопонятными в другой среде.

Изменения в наше время произошли и с таким важным признаком традиционного фольклора, как устность, которая перестала быть универсальным средством передачи и распространения, но остается господствующей формой исполнения. Устность как эстетическое качество является органичной для фольклора, произведения которого предназначены не для изложения их на бумаге, а для живого исполнения. Мастерство исполнения, артистичность, жест, мимика, игровое действие и музыкальное сопровождение не только тесно связаны с текстом произведения, но и в конечном итоге определяют его художественную значимость. В них в наибольшей степени проявляются народные традиции, эстетические вкусы и национальное своеобразие.

Развитие многообразных массовых форм повседневной поэтической культуры советских людей привело к тому, что расширилось и утратило свою прежнюю определенность и во многом наполнилось новым содержанием само понятие «фольклор». Оно стало приме-

¹² См.: Юрий Андреев. Что поют? Октябрь, 1965, № 1, стр. 182—192.

няться к тем видам и формам непрофессионального творчества, в основе которых лежит коллективное или индивидуальное начало, продолжающее и развивающее традиции русского народного искусства. Последняя оговорка необходима потому, что она выражает специфику фольклора как искусства, во-первых, предназначенного для устного исполнения, во-вторых имеющего определенные национальные традиции. Эта специфика помогает установить границы фольклора и не позволяет включать в его понятие произведения начинающих или «несостоявшихся» поэтов.

Однако необходимо заметить, что в последние годы все чаще наблюдается стремление расширить границы современного фольклора и включить в него художественное творчество советских людей во всех его проявлениях, как устное, так и письменное. Такое стремление порождается не своеволием отдельных исследователей, а самими процессами, сложными и недостаточно еще изученными, которые протекают в современной духовной культуре народа. А. Твардовский, рассказывая о создании поэмы «Василий Теркин», отмечает: «„Василий Теркин“ вышел из той полуфольклорной „стихии“, которую составляют газетный и стенгазетный фелъетон, репертуар эстрады, частушка, шуточная песня, раек и т. п. Сейчас он сам породил много подобного материала в практике газет, специальных изданий, эстрады, устного обихода».¹³

Это признание видного советского художника ценно и определением полуфольклорной природы массового художественного творчества и указанием на его большую роль в современной культуре.

Возникновение нового советского фольклора не означает, что оно призвано целиком заменить классическое фольклорное наследие и вытеснить его из памяти. В советских условиях традиционное народное творчество существует не как «элемент прошлого», а как самостоятельный элемент современной народной культуры.¹⁴ На разных этапах истории советского общества это творчество не только помогало использовать прежний опыт, но и сохранить преемственность в развитии художественного творчества советских людей, выразить новое содержание в специфических национальных формах и тем самым придать произведениям народный характер. Нередко традиционные произведения выполняли при этом те же функции, что и произведения советского фольклора.

В традиционном фольклоре в советскую эпоху протекали живые и очень сложные процессы, связанные как с разными периодами ее истории, так и с внутренним развитием ее жанров. Из массового бытования постепенно исчезало все то, что было обусловлено исто-

¹³ А. Твардовский. Как был написан «Василий Теркин». Новый мир, 1951, № 11, стр. 228.

¹⁴ См.: Б. Н. Путилов. Фольклорное наследие русского народа и современная культура. Русский фольклор. Т. IX. Проблемы современного народного творчества. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 60—81.

рически преходящими сторонами народной жизни (заговоры, духовные стихи, религиозные легенды, некоторые обряды и т. д.). Этот процесс не всегда был последовательным. В определенных условиях отдельные исчезнувшие жанры или определенные традиции вновь оживали и становились продуктивными. Так, в годы Великой Отечественной войны широкое распространение, в особенности на русском Севере, получили причитания и плачи-сказы.¹⁵ Между тем они давно уже считались потерявшими свое значение в условиях советской действительности. Такое же оживление в годы войны можно было наблюдать и среди некоторых прозаических жанров и произведений народной публицистики.¹⁶ Утрата многими произведениями прежних бытовых связей и функций усилила их непосредственное эстетическое восприятие.

Организирующую роль в развитии советского фольклора, как и всего непрофессионального творчества, играет художественная самодеятельность. Она сочетает в себе традиции народного искусства с навыками и достижениями профессионального искусства. В ее форме осуществляется, с одной стороны, широкое приобщение советских людей к художественной культуре прошлого, с другой — их активное участие в создании и распространении нового, социалистического искусства, а также массовое выявление и дальнейшее развитие народных талантов и дарований. Неудивительно, что имена многих выдающихся деятелей советского искусства, певцов, музыкантов, танцоров и артистов, связаны с участием в художественной самодеятельности. Они впервые обнаружили в ней свои таланты, нашли самих себя. Великая Октябрьская социалистическая революция не только пробудила к творчеству народные массы, но и создала в форме художественной самодеятельности материальные предпосылки для его роста и развития. С историей художественной самодеятельности связано рождение многих прославленных коллективов, ставших профессиональными.

Самодеятельное искусство вбирает в себя лучшие образцы народного творчества. Попадая на сцену, они в большинстве своем не остаются этнографически неизменными, а преобразуются и возвращаются народу в очищенной своей красоте, помноженной на профессиональность исполнения. Эти произведения приобретают новый смысл, другое общественное и художественное звучание. В преобразованном и очищенном виде они воспринимаются как большое современное искусство, уходящее своими глубокими корнями в народ. Через художественную самодеятельность народное творчество прошлых времен становится зримым участником воспитания эстети-

¹⁵ См.: Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. Вступ. статья и комм. В. Г. Базанова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952.

¹⁶ См. подробнее: Л. В. Домановский. Фронтные и партизанские «дипломатические» письма и послания, их жанр и традиция. Русский фольклор, т. IX, стр. 178—194.

ческих вкусов советских людей, служит целям формирования психологии нового человека.¹⁷

Социалистическое преобразование нашей родины сопровождалось борьбой за формирование нового человека — носителя коммунистического идеала. Эта тема является ведущей на протяжении всей истории советского фольклора. Она широко представлена в песнях и частушках, созданных рабочими и солдатами в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. В них пробуждение революционного сознания раскрывается на фоне классовой борьбы с царизмом и гнетом капитала. Иногда вырастают целые повествования о горькой доле народа в прошлом, о его поисках путей к правде и свободе (ср. сказку «Как рабочий и мужик правду искали», № 3). Октябрьская революция в произведениях этой поры изображается и как возмездие старому миру, и как осуществление вековой мечты трудящихся масс. Отсюда возникают частые сравнения революции с зарей и солнечным восходом, символизирующие пробуждение народа и наступление свободы. С ними связаны новые, бодрые мотивы песен, впитавшие в себя сознание и волю миллионов. Как кровное дело народа воспринимается в этих произведениях необходимость защиты власти Советов (ср. песни «За власть Советов», № 11; «Песня красных стрелков», № 12, и др.).

Новое сознание нередко выросло на базе традиционных представлений, с трудом подыскивая для своего выражения созвучную форму. Дело заключалось не только в том, что в самой действительности еще неясно проступали контуры рождавшегося нового мира, но и в тех вековых предрассудках и противоречиях, с которыми наш народ приступил к социальному переустройству своей жизни. Характеризуя крутой поворот, который проделывала история человечества в лице рабочих и крестьян в России, В. И. Ленин в 1918 году указывал, что рядом с крушением старого мира «в неописуемых муках рождается новое...».¹⁸

С революционной ломкой старого уклада жизни, с процессом рождения нового, социалистического, сознания связаны многие произведения советского фольклора, относящиеся как к периоду гражданской войны, так и к более позднему времени. Они отражают сложность художественного развития. Новое рождалось в острой борьбе со старым, в преодолении различных пережитков прошлого.

Как в годы гражданской войны, так и позднее возникновение новых произведений чаще всего происходило путем переработки старых. Для этого использовались известные и популярные мотивы и тексты. Раньше всего подвергались переработке старые революционные рабочие и солдатские песни, как наиболее близкие по содержанию к событиям первых лет жизни нашей страны. Поэт

¹⁷ См. статьи на эту тему И. И. Земцовского и Ф. А. Рубцова в сб.: Проблемы музыкальной самодеятельности. М.—Л., 1965.

¹⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 133.

Ал. Сурков, бывший участник гражданской войны, рассказывает: «Солдатская песня вместе с бывшими солдатами царской армии из окопов империалистической войны перекочевала на гражданские фронты. Попав в новую обстановку, она претерпела некоторое текстовое омоложение... Ротные и полковые поэты на скорую руку, может быть на марше, подтекстовывали под старую популярную солдатскую мелодию новые, отвечающие обстановке слова. Нередко объекты переделки совпадали по обе стороны фронта».¹⁹ В качестве такого примера он приводит романс «Белые акации», переделанный в походную песню «Смело мы в бой пойдем». С другими словами, но на тот же мотив она пелась и в белой армии.

Сохраняя стилистическую близость к перерабатываемым текстам, песни насыщались новым идейным и эмоциональным содержанием. Перемещение сюжета в новую историческую обстановку меняло социальное значение того или иного произведения, делало его острым и злободневным. Показательна в этом отношении песня «Расстрел коммунаров» (№ 32). В ее основе лежит переработанная «Предсмертная песня» В. Г. Тана-Богораза, посвященная казни царским генералом кронштадтских минеров, поднявших в 1906 году восстание на форте «Константин». Использование сюжета песни было продиктовано не только сходством ситуаций, но и сознанием преемственности революционных традиций. Песня в новой обработке рассказывала о мужестве, идейной закалке коммунистов, погибших от рук белогвардейских палачей нестигаемыми борцами за народное дело. Часто совершенно иной смысл получал и напев. Так, песня «Смело мы в бой пойдем» при переработке оказалась насыщенной интонациями, типичными для революционных и походных солдатских песен с характерной для них динамической ритмикой и маршеобразностью.

Революция подняла «к историческому творчеству» (Ленин) миллионы людей. В движение и строительство нового общества включились самые разнообразные слои трудящихся. Это наложило своеобразный отпечаток на фольклор гражданской войны и прежде всего на его песенное творчество. Оно отличается не столько жанровым, сколько стилистическим разнообразием, идущим от разных начал и традиций. В нем смешаны и взаимодействуют наряду с традициями революционной и солдатской песни традиции, идущие от крестьянской и городской песенной культуры.

Образная система крестьянской песни наиболее сильно выражена в песнях партизан (ср.: «Не вейтесь, чайки, над морем», № 43; «Ой-да, сизы соколы», № 45, и др.). С нею тесно связана и традиция казачьей песни («Вдоль по фронту кавалерия идет», № 16; «Вдоль по линии Урала», № 21). Следует отметить, что из крестьянских и казачьих песен перерабатывались поздние, испытавшие на себе литературное влияние.

¹⁹ Ал. Сурков. Песенники — на середину. Знамя, 1934, № 8, стр. 227—228.

Городские бытовые песни и романсы привлекали своей теплотой и повышенной эмоциональностью. Поэтому нередко их мотивы связывались с песнями, повествующими о трагических событиях, о гибели отдельных героев. Так, песня «Свисток паровоза» (№ 47), рассказывающая о зверской расправе палачей-семеновцев с революционными рабочими и крестьянами в Нерчинске, пелась на мотив известного дореволюционного романа Е. Буланиной «Чайка» («Вот вспыхнуло утро»). На этот же мотив пелась и песня, посвященная гибели командира Седьмого партизанского полка Ф. А. Погодаева в бою под Сретенском 4 февраля 1920 года.²⁰ Столь же распространенными и всегда тесно связанными с содержанием и идейным замыслом нового произведения являлись переработки песен «Варяг», «Из-за острова на стрежень» и др. В Чапаевской дивизии была популярной песня «Ты, моряк, красив сам собою», представляющая переработку «Куплетов моряка» из старинного водевиля В. С. Межевича «Артур, или Шестнадцать лет спустя». Бойцы и сам В. И. Чапаев, по свидетельству Д. Фурманова, ее больше всего любили за припев, который особенно хорошо согласовался с их «партизанной, кочевой, беспокойной жизнью».²¹

С народно-освободительной борьбой советского народа была созвучна своим содержанием и дореволюционная песня, посвященная войне буров с англичанами, «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...». Такие же связи с действительностью обнаруживают песни и их переработки «Ермак», «Гибель „Варяга“». Распространение песни «Черный ворон» и ее подражаний (ср. № 22, 36) навеяно думами о превратности судьбы военного человека.

При всем многообразии стилей и традиций, характера их переработок и создания новых произведений песни периода гражданской войны имеют в своем содержании общие черты, которые их отличают от дореволюционного фольклора и связывают с последующим развитием советского народного творчества. В содержании этих песен выражена совершенно новая, советская идеология. Сущность творческих процессов и их важнейшая особенность в развитии фольклора гражданской войны заключалась в массовом формировании и широком внедрении нового, социалистического сознания. Оно происходило в сложной боевой обстановке под решительным воздействием революционной рабочей песни. Благодаря ее воздействию достигалось сближение и своего рода сплав разнородных элементов.²² Такое сближение проявлялось как в новом содержании и поэтическом языке большинства песен гражданской войны, так и в их музыкальных образах.

Влияние революционной поэзии и новые черты и особенности наиболее очевидно выражены в красноармейских походных песнях.

²⁰ См. сб.: Партизаны, Чита, 1929, стр. 190.

²¹ Д. Фурманов. Чапаев. Гослитиздат, М., 1953, стр. 70.

²² См. подробнее: А. Сохор. Русская советская песня. Изд. «Советский композитор», Л., 1959, стр. 87—91.

Они проникнуты большой эмоциональностью, боевым пафосом, классовой ненавистью и ясным сознанием целей борьбы. Так, «Песня красных стрелков» (№ 12) совершенно отличается от своего источника — солдатской песни «Среди лесов дремучих». Новое содержание, особый поэтический язык к ней пришли из революционных гимнов:

Мы, красные солдаты,
За бедный люд стоим.
За нивы и за хаты
Свободу отстоим...
Настало время, братья,
Всех палачей разбить,
Чтоб старый мир проклятый
Не мог бы нас душить...

То же влияние определяет облик «Красной песни», «Песни бронепоезда имени Ворошилова»²³ и др. По верному замечанию Т. М. Акимовой, «песенный лиризм в них сочетается с взволнованностью трибуна».²⁴

Освоение новых политических идей в песнях гражданской войны часто выражалось в простых повторениях советских лозунгов и словесных оборотов политического содержания. Солдатский просторечный язык в них сочетался с политической символикой и образами, характерными для пролетарских песен. Их лирический герой, как и в революционной поэзии, выступал в качестве коллективного лица: «красные стрелки», «красная рать», «Красной Армии сыны». Иногда он носил имя определенных отрядов: «чапаевцы», «буденновцы», «таманцы» и т. д. Герой этих песен был воплощением сплоченности борющихся масс, огромной, все нарастающей силы Красной Армии. Столь же обобщенно характеризовались и представители противоположного лагеря: «злая волчья стая», «тираны», «палачи», «помещики-банкиры», «мироеды-кулаки» и т. п.

Важнейшей темой фольклора гражданской войны является непосредственное изображение самой борьбы, ее участников и героев. В большинстве случаев такие произведения построены на совершенно конкретных событиях и эпизодах войны с интервентами и белой армией. Историческая точность, следование за событиями в них часто проявляется и в деталях. Такова, например, песня «Много бед и невзгод испытала» (№ 39). В ее основе лежит один из трагических эпизодов гражданской войны — путь частей 11-й армии на Астрахань в январе—феврале 1919 года. Сквозь снежный и песчаный буран голодные и больные шли через пустыню красноармейцы и партизаны, шахтеры и матросы. Путь усеивался трупами.

²³ Фронтовая поэзия в годы гражданской войны. Изд. «Советский писатель», Л., 1938, стр. 69—70; Красноармейский фольклор, стр. 86—87.

²⁴ Т. М. Акимова. Песни о гражданской войне. Уч. зап. Саратовского ун-в., т. III, вып. филологический, Саратовское кн. изд., 1955, стр. 25.

Трупы через полчаса заметало песком и снегом, и по этому месту продолжали двигаться люди и обозы. О дороге, усеянной костями «павших коней и людей», и рассказывает песня-марш Седьмой Самарской дивизии.

Столь же реальные картины и эпизоды запечатлены и в других песнях, повествующих о многочисленных фронтах и битвах с Колчаком, Деникиным, Врангелем, Семеновым и т. д. Иногда в песнях рассказывается о подвигах отдельных героев (ср. «Кочегар», № 17) или о драматических коллизиях, характерных для гражданской войны, например о встрече двух братьев на разных воюющих сторонах (ср. № 19).

В песнях гражданской войны во весь рост встает образ «солдата революции», мужественного и стойкого, верного своему долгу борца за свободу. Сердца этих людей горят жаркой любовью к бедному люду, жгучей ненавистью к «белякам», «кадетам». Они способны в любой момент на самоотверженный подвиг, готовы, не дрогнув, отдать жизнь за народное дело. Кроме «Расстрела коммунаров», исключительной популярностью пользовалась песня «На разведке боевой» (№ 31), рассказывающая о молодом красноармейце, который предпочел смерть измене. В песне «Под ракитой зеленой» (№ 36) красный боец умирает с сознанием выполненного революционного долга, и последние его мысли обращены к товарищам, к рабочим, за дело которых он сражался.

Подобные примеры показывают, что коллективизм в изображении массы не исключал индивидуального изображения личности отдельных героев. В романтизации и прославлении их поступков большую роль играла вековая фольклорная традиция. Такие герои всегда неотделимы от массы, воплощают в себе ее волю.

Большое место в народном творчестве гражданской войны занимают образы красного командира и любимых военачальников — Буденного, Чапаева, Фрунзе, Ворошилова, руководителей партизанских отрядов — Погодаева, Журавлева, Лазо и др. Это герои, рожденные самой массой. Они воплощают в себе идеал народного полководца. Такую особенность впервые отметил Д. Фурманов, изучая легенды о Чапаеве. «Чапаевскую славу, — пишет он, — родили не столько его героические дела, сколько сами окружающие его люди. Но спросят: почему именно о нем, о Чапаеве, создавались эти легенды, почему именно его имя пользовалось популярностью? Да потому, что он полнее многих в себе воплотил сырую и героическую массу „своих“ бойцов».²⁵ Песни и рассказы о Чапаеве, Буденном и о всех остальных народных героях неизменно подчеркивают демократизм их происхождения, преданность делу революции. Эти черты в них сочетаются с военной мудростью, бесстрашием и удалью. Они не только смелые и талантливые командиры, но и то-

²⁵ Д. Фурманов. Чапаев, стр. 176.

варищи и близкие друзья бойцов. Гибель таких командиров — всегда страшная утрата.

Погиб ты, герой из героев,
Страдая за нас, бедняков, —

поется в песне «На смерть Журавлева».²⁶ В такой обстановке нередко рождались легенды о чудесном спасении и бессмертии народных героев (ср. сказку «Жив Чапаев!», № 24).

Сходную с песнями тематику разрабатывали и многочисленные частушки. С первых дней революции это был самый боевой и агитационный жанр, пробуждавший классовое и политическое сознание народных масс. Форма частушек позволяла легко и быстро откликаться на текущие события и разные житейские явления этих грозных времен. Частушки слагались в тылу, на фронте и в партизанских отрядах. Иногда создавались целые серии частушек, объединенных одним каким-либо запевом или припевом: «Яблочко», «Бочка», «Шарабан», «Броневи́к», «Семеновна» и т. д. Такая цикличность позволяла шире охватить то или иное явление, показать его с разных сторон.

В фольклорном наследии периода гражданской войны не все равноценно. Наряду с несомненными художественными достижениями в нем мы найдем немало различных изъянов и слабостей. Касаясь вопросов искусства, В. И. Ленин в беседе с А. В. Луначарским указывал, что нужно «поддерживать и то новое, что рождается под влиянием революции. Пусть это будет сначала слабо: тут нельзя применять одни эстетические суждения...».²⁷ Содержание и формы массового творчества гражданской войны исторически обусловлены развитием идейно-художественного сознания народа и тесно связаны с действительностью. Это творчество отражает процесс пробуждения революционного сознания трудящихся масс, идеи, воодушевлявшие их в тяжелой и героической борьбе. Благодаря своей близости к народным традициям оно имело огромное воспитательное значение.

Победа, одержанная нашим народом в гражданской войне, не закончила развития этой темы в советском фольклоре, как и во всем советском искусстве. Ее актуальность и злободневность поддерживалась историческими условиями — постоянной угрозой новой войны со стороны капиталистических государств. Традиции, сложившиеся в народном творчестве в боях за революционное отечество, имели важное значение для развития оборонной темы и воспитания чувства советского патриотизма.

²⁶ См.: С. Ф. Баранов. О песнях партизан Забайкалья. Изв. Иркутского научн. муз., т. II (VII). Иркутск, 1937, стр. 95.

²⁷ А. В. Луначарский. К столетию Александринского театра. Предисл. к кн.: Константин Державин. Эпохи Александринской сцены. ГИХЛ, Л., 1932, стр. X.

В массовом обиходе получали популярность те произведения, которые рассказывали о пройденном народом героическом пути и в особенности о судьбах отдельных участников, их боевых делах, подвигах, думах и переживаниях. Не случайно, что после окончания гражданской войны большое развитие получил жанр устных рассказов. Такие рассказы позволяли осмыслить исторический опыт народных масс, показать неизмеримо трудную борьбу и победу на живых и конкретных примерах рядовых ее участников. Немалое значение в развитии этого жанра имело и то обстоятельство, что в годы войны судьбы ее участников показывались слишком обобщенно, через единый образ борющегося народа. При таком массовом изображении оставались не всегда различимы личности. Этот же изобразительный принцип преодолевался и в советской литературе 20—30-х годов.²⁸

Высоко ценил воспитательное значение рассказов участников революционных битв М. Горький. Он видел в героике гражданской войны почву для создания нового эпоса: «Отец может рассказать о героических битвах Красной Армии более интересно, чем бабушка или дед о подвигах сказочных богатырей, и может рассказать о своих подвигах партизан, в которых чудесного не меньше, чем в любой страшной сказке».²⁹

Эти рассказы сыграли выдающуюся роль в распространении революционных традиций, в деле воспитания на них поколения 20—30-х годов, которому выпала суровая доля по примеру своих отцов отстаивать завоевания Октября в годы Великой Отечественной войны.

Особую важность представлял фольклор о вожде революции — В. И. Ленине. Неисчерпаемой была индивидуальность вождя. Тысячи людей обращались к нему по разному поводу, слушали его выступления и напутствия. Черты живого облика Ильича, его дела, нерасторжимая связь с массами волновали слушателей и служили источником неиссякаемого народного творчества о В. И. Ленине.

Новые идеи и темы широко несли в массы комсомольские песни и частушки. Они особенно ярко и ощутимо продолжали традиции революционной поэзии и народного творчества гражданской войны.

Подобно большинству песен военных лет, их тексты создавались почти исключительно на известные мотивы. Чаще всего они пелись на мотивы революционных песен. Так, «Гимн молодых коммунаров» (№ 68) пелся на мотив «Марсельезы». В Донбассе переделка этого гимна пелась на другой мотив — «Взвейтесь, соколы, ор-

²⁸ См.: А. Н. Толстой. Четверть века советской литературы. Изд. «Советский писатель», М., 1943, стр. 15.

²⁹ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 17, ГИХЛ, М., 1952, стр. 180.

лами».³⁰ Много разных подражаний было «Интернационалу», «Варшавянке», «Смело, товарищи, в ногу». На мотив песни «Мы кузнецы» Ф. Шкулева возникли «Молодые кузнецы» (№ 66). Новые слова придумывались и приспособлялись и к старым народным напевам. Так, комсомольская песня «Во кузнице» пелась на мотив старинной шуточной песни «Во кузнице молодые кузнецы»; «Кто на смену?» (№ 69) — на мотив «Пошли девки на работу», и т. д.

При создании новых песен авторы стремились прежде всего использовать живые и задорные напевы — плясовые, солдатские, частушечные, которые бы полностью соответствовали содержанию и новому характеру комсомольского творчества. При этом часто брались популярные песни гражданской войны (например, «Проводы» Д. Бедного) или современные эстрадные песни. На мотив песни П. Германа «Мичман Джонс» была создана песня «В вихре Октября» (№ 61). Популярная в начале 20-х годов шуточно-сатирическая «Чум-чара-ра» использует напев эстрадной песенки.

Использование старых мотивов не только облегчало создание новых комсомольских песен, но и быстро делало их достоянием широких масс. Установка на массовость их распространения отмечена в предисловии к сборнику «Песни молодой гвардии». «Эти песни, — отмечается в нем, — уже не носят имени автора: нам мало дела до того, кто первый их спел... Для нас они дороги, как песни молодой гвардии... Уже теперь эти песни — достояние десятков тысяч молодых тружеников. Не должно остаться ни одного завода, ни одной фабрики и мастерской, ни одной деревни, где бы не гремели на устах юношей и девушек песни молодой гвардии».³¹

По содержанию, образам и настроению это были новые песни, во многом определившие тематику и развитие советского фольклора в 20—30-е годы. Они пронизаны новым общественным сознанием, страстной непримиримостью к враждебной идеологии во всех ее формах и проявлениях, стремлением порвать с косностью и рутинной. Комсомольские песни полны оптимизма, веры в коммуноу, олицетворяющую собой торжество и победу коммунистических идеалов. Важной темой для них явилось утверждение преемственности традиции революционной борьбы. Она особенно ярко выражена в песне «Наш паровоз» (№ 67), возникшей среди комсомольцев в 1922 году в киевских железнодорожных мастерских. Песня показывает, что судьбу революции теперь решает созидательный труд народа. Этот труд не менее романтичен, чем легендарные подходы и подвиги, совершенные молодежью на войне:

И в недрах наших мастерских
Куем, строгаем, рубим,
Не покладая рук своих, —
Мы труд тяжелый любим.

³⁰ А. В. Пяковский. Коллективная пролетарская поэзия (песни Донбасса). ГИЗ, М.—Л., 1927, стр. 181—182.

³¹ Песни молодой гвардии. М., 1922, стр. 3.

Во всех своих делах и помыслах комсомол 20-х годов, как и в дальнейшем, выступал застрельщиком и проводником идей коммунистической партии и ее верным помощником. В качестве вожака деревенской молодежи, красного гармониста и организатора нового быта, краснофлотца, пришедшего во флот по призыву партии, ярого врага религии и патриархальных устоев, селькора или тракториста комсомолец становится излюбленным героем многих девичьих частушек и песен, олицетворяет в них передового советского человека, носителя нового мировоззрения. Содержанием этих частушек и песен является решительное возвышение нового образа жизни, к которому призывали наша партия и комсомол.

Развитие советского фольклора в 20-е годы протекало в обстановке острой политической борьбы, оживления буржуазной идеологии в период нэпа. В быту и в сознании сильно сказывались пережитки капитализма, следы хозяйственной разрухи и тяжелое наследие вековой темноты, отсталости и бескультурия.

В этих условиях задачи советского фольклора, подчиненные переустройству жизни страны и перевоспитанию человека на новых социалистических началах, были особенно важны и значительны.

Рождение нового героя в фольклоре 20-х годов происходило в напряженной борьбе с традициями и предрассудками старого общества, со всем тем, что «в нас ушедшим рабым вбито» (В. Маяковский). Формирование этого героя, освобождающегося от гнета старого и жадно рвущегося ко всему новому, советскому, а также противники этого нового особенно ярко раскрыты в произведениях частушечного творчества. В основном герой — это молодежь, впервые под влиянием комсомола ощутившая в полной мере права своего гражданства, с neodолимой силой потянувшаяся к знаниям, учебе, решительно порывающая со старой моралью и с болью переживающая возникавшие на этой почве иногда тяжелые семейные конфликты. Видное место среди этих новых людей занимает раскрепощенная Советской властью женщина, ставшая красной делегаткой и ликвидирующая свою неграмотность. Значительное место в советском фольклоре занимает тема борьбы с кулачеством.

Кулаки в эти годы представляли собой серьезную экономическую силу в деревне. Борясь против политики ограничения и вытеснения кулачества, они нередко прибегали к террору. В 1924 году от рук кулацких убийц погиб селькор Г. Малиновский. Вскоре о нем среди ярославских комсомольцев возникла песня.³² В Сибири кулацкая шайка бандитов зверски расправилась в 1929 году с комсомольцем-трактористом П. Дьяковым. Тогда же поэт И. Молчанов написал стихотворение «Петр Дьяков», два отрывка из которого были затем переделаны в устном бытовании в популярные до сих

³² Веселая гармонь. Сборник. Инсценировки, песни, поговорки, загадки, шутки. ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 155—156.

пор песни (см. № 75). На фактическом материале — убийстве кулаками пионера Павлика Морозова — основана песня «Залегла тайга в тумане сером» (№ 76).

В 20-е годы произведения фольклора стремятся отобразить изменения, которые внесла в народную жизнь Советская власть. Это новое чаще всего показывается в личном плане — через судьбы отдельных людей. В основе таких произведений лежит принцип сопоставления: раньше и теперь. В таком, например, плане построена песня «Кирпичный завод», или «Кирпичики» (№ 56), получившая самое широкое распространение. В ней в простой и непритязательной форме рассказывается о больших и важных изменениях, которые принесла революция в рабочую семью. Часто приметы нового изображаются в вещественных характеристиках. В частушках рассказывается о появлении в деревне избы-читальни, газеты, лампочки Ильича, радио, первого трактора и т. д. Вместе с тем передается реакция деревни на все эти новые и небывалые явления.

Очень важно отметить, что тема нового, свободного труда хотя и возникает в народных произведениях этой поры, однако еще не занимает значительного места. Эта тема становится ведущей в советском фольклоре только в годы первых пятилеток, преобразовавших страну из аграрной в индустриальную.

Вместе с новым обликом страны, успехами колхозного строительства, ликвидацией кулачества, возросшим культурным уровнем изменилось в 30-е годы и содержание народного творчества. В них запечатлен не только трудовой подвиг советских людей, но и выражено совершенно новое отношение к труду. Труд в новом понимании осознается творческой силой, в равной мере преобразующей как облик страны, так и самого человека. Благодаря своим трудовым усилиям советский народ, освобождаясь от груза прошлого, в эти годы полностью осознал себя хозяином и творцом новой жизни, своего благополучия и счастья. Черты нового, в полной мере уже социалистического сознания выражены в частушках первых пятилеток.

Для произведений советского фольклора все более становится характерным органическое сочетание личного с общественным. Основными их героями стали передовики труда: ударники, стахановцы и т. д. Среди этих героев и люди, прославившие своими подвигами родину: летчики, совершившие небывалый перелет, челюскинцы и полярники, красноармейцы и пограничники, задержавшие шпионов и давшие отпор врагу. В большинстве случаев они имеют конкретные имена (Чкалов, Стаханов, Паша Ангелина, Кривонос и т. д.). Однако при всей своей конкретности эти имена воплощают в себе качества, становящиеся типическими для советских людей и потому открывающие возможность для появления новых и новых героев.

С трудовым подъемом, охватившим всю страну, с постепенно складывающимся новым социалистическим отношением к труду свя-

зано и возникновение новых произведений колхозной деревни. Всем своим идейным содержанием они утверждают советскую действительность, колхозный строй, освободивший деревню от многовековой кабалы, нищеты и темноты. Важной темой для них явилась борьба за искоренение мелкособственнических пережитков в сознании крестьянства, особенно отсталых его слоев. С нею связана и критика разного рода неполадок в строительстве колхозов, а также несоциалистического отношения к труду, к общественной собственности.

В колхозных частушках и песнях, как и во всем советском фольклоре 30-х годов, занимает большое место тема соцсоревнования, ударничества, движения новаторов производства. Подвиг в труде определяет славу новых героев, воплощение их образов в фольклоре колхозного крестьянства.

Рассказывая о новой колхозной жизни, произведения народного творчества нередко стремятся использовать традицию старой лирической песни, перерабатывают отдельные песенные сюжеты или образы и придают им новое значение. В этом смысле показательна песня «Ты удайся, удайся, ленок» (№ 83). В ее основе лежит старинная хороводная песня. Рождение таких произведений в большинстве случаев связано с художественной самодеятельностью, получившей в эти годы очень широкое развитие.

В связи с развитием художественной самодеятельности, большим общественным вниманием к фольклору, в пробуждении которого исключительную роль сыграла речь М. Горького в 1934 году на I Всесоюзном съезде советских писателей, а также огромными изменениями, которые произошли во всем строе жизни и сознании советских людей, в процесс развития советского фольклора активно включаются его мастера, лучшие исполнители и знатоки былин и сказок.

Сказительский фольклор, как его принято называть, в 30-е годы не был каким-то совершенно новым явлением в истории советского фольклора. Само зарождение и развитие советского фольклора связано с творчеством отдельных лиц, имена которых в большинстве остались неизвестными. Т. М. Акимова, изучая песни гражданской войны, делает совершенно определенный вывод о том, что как анонимные, так и песни известных поэтов создавались в это время «вне всякого сомнения, литературным, письменным путем, а многие из них к тому же и первую известность получали со страниц печати. Массовый же характер приобретали они путем устного распространения».³³ Высмеивая вульгаризаторские теории о коллективности создания произведений фольклора, В. Вересаев писал: «И что это за фантастическое представление о постепенном творчестве из кусочков, будто бы характерном для коллективного творчества! Один мужик сочинил один стих или музыкальную фразу, его сосед — дру-

³³ Т. М. Акимова. Песни о гражданской войне, стр. 15.

гой стих, третий мужичок из соседней деревни — третий, и вот готова народная песня».³⁴ В первые годы революции делались неоднократные попытки создания новых сказок³⁵ и произведений некоторых других жанров. Однако они не дали значительных художественных результатов и не были так, как песни, созданные тоже индивидуальными авторами, подхвачены народом.

Обращение мастеров традиционного фольклора к новой советской тематике в 30-е годы было обусловлено самой жизнью. Потребность запечатлеть в поэтической форме социальные преобразования и достижения первых пятилеток была общей для всех видов советского искусства того времени и для всех народов Советского Союза. К созданию новых произведений одновременно обращаются казахский акын Джамбул и лезгинский ашуг Сулейман Стальский, мордовские сказительницы Ф. И. Беззубова и Е. П. Кривошеева, русские сказители и сказочники М. С. Крюкова, М. Р. Голубкова, Ф. П. Господарев, Ф. А. Конашков, Е. И. Сороковиков, А. М. Пашкова, М. М. Коргуев и др.

Советских сказителей и сказочников прежде всего привлекает героическое и чудесное, воплощенное в советской действительности. Их вдохновляют образы героев революции и гражданской войны, мужественных пограничников, советских летчиков, небывалые ледовые походы и т. д. Для воплощения этих образов и событий современности они избирали наиболее близкие им жанры — былины, исторические песни, сказки. Новые произведения мастера фольклора нередко создавали письменным путем при участии писателя или собирателя фольклора. Последние стремились не только оказать им помощь в творческом процессе, но и повысить культурный уровень мастеров фольклора, обогатить их новыми темами и впечатлениями. С этой целью устраивались специальные семинары сказителей, организовывались их поездки в Москву и в другие города Советского Союза.

Широкое внимание научной и писательской общественности к творцам и знатокам народного творчества имело положительное значение для развития советского фольклора и фольклористики в целом. Оно вызвало появление ряда сборников, посвященных отдельным сказителям, и специальных исследований о творчестве выдающихся мастеров традиционного фольклора. Вместе с тем в развитии сказительского фольклора было немало противоречий, всякого рода стилизаций, а то и просто фальсификаций. Они лишали эксперимент исторической перспективы.

Несмотря на интенсивность процесса, попытки мастеров фольклора отразить современность средствами былин и сказок потерпели в основном неудачу и не выдержали проверки временем. Причина

³⁴ В. Вересаев. К художественному оформлению быта (об обрядах старых и новых). Красная новь, 1926, № 1, стр. 175.

³⁵ Ср. сказку «Как Ленин с царем народ поделили» в очерке Л. Сейфуллиной «Мужицкий сказ о Ленине» (изд. 2, ГИЗ, Л., 1925, стр. 8—12).

этого состояла в несоответствии традиционной системы былин и сказок, основанной на ярко выраженном коллективном начале, изменившейся действительности и эстетическим вкусам и представлениям советских людей. Она шла вразрез с методом и художественной системой, на основе которых развивался советский фольклор. Поэтому лишь отдельные произведения, в которых сказители отступали от традиционных канонов, свободно и творчески использовали богатства народного эпоса, сказки и лирики, являлись поэтической удачей. К ним относится плач о Ленине «Каменна Москва вся проплакана» М. С. Крюковой, выразивший силу народной скорби, вызванной смертью вождя. Отдельные достижения встречаются и в создании новых советских сказок (ср. №№ 3, 24, 94).

Развитие предвоенного народного творчества на разных его этапах показывает, что в нем прочно сложились свои идейно-художественные традиции, отражающие новый культурный и политический уровень советского народа. Они определяли пути дальнейшего развития советского фольклора в годы Великой Отечественной войны.

Народное искусство с первых дней Великой Отечественной войны явилось действенным идейным оружием в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Оно развивалось как искусство социалистической эпохи, широко используя предшествующий опыт и способствуя обогащению и укреплению сложившихся традиций советского фольклора. Ведущей темой, определяющей содержание фольклора, стал патриотический подвиг советских людей в борьбе за свободу и независимость нашей родины. Она по-разному решалась в зависимости от обстановки, времени и жанра, но все произведения были взаимно связаны и всегда имели общую идейную направленность.

Как и в предыдущие периоды, возникновение новых произведений шло по двум линиям: с одной стороны, были заново переосмыслены и перерабатывались песни профессиональных поэтов и произведения советского фольклора, начиная с времен гражданской войны; с другой стороны, появилось большое количество оригинальных народных произведений.

Боевую и воспитательную функцию выполняли и произведения традиционных жанров (песни, сказки, анекдоты, рассказы, пословицы и поговорки). Из них в первую очередь отбирались те произведения, которые непосредственно связывались с текущими событиями и переживаниями.³⁶ Участники войны в своих воспоминаниях и фронтовых записках часто рассказывают о том впечатлении, какое в это время производила простая русская песня. А. Твардовский вспоминает, как летом 1941 года в открытой степи на ночлег

³⁶ См. подробнее: А. М. Астахова, Н. В. Новиков. Русский традиционный фольклор в годы Великой Отечественной войны. В кн.: Русский фольклор Великой Отечественной войны, стр. 41—80.

расположилась часть, прошедшая «с боями, со всеми муками отступления чуть не тысячу верст». «Запели простую русскую песню из тех, что подтянуть может всякий. И в той песне не было даже ни слова про войну... зато были слова о жизни, любви, родной русской природе, давних деревенских радостях и печалях. И странно: показалось, что ничего этого нет — ни немцев, ни великого горя, — а есть и будет жизнь, любовь, родина и песня... Все пройдет. Все еще будет. Мать обнимет сына. Воин подхватит на руки подросткового без него ребенка...».³⁷ Все неумирающее, живое, родное и близкое было одинаково дорого советским воинам, боровшимся за мир и счастье на земле. «Напе время, — писал один боец, выражая мнение своих товарищей, — как в порохе, нуждается в хорошей, динамической и воодушевляющей песне». Другой боец рассказывал: «Чем веселее песня..., тем она больше в ходу, с ней и в бой, и после боя».³⁸

Песня, ставшая в буквальном смысле в годы войны одним из видов оружия, прочно вошла в быт советских воинов. Она сопровождала их на всех дорогах войны, во всех событиях фронтовой и партизанской жизни. Особое значение русская и советская песня имела на оккупированной врагом территории, а также в фашистских лагерях смерти. Она поддерживала дух советских людей, укрепляла их волю и решимость бороться до конца.

Песни, возникавшие в действующей армии, быстро распространялись по всей стране, а песни, созданные в тылу, столь же быстро проникали на фронт. При всем разнообразии тематики их многое объединяло. Песни Великой Отечественной войны пронизывает лирическое начало, особая теплота и эмоциональная взволнованность, идущая от глубины переживаний и больших человеческих чувств.

Преобладающее место в первые дни войны заняли произведения, посвященные сборам воинов в поход, их прощанию с домом, напутствию уходящим на фронт сыновьям, братьям и мужьям. Многие песни и частушки рассказывают о разнообразных, но одинаково печальных и суровых картинах расставаний. Гражданские и патриотические мотивы в них тесно переплетены с личными переживаниями, с тоской и тревогой по любимым, грустью по родному дому. Всенародное горе и потрясения, вызванные войной, возродили в ряде мест старинный обычай проводов мобилизованных в армию с плачами и причитаниями. В. Г. Базанов, наблюдавший этот обряд в 1942 году на Печоре, дал не только подробное его описание, но и собрал вместе с другими фольклористами в разные годы войны большое количество самих плачей и причитаний на русском Севере

³⁷ А. Твардовский. Родина и чужбина. Изд. «Советский писатель». М., 1959, стр. 17—18.

³⁸ См.: И. Нестьев. Боец слагает песню. Газ. «Литература и искусство», 17 октября 1941 г.; сб. «Фронтовой фольклор», Гослитиздат, М., 1944, стр. 15.

(ср. №№ 99, 154, 155). Они составили объемистую книгу по фольклору Великой Отечественной войны.

Песни о проводах часто слагались на известные мотивы довоенных песен. Так, песня о начале войны «Двадцать второго июня» (№ 97), получившая широкую популярность, была создана на мотив «Синего платочка» Г. Гольда и Г. Петербургского. От старой песни в ней сохранились как любовный сюжет и тема разлуки, так и общий оптимистический тон, служивший причиной других переделок «Синего платочка».

Различные оригинальные и переработанные произведения о проводах на войну в своей массе создают образ вставшего на защиту отечества советского народа. В отличие от песен гражданской войны этот образ всегда глубоко индивидуализирован, носит конкретный и неповторимо личный характер. Вояки на Севере в плачах часто рассказывают об условиях, в которых рос и воспитывался их сын, уходящий на защиту родины. Из частушек можно узнать не только о любви лирического героя, но и о его общественных делах, профессии, об отношении к работе, к товарищам, а также о его мировоззрении:

Ты прощай, прощай забой,
Расстаюсь я с тобой,
Здесь товарища оставлю,
Сам уеду прямо в бой.

Столь же сильно отражены и черты остающихся в тылу матерей, отцов, жен, любимых. Это — мужественные советские люди, которые, перенося всякого рода лишения, неустанным трудом ковали победу. Их патриотический порыв выражается и в напутствии воину, и в стремлении многих из них попасть на фронт и сражаться с врагом рядом с близкими.

Тема проводов органически сливается в этих произведениях с другой обширной темой фольклора Великой Отечественной войны — темой единства фронта и тыла. Она чрезвычайно разнообразна по мотивам, образам и настроениям, но в большинстве случаев эта тема решается в личном плане. Большое место в ней занимают морально-этические вопросы: любви, верности, сознания долга и т. д. Потребность в теплом, ободряющем слове, в заботе и внимании на фронте была не меньшей, чем потребность в хлебе и оружии. Дом олицетворял собой для воина родину, а путь домой пролегал по кровавой тропе войны. Родиной для солдата была жена и близкие. За их счастье и спокойствие он воевал. Этим сознанием пронизаны многие песни и частушки, возникавшие в тылу. Они вместе с весточками из дома попадали на фронт к бойцам и доносили голос тех, фотографии которых бережно хранились в кармане гимнастерок. В песне «Нет для нас ни верст, ни расстояний» говорится:

Ты пройдешь через бои с врагами
В этой грозной и святой войне:

Шаг вперед, проложенный штыками, —
Это шаг, любимый мой, ко мне...³⁹

Горячая забота о защитниках родины, раненых, вера в действенную силу взаимной любви выражена во многих девичьих военных частушках. В них, как и в песнях, в первую очередь раскрывается душевное благородство советских женщин, чистота их нравственного облика, стойкость характера и сознание долга.

Для выражения мотивов ожидания, верности, любви часто перерабатывалось стихотворение К. Симонова «Жди меня», песня А. Суркова «Землянка» (ср. № 144) и др. Оригинальной формой в разработке этой темы явились письма-обращения (ср. № 145) и разного рода «ответы» (ср. №№ 147, 158).

В отличие от песен и частушек первых пятилеток труд в годы войны не являлся предметом особого изображения. В большинстве случаев отмечалось лишь его значение в деле победы:

Мы с миленочком вдвоем
Оба Гитлера добьем:
Он прикладом и штыком,
Я — стахановским трудом.

Забота о фронте выражалась и в стремлении молодежи подготовить себя к защите родины. В частушках и песнях даны образы девушек-патриоток, овладевающих военными специальностями и готовых прийти милым на смену:

Задумевшая, от дроли
Похоронная пришла.
Вы скажите военному,
Я на сменушку пришла.

Среди девушек особую популярность приобрела специальность медсестры. Образ медсестры в песнях и частушках воплощает красоту и самоотверженность советской женщины, вставшей в годы войны на самые опасные рубежи защиты родины и под огнем противника выполнявшей свой нелегкий труд. Подвиг женщины в войне послужил основой поэтической биографии Катюши — героини песни М. Исаковского, приобретшей во фронтовых и партизанских песнях черты активного бойца за родину. В этих песнях она предстает в разных видах — медицинской сестры, отважного командира партизанского отряда или просто девушки-воина с автоматом в руках (ср. №№ 124, 133). Отдавая дань подвигам советских женщин в годы Великой Отечественной войны, наш народ назвал «Катюшей» самое грозное реактивное оружие тех лет.⁴⁰

³⁹ Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. Музгиз, Л.—М., 1950, стр. 62—63.

⁴⁰ См. подробнее: Л. В. Домановский. Устные рассказы. В кн.: Русский фольклор Великой Отечественной войны, стр. 208—211 и 263.

Во фронтовом и партизанском фольклоре отражались боевые подвиги советского народа. В своей совокупности эти произведения составляют своеобразную поэтическую летопись военных событий, точно и правдиво запечатлевшую разные этапы великой войны.

Большое количество произведений первых месяцев войны связано с отступлением нашей армии. В них рассказывается о защите отдельных рубежей (см. «Товарищи, дружно, рубеж не сдавай», № 103), легендарной обороне Брестской крепости («На стены, под знамя!», № 104), подвигах бойцов и командиров («Шестнадцать бойцов», № 105), гибели товарищей, презревших смерть, но не отступивших назад. Высокая эпичность в таких произведениях сочетается со страстной агитационностью, призывом преодолеть все трудности и испытания, но не пропустить бешено рвущегося врага. В песне «Товарищи, дружно, рубеж не сдавай», созданной на мотив песни «Гибель „Варяга“», изображена типичная картина отступления и твердое мужество советских воинов:

Рвутся снаряды и танки гремят,
Над нами стервятники вьются,
Но мы порешили: ни шагу назад,
Фашисты сюда не прорвутся.

Важно отметить, что в самые тяжелые дни испытаний фронтовой фольклор был проникнут глубочайшим оптимизмом, твердой уверенностью в конечной победе над хорошо вооруженными фашистскими ордами. В дальнейшем эта черта стала общей и для партизанского творчества.

Произведения, посвященные обороне, заключали в себе идеи, способствовавшие воспитанию новых боевых качеств у советских воинов. Они прославляли истребительные дела снайперов, меткие залпы артиллеристов и минометчиков, смелость и искусство разведчиков, клеймили позором трусов. Важное значение приобрела тема содружества разных родов войск.

Некоторые характерные особенности этих произведений, в особенности эпичность изображения, эмоциональная приподнятость, героизация подвига в сугубо конкретном проявлении и страстная агитационность, были затем развиты и дополнены новыми чертами и новым содержанием в солдатском творчестве, посвященном обороне различных городов-героев.

На первом месте в этих произведениях стоит образ защитника города, солдата или моряка, дерущегося насмерть с врагом. В «Песне севастопольцев» (№ 116) горстка моряков, оставшихся в живых, заявляет:

Пусть мы погибнем в неравном бою,
Но братья победы добьются,
Взойдут они снова на землю свою,
С врагами сполна разochtутся.

Уверенность в скором возвращении в родной, лежащий в развалинах город звучит и в других песнях об обороне Севастополя и Одессы.

Во многих произведениях, связанных с обороной городов-героев, существенное место занимает тема преемственности революционных традиций и русской боевой славы. Так, балтийские моряки, защищая родной Ленинград, своими сокрушительными ударами по врагу как бы подчеркивали, что они «из Кронштадта» (№ 113). Герои гражданской войны стояли перед взором защитников Одессы. Образы Суворова и Чапаева вдохновляли севастопольцев (ср. № 117).

В некоторых легендах и устных рассказах любимые народные герои нередко выступают непосредственными участниками борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. В Ленинграде возникла легенда о броневике В. И. Ленина, появлявшемся на самых трудных участках Ленинградского фронта и помогавшем одерживать победу.⁴¹ Традиционный мотив чудесной помощи лежит в основе легендарной сказки «Чапаев и бойцы Сталинграда».⁴² Среди брянских жителей и партизан ходила легенда о Бряныче, местном богатыре, в далеком прошлом выступавшем против господ и против Наполеона, а в годы Великой Отечественной войны принявшем облик партизанского вожака Филиппа Стрельца.⁴³

Многие произведения фронтового и партизанского фольклора связаны с реальными лицами, совершавшими отдельные подвиги, нередко стоившие им жизни. В этих произведениях наблюдается тенденция к точной передаче обстановки, в которой действовали герои, в них запечатлены их характерные индивидуальные черты. Вместе с тем в таких произведениях есть обобщения, образы героев даются в наиболее типических качествах. Примером может служить песня о майоре Акулове, погибшем в бою на Белгородском направлении, где его батальон в течение нескольких суток сдерживал натиск двух механизированных немецких дивизий. Он смело и отважно вел свой батальон в атаку:

Нам не забыть поля наши родные,
Где день и ночь дрались мы с врагом,
И под дождем, в сырых окопах тесных
Комбат был с нами вместе под огнем.⁴⁴

Для песен, посвященных памяти героя, типична тема его бесмертия и вечной славы. Образ погибшего командира или товарища по оружию служит примером, зовет к мести.

⁴¹ Д. Молдавский. Легенда о броневике. Нева, 1955, № 8, стр. 188.

⁴² Донские сказы и сказки. Зап. Б. С. Лащилин. Сталинград, 1951, стр. 40—41.

⁴³ См.: В. Андреев. Народная война. Лениздат, 1952, стр. 83—84.

⁴⁴ В. Ю. Крупянская и С. И. Минц. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 44.

На фронте и среди партизан часто слагались песни и о безымянных героях. В отличие от песен с определенным героем они приобретали гораздо большую известность и распространялись во многих вариантах. Повествование о безымянном герое обычно ведется от лица товарища — очевидца его героического подвига и славной кончины:

Я встретил его близ Одессы родной,
Когда в бой пошла наша рота, —

говорится в песне о моряке-черноморце (№ 115), и этот запев характерен для многих других песен.

В песенной характеристике героя подчеркнута его обыкновенность, отмечены черты и свойства, близкие и понятные каждому советскому человеку. Сила духа такого героя раскрывается в решающий момент боя. Со смертельной раной в груди ведет танкист свою пылающую машину на таран немецкого «тигра», а летчик посылает горящий самолет на цистерны с бензином. Лирический пафос песен наиболее сильно выражен в монологе героя, составляющем обязательную принадлежность их композиции. Он бывает обращен к товарищам, к городу, за который отдал жизнь герой, или к родным и близким. В предсмертной речи танкиста, обращенной к жене, любовь и забота о семье соединяется с гордостью воина, готового на самопожертвование:

Жена молодая, ты слезы не лей,
Быть может, я выйду из строя,
И наших детей воспитать ты сумеи —
Скажи им, что пал я героем.
Утешь, приголубь мою старую мать —
Ей будет ведь всех побольнее,
Скажи, что со славой в бою умирать
Танкисты без страха умеют.⁴⁵

Песенные циклы о безымянном герое чаще всего создавались на мотивы старых народных песен («Раскинулось море широко», «Кюного» и некоторых других). Тема этих песен традиционна и широко разработана в русских солдатских и матросских песнях в прошлом.

Образ коллективного массового героя в годы Великой Отечественной войны получил свое развитие в строевых маршевых песнях. Они создавались в различных воинских частях и партизанских отрядах и отражали их боевой путь, рассказывали об отдельных ярких эпизодах и сражениях. В процессе наступательных боев эти песни вбирали в себя новые факты, новые географические названия, имена новых героев. В первый период войны в них часто вводились картины разорения родной земли, жестокой расправы врагов с советскими людьми. Песни призывали к беспощадной борьбе с гитле-

⁴⁵ В. Е. Гусев. Русские народные песни Южного Урала. Челябинск, 1957, стр. 113.

ровскими захватчиками. Для песен последнего, завершающего этапа войны особенно характерен мотив гордости воина-победителя:

За Вислу и Одер от Черного моря,
От гор Закавказья к отрогам Карпат,
В поту и в грязи, с непогодою споря,
Прошел наш гвардеец, пехотный солдат.⁴⁶

Жанровое и тематическое разнообразие фронтового и партизанского фольклора, конкретность в изображении дел и судеб непосредственных участников войны позволили не только ярко нарисовать облик советских воинов, но и показать те черты и душевные качества, которые помогли им одолеть все трудности и испытания войны и добиться победы. Особое значение этих произведений состоит в том, что в них образ того или иного героя создавался самой массой и отражал народные представления о героизме. Поэтому герой, даже сохраняя свое имя и некоторые индивидуальные черты, всегда выступает представителем народа, носителем его чувств, характера, деяний. Типическое в жизни в них переросло в типическое в искусстве и приобрело общенациональное значение.

В годы Великой Отечественной войны большое развитие получило сатирическое творчество. Оно разнообразно по содержанию и жанрам и во многом опирается на многовековую народную традицию: смех всегда составлял острейшее сатирическое оружие народа в его социальной и национально-освободительной борьбе. В сатирических песнях, частушках, пословицах и поговорках, сказках и прозвищах раскрывался отвратительный образ гитлеровской граб-армии и ее главарей и приспешников, показывались провал их бредовых планов и полное превосходство советских людей над врагом.

В большинстве своем эти произведения создавались по образцу широко известных песен, пословиц и т. д. Комический эффект в них возникал вследствие контраста между хорошо знакомой формой пародируемого произведения и совершенно новым, политически острым содержанием. Таковы, например, сатирические песни на мотивы «Синего платочка», «Коробочки», «Катюши», «Два друга» и др. В частушках, в силу сатирической традиции, часто используются комические и нелепые ситуации:

Сидит Гитлер за столом,
Пишет заявление,
Что советская «Катюша»
Не дает спасения.

В годы Великой Отечественной войны с особенной определенностью обнаружились ведущие тенденции в развитии современного народного творчества. Оно развивалось как массовое творчество социалистической эпохи в тесном взаимодействии с литературой. При

⁴⁶ Архив Музея Советской Армии, инв. № 3077.

всем разнообразию своих видов фольклор Великой Отечественной войны представляет собой синтез народных традиций и элементов, идущих от профессионального советского искусства. Усилившееся влияние литературы, в особенности творчества поэтов-песенников, приводило к стиранию граней между искусством самодеятельным и профессиональным. Это стирание происходило не только вследствие общего идейного содержания, но главным образом благодаря близости художественной системы советского фольклора к системе литературной. Поэтому удачное произведение неизвестного автора и профессионального поэта, участников армейской самодеятельности, одинаково воспринималось воюющим народом и получило широкое распространение.

Наметившиеся в годы Великой Отечественной войны процессы характерны и для развития советского фольклора в послевоенный период. Исследование их представляет значительные трудности, так как они далеко не завершены. Некоторые новые явления все еще составляют предмет дискуссий. Споры, в частности, касаются развития современного молодежного творчества, собирание и изучение которого только начинается.

В послевоенном фольклоре, как и в предыдущие периоды, большое и совершенно понятное место занимает тема родины, ее успехов в строительстве коммунизма, больших патриотических чувств. Благодаря лирическому началу их изображение лишилось оттенка «официальной» парадности и лозунговой риторичности. Оно во многом приближается к задушевной русской песне. Эта близость наблюдается в подчеркивании характерных национальных особенностей героев, пейзажа, в общем эмоциональном строе. Родина часто предстает в образе одного ее уголка — города, села, реки. Много песен посвящено Волге в связи с развернувшимися на ней стройками коммунизма. Для таких песен характерно стремление показать на примере родного края и красоту родины, и большие преобразования, которые всюду происходят. Вместе с тем это служит и своеобразным приемом изображения труда советского человека. Картина строительства или нового пейзажа (моря в степи, целинных просторов и т. п.), изменившего облик земли, — не просто производственная обстановка, в которой неустанно трудятся советские люди, а и зримые творения их рук, вызывающие гордость и восхищение.

С богатством родины, ее успехами и достижениями связывается народное представление о счастливой жизни. Поэтому в песнях, посвященных родному краю, всегда выражается пожелание его дальнейшего расцвета:

Сторонушка, сторонушка,
Донской привольный край,
Расти, моя сторонушка,
Цвети и расцветай.⁴⁷

⁴⁷ Архив Гослитмузея. Автор песни — колхозник Г. П. Кружилин, музыки — колхозник П. Косоножкин.

Возникновение новых произведений послевоенного народного творчества чаще всего связано с художественной самодеятельностью. Их авторами являются непосредственные участники коммунистического строительства: колхозники и рабочие, представители сельской и городской интеллигенции — люди разных возрастов и профессий, разных степеней образования и культуры. Самодеятельные авторы в своих произведениях ориентируются не только на старую народную песню, но и на советскую. Ее воздействие на их творчество с каждым годом становится все более сильным и определяющим. Профессиональные музыканты оказывают им постоянную помощь.

Особую и самостоятельную область, тесно связанную с развитием самодеятельного творчества, составляют современные молодежные песни. Они не имеют твердо установившегося названия. Иногда их называют «туристскими», «студенческими», песнями геологов, альпинистов, самодеятельными. Создатели этих песен предпочитают, чтобы их называли «авторскими».⁴⁸ Их неустоявшиеся названия раскрывают лишь одну какую-нибудь сторону или особенность этого творчества. По своей природе оно составляет массовое, непрофессиональное творчество молодой интеллигенции конца 50—60-х годов. Его широкий размах и развитие в послевоенный период свидетельствует о подъеме как общей так и музыкально-поэтической культуры советского народа.⁴⁹

Русский советский фольклор прошел большой путь развития. Как активный участник всей жизни нашей страны, он вошел в историю Советского государства. На всех этапах его развития произведения советского фольклора помогали советским людям в труде и борьбе, поддерживали энергию и энтузиазм строителей нового общества. Они являлись могучим средством мобилизации масс, их воспитания в духе коммунизма.

За пятидесятилетнюю историю развития советского фольклора в нем сложились свои традиции, свой метод и художественная система, свои организационные формы. Все это позволило советскому фольклору стать подлинно массовым искусством эпохи социализма, отражать мысли и деяния советского народа.

Л. Домановский.

⁴⁸ Ср.: Ада Якушева. Песня большая и малая. Молодой коммунист, 1966, № 1, стр. 108.

⁴⁹ См., например, новейший сборник статей: Современный русский фольклор. Изд. «Наука», М., 1966.

ТЕКСТЫ

I

РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

(Стр. 41—71)

II

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО 1920—1930-е гг.

(Стр. 72—99)

III

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

(Стр. 100—147)

IV

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

(Стр. 148—164)

1. РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1

Воля свершилась народная,
Грозный семнадцатый год.
Здравствуй, Россия свободная!
Здравствуй, свободный народ!
В пору тяжелой невзгоды
Залиты кровью года.

Кто раз поцелован свободой,
Не будет рабом никогда.

И если ружейные дула
Заглянут в глаза нам опять,
То знайте — и время минуло, —
Свободу нельзя расстрелять.

2

Из разных сторон Петрограда
Собирался рабочий народ.
В домах — полицейских засада,
Все время стрелял пулемет.

Но шли, ни на что не взирая,
Свободу и хлеб добывать,
И долг свой они выполняли:
Решился народ умирать.

А царь Николай в это время
У Двинца с составом стоял,
Собрав кроважадное племя,
Надежды в душе не терял.

Он думал, что все обойдется,
Надеясь, как был пятый год,
Он кровью народа напьется
И снова опять заживет.

Солдаты ему изменили,
Не стали в рабочих стрелять
И вместе с народом решили
Свободу и хлеб добывать.

Из разных сторон Петрограда
Собирался рабочий народ.
За кровь получил он награду —
Свободно на праздник идет.

3. КАК РАБОЧИЙ И МУЖИК ПРАВДУ ИСКАЛИ

Жил бедный мужик в деревне. Помещик его куда пошлет — он должен идти! У мужика ребят было много, тяжело семейство кормить. Он подумал: «Как я буду жить? Пойду я искать правды».

Вот идет дорогой, встречается рабочий.

— Куда идешь, товарищ?

— Да иду правду искать.

— Я тоже иду правду искать!

— Ну, пойдем вместе, вдвоем лучше.

Вот они пошли. И стоит помещика дом.

— Давай, товарищ, зайдем сюда.

Зашли они к помещику и говорят: «Барин, скажи, где правда есть?».

Барин отвечает им:

— Идите-ка, поработайте у меня — и правду узнаете.

Вот они пошли работать — рабочий и мужик. Работают они день, работают два, на третий день идет этот хозяин, они увидели.

— Эй, ты нам скажешь правду?

Он усмехнулся и говорит им:

— У меня по три года работают, а правды не спрашивают, а вы три дня поработали да правду хотите узнать. Тогда нам некогда будет спать, если всю правду сказать.

Они говорят:

— Так что, если правду не сказываешь, давай нам расчет.

Вот они расчет получили, уходят с помещичьего двора и друг другу говорят:

— Правду люди сказывали, наши старики: «Помещик дерет с нас кожу да с наших родителей. А мы с картошки подерем».

Ну, вот рабочий сказывает:

— Пойдем, товарищ, дальше искать правду.

Они пошли. Стоит фабрика от кулака. Они заходят в контору. Но не знают — управляющий сидит или хозяин, это неизвестно. Вот рабочий и говорит: «Барин, скажи нам, где правда есть?». Барин усмехнулся: «Иди-ка на фабрику, поработай и правду узнаешь».

Вот они пошли работать. Он поставил их на работу такую, что даже с плеч два раза в день рубашки снимали, все пот выступал, солью выступал. На третий день идет этот управляющий или хозяин, им неизвестно. Идет — они и говорят:

— Барин, вы скажете правду?

— Ого! — усмехнулся, — у меня люди по пяти лет работают — правду не знают, а вы три дня поработали — правду хотите узнать? Если вы правду хотите узнать, так некогда будет спать.

— Ну, давай, барин, расчет!

Он тоже сказал:

— Пожалуйста.

Вот они расчет получили, выходят с этой фабрики и говорят:

— Правду люди сказывали, наши старики, которых помещики драли на конюшне. Вот, товарищ, правда есть: они дерут с нас кожу, а мы хоть с картошки подерем, потому что больше питания нету.

Вот рабочий и говорит:

— Пойдем до царя-батюшки. Он наш земной бог. Он нам всю правду скажет.

Вот и пошли до царя. Там стоит стража, к царю не пускают.

— Вы куда идете?

— К царю-батюшке, хотим правду узнать.

— Сказывай, сказывай! Ты свои уши видел? Нет? Тебе и царя-батюшки не видать, а казацких плетей получишь!

Ну, они все-таки этого не испугались, через один караул пробрались. Вот подходят к другому караулу, поближе к царю. Там у них и спрашивают:

— Вы откуда явились?

— Да к батюшке-царю идем.

— Как же вас караул пропустил первый?

Их сейчас же тут долго не спрашивали. Казацких плетей получили, за ворота выкинули их; не знают, где и были, а друг от друга не отстают и говорят:

— Вот и правда есть на свете: помещики дерут кожу, фабриканты дерут кожу, тако само и царь-батюшка. Да, рубец на спине! Ну, подерем кожу и пойдем искать дальше.

Вот они пошли из Петрограда. Шли они почтовой, ни у одного копейки нету.

— Как, товарищ, проживем? Где правду найдем?

А рабочий сказывает:

— Нет, крестьянин, пойдем дальше правду искать! Вот лесная дорога — пойдем-ка по этой дороге.

Они пошли. Так что, может, верст двадцать прошли (скоро сказывается, а шагами — так тяжело). Видят — в лесу полянка, большая такая.

— Давай-ка мы зайдем сюда! Вот там шалаш какой-то есть, верно охотник там живет.

И они подходят. Там сидит человек, плохо одетый был. Они подходят:

— Здравствуй, товарищ!

— Здравствуйте, здравствуйте!

— Ты, — говорят, — охотник?

— Да.

— Скажи нам, где правда есть?

Он усмехнулся, сказал:

— Сядьте, покурите, а потом я вам правду скажу.

И они сели, покурили, а он им и говорит:

— Правда в наших руках. Только сами себя не жалеите, тогда и выйдет наша правда.

Мужик немного испугался, а рабочий и говорит:

— Вот тут правду нам и узнать, у полесника. (А никто не знал, кто он такой).

— Ну, — говорит полесник, — теперь пойдемте за мной.

Вот и ведет в Петроград их. Приходят они до завода (Буховский завод). Он и говорит им:

— Ступайте на этот завод, поступайте на Буховский завод на работу и правду узнавайте. Только сами себя не жалеите и сказывайте.

вайте всем, что вот такой там в лесе полесник сидит, говорит, что если мы собьем помещиков, фабрикантов и царя — тут и правда будет наша.

Вот они и пошли, остались работать.

Работают они уже целый месяц и каждому рабочему говорят:

— Вот, товарищи, там полесник сидит один, говорит, что должна быть правда в рабочих руках.

И уже собралось людей много вокруг них. Прошло еще время, и уже собралось их до пятисот человек, все за правдой пошли.

— Ну, давайте, — говорят, — теперь выйдем за ворота.

Вот они выходят из ворот, уже мужик видит и рабочий видит, что за ними пошло много людей, много теперь силы собралось. Рабочий и говорит:

— Теперь, товарищи, хоть у нас нету припасов, так грудью затесним!

Вот они пошли смело, доходят до дворца, а тем еще больше народу, чем здесь. Да. В народ окруженный, один человек стоит на трибуне, говорит речь. Мужик и рабочий говорят:

— Пойдемте, товарищи, ближе!

Подошли. Вот рабочий крикнул:

— Это же наш учитель, который нам правду сказал!

С тех пор и пошла ленинская правда. И уж который год идет она, и мы должны за правду держаться всегда, и не погибнем никогда!

4

Кто свою свободу любит
И кто всей душой,
И кто всей душой,
Тот с мечом в руках спешит
На открытый бой.
На бой, на бой, кровавый бой!

Пять веков мы в рабстве жили,
Царский гнет несли,
Царский гнет несли.
Пришло время сбросить иго,
Цепи разорвать.
На бой, на бой, кровавый бой!

Наш великий Ильич Ленин
Нам велел идти,
Нам велел идти,
Чтобы бедным дать свободу,
Чтобы их спасти.
На бой, на бой, кровавый бой!

Скажи, товарищ, ведь недаром
Горит огнем над миром старым
Свободная заря?

Ведь были грозные удары,
Когда пылала Русь пожаром,
Недаром помнят коммунары
Восстанье Октября?

Ведь были дни темнее ночи,
Терпел нужду и гнет рабочий,
Спасенья молча ждал.

И вот под тягостным позором
Восстало грозным приговором
Седьмое ноября.

Мы долго молча гнет терпели,
В работе каторжной горели
Мозоли на руках.

Держали царские порфиры
Попы, дворяне и банкиры;
Вожди рабочих всего мира
Томились в кандалах.

Скажи, товарищ, ведь недаром
Горит огнем над миром старым
Наш лозунг боевой?

Пора возмездия настала,
Долой насилие Капитала!
В лучах Интернационала
Возник советский строй.

6. БОГА НЕТ, ЦАРЯ НЕ НАДО (Частушки)

а Эх, солдат, ты, солдат,
Выпрями-ка спину!
Не пора ль поднять, солдат,
На царя дубину?

б Взять бы треснуть по башке
Все семейство царское.
Развернись во всю дружней,
Сила пролетарская!

в Разъезжали с флагами,
Кидались бумагами,
А в бумагах манифест:
«Царь посажен под арест».

г Ты гони буржуя в шею,
Пошил нашей кровушки.
Жили мы через него
Без земли, без волюшки.

д Бога нет, царя не надо,
И без них мы проживем.
У нас есть товарищ Ленин,
Защищать его пойдем.

е Эх, яблочко,
Сбоку зелено.
К черту Думу, господ —
Даешь Ленина!

7. ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ

Лишь море да бури... Все слышится брань,
И пенятся волны высоко...
А остров печально глядит Березань,
Чернея вдали одиноко.

На острове этом лежит лейтенант
Без гроба в холодной могиле...
Царь — страшный «законник» и пошлый тиран —
Искал справедливости в силе.

За то, что позволил себе говорить
Борец о любви за свободу,

Царь-деспот велел лейтенанта казнить,
Чтоб смуту рассеять в народе.

Лишь только восток озарился зарей,
Борец отдал жизнь за свободу...
И бывший товарищ его судовой
«Пли!» крикнул матросскому взводу.

Веленье исполнив царя-подлеца,
Матросы, как дети, рыдали...
И тело без гроба зарыли бойца
И землю поротно топтали...

И скоро об этом забылся народ,
Сравнили следы непогоды...
Но вот наступил знаменательный год,
И Русь озарилась свободой.

И в полночь глухую на острове том
Встает лейтенант из могилы,
На север он грозно грозит кулаком,
Где царь арестован постылый.

На юг он, простерши рукою во тьму,
«Товарищи, — шепчет, — придите,
Здесь скучно и грустно лежать одному,
Вы бедные кости возьмите.

Здесь море да бури, да чайки кругом,
И голые стонут утесы...
Хочу на том месте я, братья, лежать,
Где кровь проливали матросы.

Они проливали горячую кровь
За правду, за честь, за свободу,
За равенство, братство и нашу любовь
К России, а также к народу.

Но вот встрепнулся народ-великан,
И царскую дрянь упразднили...
Так помни, товарищ, что есть Березань
И там лейтенанта могила.

8

Красное знамя, заветное знамя —
Символ свободы святой,
Все ты обмочено кровью народной,
Горькой народной слезой.

Ткали тебя исхудалые пальцы,
Шилья в рабочих руках,

Древко твое выростало в неволе,
В жалких лесах бедняка.

Тощие гвозди, что в древко впились,
Вбиты рукой кузнеца.
Кто подымал тебя гордо, высоко,
В тех трепетали сердца.

Но время умчалось, пора миновала,
Рухнул палач вековой...
Красное знамя, как символ свободы,
Вьется над нашей страной.

9. ЗАЩИЩАЙ СВОБОДУ

(Частушки)

<p>а Ходят волны по реке
Белыми барабками.
Переполнен Петроград
Матросскими рубашками.</p> <p>б Свергнули полицию,
Поставили милицию.
В волостях везде — Советы,
А в деревнях — комитеты.</p> <p>в Привезли в село пакет —
Это Ленина декрет,
Чтоб помещичья земля
Вся крестьянская была.</p> <p>г Я и слушать не хочу
Партию кадетскую.
С кем угодно в бой пойду
За страну Советскую.</p> | <p>д Не за веру и царя
Воевать охочи мы —
За заводы, за поля,
За крестьян с рабочими.</p> <p>е Как пошли наши ребята
В Красну гвардию служить,
В Красну гвардию служить
Да буйну голову сложить.</p> <p>ж До свиданья, мать родная,
До свиданья, брат, отец,
Я решаю белу банду
Под горячий брать свинец.</p> <p>з Ох, яблочко,
Не катися в воду.
Бери, товарищ, пулемет,
Защищай свободу!</p> |
|--|--|

10. ЯБЛОЧКО

(Частушки)

<p>а Эх, яблочко,
Да ты хрустальное.
Революция
Социальная!</p> <p>б Эх, яблочко,
Наливается.
Пролетарии всех стран
Соединяются.</p> <p>в Эх, яблочко,
Сбоку дырочки.</p> | <p>Не дождаться вам, попы,
Учредилочки!</p> <p>г Эх, яблочко,
Сладко-кислое.
Буржуйские глаза —
Ненавидистные!</p> <p>д Эх, ты, яблочко
Укатилось.
Кадетская власть
Провалилася!</p> |
|--|--|

11. ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Слышишь, рабочий,
Война началась,
Бросай свое дело,
В поход собирайся!

Мы все на бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это.

Слышишь, крестьянин,
Война началась,
Бросай свою соху,
В поход собирайся!

Войны мы не хотим,
Но в бой готовы,
Ковать мы не дадим
Для нас оковы.

Красноармеец
На фронт уезжает,
Жену молодую
Одну оставляет.

Мы все на бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это.

А вот и окопы,
Трепчат пулеметы,
Но их не боятся
Красные роты.

Войны мы не хотим,
Но в бой готовы,
Ковать мы не дадим
Для нас оковы.

Вот и окопы,
Рвутся снаряды,
Но их не боятся
Наши отряды.

Мы все на бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это.

12. ПЕСНЯ КРАСНЫХ СТРЕЛКОВ

С помещиком, банкиром
На битву мы идем,
Грабителям народов
Мы гибель принесем.

Припев:

Все пушки, пушки заряжены,
Гудит наш красный строй,
И факелы зажжены
Зовут на смертный бой.

Мы, красные солдаты,
За бедный люд стоим,
За нивы и за хаты,
Свободу отстоим!

Припев.

Мы долго голодали
По милости царей
И слезы мы глотали
Под тяжестью цепей.

Припев.

Настало время, братья,
Всех палачей разбить,
Чтоб старый мир проклятый
Не мог бы нас душить.

Припев.

За землю и свободу
Вперед, стрелки, вперед!
И красных рать народу
Свободу принесет.

Припев.

Сыны народа с клятвой
Идут в последний бой
И перед красной битвой
Несут свой стяг с собой.

Припев.

Спи, дитя, во мраке ночи
 Дай и мне поспать.
 Твой отец — простой рабочий
 И батрачка — мать.
 Много, много пострадали
 Мы за жизнь свою.
 Спи, дитя, не знай печали.

Баюшки-баю.

Тяжело жилось народу:
 Гнет и произвол.
 И бороться за свободу
 Твой отец пошел,
 Чтоб в бореенье неустанном
 Дать в родном краю
 Власть рабочим и крестьянам.
 Баюшки-баю.

И под красные знамена
 Люд рабочий стал,
 Против старого закона
 Ринулся, как шквал.
 В Красной Армии с другими
 Твой отец в бою...
 Спи, ребенок мой любимый.

Баюшки-баю.

Будет месяцы и годы
 Длиться в мире бой,
 Но добьемся мы свободы,
 Жизни трудовой.
 И придет конец невзгодам
 Не в одном краю,
 Будет воля всем народам.
 Баюшки-баю.

14

Из-за лесу, лесу копий и мечей
 Вышла рота коммунаров-лихачей,
 Гей, гей, пусть говорят,
 Вышла рота коммунаров-лихачей.
 Впереди всех командир их молодой,
 Ведет роту коммунаров за собой.
 Гей, гей, гей, герой,
 Ведет роту коммунаров за собой.
 За мной, братцы, не робей, не робей,
 На засаду поспешай поскорей.
 Гей, гей, гей, герой,
 На засаду поспешай поскорей.
 На засаде мы сидели до утра,
 Пули сыпались, жужжали, как пчела.
 Гей, гей, пусть говорят,
 Пули сыпались, жужжали, как пчела.
 Пули сыпались, жужжали, как пчела,
 Кровь буржуйская лилася, как струя.
 Гей, гей, пусть говорят,
 Кровь буржуйская лилася, как струя.
 Проходили мы крестьянские поля,
 Выходили к нам крестьяне из села.
 Гей, гей, пусть говорят,
 Выходили к нам крестьяне из села.
 Проходили мы рабочие мосты,
 Все рабочие бросали нам цветы.
 Гей, гей, пусть говорят,
 Все рабочие бросали нам цветы.

15. ЗА СОВЕТ НА ФРОНТ ИДЕМ

(Частушки)

- а* Во солдатушки, ребятушки,
С охотою пойдем.
За Советску власть, ребя-
тушки,
Горячу кровь прольем.
- б* У крутого бережка
Пароход качается.
За Совет на фронт идем,
Нечего печалиться.
- в* Ты сыграй, товарищ, песню
«С неба полуденного».
Пойдем в армию служить,
В конницу Буденного.
- г* Ты не плачь, моя забава,
Не грусти, родная мать!
Разобьем белогвардейцев,
Прикачу домой опять.
- д* Куда гуси полетели?
Озерную воду пить.
- Куда миленький поехал?
На войну бандитов бить.
- е* Когда Колю забирали,
Я взяла с него обет:
До последней капли крови
Защищать в бою Совет.
- ж* В исполкоме знамя красно
Ветром раздувается.
Мой миленочек на фронте
С белыми сражается.
- з* Мой миленок коммунар,
А я коммунарочка.
На позицию пошлют —
Отчаянная парочка.
- и* У реки растет береза,
Зеленеют завитки.
У Антанты зубы долги,
Только лапы коротки.

16. ВДОЛЬ ПО ФРОНТУ КАВАЛЕРИЯ ИДЕТ

Рано утром только солнышко взойдет,
Вдоль по фронту кавалерия идет.
Кони резвые копытами стучат,
Шашки острые на солнышке блестят.
Командиры наши — славные бойцы,
Все лихие, удалые молодцы.
Знают, где и как командовать всегда,
Мы не будем побеждены никогда.
У республики на страже мы стоим,
Власть Советов никому не отдадим.
Мы еще, еще немножко подождем,
Бить буржуев по свету мы пойдем.
Пусть запомнит каждый белый генерал,
Как от конницы от славной удирал.

17. КОЧЕГАР

На просторе Каспий-моря
По искрящейся волне
Пароход идет военный
С флагом белым на корме.

На верху штаб-офицеры
И полковник в орденах —
На ногах сверкают шпоры
И погоны на плечах.

Пьют вино, кричат, смеются:
«На веревку вздернем всех
И Совет разгоним лихо
Без препятствий и помех».

У котла у парового,
Черен грязью и угрюм,
Кочегар сидит согнувшись
От напыва тяжких дум:

«Скоро будет Александровск,
Там не ждут таких гостей;
Власть Советская лишится
Снова лучших сыновей».

Вдруг он слышит в рупор голос:
«Город видишь, тихий ход».

«Эй, прощай, жена и дети,
И прощай, честной народ!»

Быстро клапан закрывает,
В топку сыпет уголь весь
И на палубу взбегают,
Словно грозной смерти весть.

Вслед за ним несется грохот,
Пар вздымается столбом,
Пароход взлетел на воздух,
Тонет в море голубом.

Море в пене, солнце блещет,
На просторе — никого.
Власть Советская дороже
Бела света самого.

18. ЭХ, ЯБЛОЧКО

(Частушки)

а Эх, яблочко,
Да с червоточинкой.
Мы к врагу подошли
Темной ночью.

б Мы к врагу подошли
Да ударили,
Мы до самой зари
Белых парили.

в Я на Волге делов
Понаделаю:
Не забудет матроса
Сволочь белая.

г Эх, яблочко,
Да ты румяное.
В расход выводить
Белых стану я.

19. ДВА БРАТА

В деревушке, в убогой избушке
Жили мирно два сына с отцом.
Уважали их все в деревушке
И считали хозяйственным дом.

Революция огненным пылом
Пронеслася над миром грозой.
За свободу, за волю народа
Кровь горячая льется рекой.

Привезли пулеметы и пушки.
Стон, проклятья, расстрелы и крик.
И спалили огнем деревушку,
И заплакал несчастный старик.

Старший сын в одну темную ночь
В Красну Армию тайно ушел.
Дали младшему в руки винтовку,
Добровольцем он к белым пошел.

Но судьба ль так жестока над нами:
И в бою, на пожарах войны,
Повстречались два брата врагами
И друг друга узнали они.

Старший молвил: «Ты в белых солдатом,
Твой девиз — и грабеж и расстрел.
Не зову тебя больше я братом», —
И винтовку он взял на прицел.

На курок нажимал он бесцельно,
Младший брат за винтовку схватил,
Совершилось ужасное дело —
Штык он старшему в сердце вонзил.

И стоял он, как Каин-преступник,
Старший брат перед ним умирал.
Младший брат, от свободы отступник,
Горько-горько над трупом рыдал:

«Тебе, братец мой, вечная память,
Все друзья на могилу придут,
Принесут в руках красное знамя,
Честь и славу тебе воздадут.

Эх, а как же домой я явлюсь?
Все родные меня проклянут,
Что не есть я защитник свободы.
И бандитом меня назовут».

И над трупом склонились лозы,
Вышло солнце сражение смотреть.
Но не лей ты горячие слезы,
Труп холодный тебе не согреть.

20. ВСТРЕЧА С БРАТОМ

Я вот в годы гражданской войны песню слышал одну, как два брата по-разному воевали: один — у белых, а другой — у красных. Как услышу это, песню, — слезы на глазах: ведь и у нас так было.

Я пошел в ряды красных, а брат Лукьян дома остался. Говорю ему:

— Пойдем, брат, с нами. Зачем тут оставаться?

— Нет, — говорит, — я тут спасусь. Ты ступай, а я не пойду.

А когда меня проводили, он начал озоровать над моей женой. То одежду выкинет на улицу, то ее выгонит — иди, мол, куда хошь.

Жена пробралась ко мне, и мы вместе с ней на фронт пошли. Первое время была в обозе, потом со мной ездила в разведку. Она, когда Оренбург взяли, от раны померла.

Как-то, это было в восемнадцатом году, около Милиуса, по реке Белой, стояли мы и белые. Утром подъезжаю с патрулем ближе к берегу, гляжу — на другой стороне мой брат стоит. Говорю товарищам:

— Это брат мой!

А они:

— Ошибся, должно быть, зачем он пойдет к белым!

Когда еще ближе подошел к реке, я и скричал:

— Лукьян, ты?

Он повернулся ко мне лицом и говорит:

— Ты что кричишь мне?

Я у него спрашиваю:

— Ты давно из двора?

— Неделю, — отвечает, — как из двора.

Я теперь и говорю:

— Чем отсюда нам кричать, переезжай сюда, к нам (у них лодка была).

Он винтовку берет и садится в лодку.

Я ему кричу:

— Зачем винтовка тебе? Чать не драться будем.

Он винтовку тогда отдал одному и сел в лодку.

Как стал подъезжать к нашему берегу, я слез с коня и спустился к нему на берег, стал лодку на берег вытаскивать, а он, сволочь, в меня из нагана выстрелил. Хотел в висок попасть, а попал в затылок. Я тогда выхватил пашку и зарубил его. Тут беляки огонь открыли по мне. Еще раз меня ранили. И начался бой. Крепко белякам всыпали наши. Только я вскоре память потерял, весь бой не помню, меня увезли в больницу.

21

Вдоль по линии Урала,
Как орел, Чапай летал.
Он летал перед войсками,
Всем наказ строгий давал:

«Чтобы были у вас, братцы,
Ружья новые в руках,
Сабли острые, как бритвы,
Револьверы в кобурах.

Нынче ночью в наступленье
Мы пойдем на Колчака
И без всякого сомненья
Разгромим его войска.

Смело, братцы, не робейте,
Знай, в сраженьях только прок.
Бей буржуев — не жалейте,
Час победы не далек».

Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой.
Ты добычи не дождешься —
Я солдат еще живой.

Ты, как спутник смерти близкой,
Всюду следуешь за мной.
Будь ты проклят, ворон-призрак!
Слушай, ворон, я не твой.

В степях ноченьки глухие,
Всюду мрак и тишина.
Где ж орлята боевые,
Мои верные друзья?

Чую, смерть вблизи таится,
Волки рыщут по степи.
Ночь зловещая, как птица,
Ой, скорее пролети.

Черный ворон, черный ворон,
Ты не вейся надо мной.
Лучше ты слетай-ка, ворон,
В край родимый, светлый мой.

Там скажи, что я со славой
Пал в чапаевском бою,
За народную свободу,
За отчизну за свою.

Среди песков сыпучих
Чапаевцы идут.
В своих руках могучих
Чапаева несут.

Припев:

Все тучки, тучки принависли,
На поле пал туман.
Скажи, скажи, Чапаев,
Что делать дальше нам?

Носилки не простые:
Из ружьев сложены,
А поперек стальные
Клинки положены.

Припев.

На них лежал сраженный
Чапаев наш герой.
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.

Припев.

Ремни его от сабли
Повисли по краям,

И кровь из ран струилась
По черным волосам.

Припев.

Чапаев приподнялся,
Чапаевцам сказал:
— Вперед, друзья! — и тихо
Закрыв свои глаза.

Припев:

Все тучки, тучки принависли,
На поле пал туман.
Погиб, погиб Чапаев,
Наш красный командарм.

Навеки мы простились
С Чапаевым своим.
В песках похоронили
Под кустиком одним.

Припев:

Все пушки, пушки грохотали,
Трепал наш пулемет.
Бандиты отступали,
Чапаевцы — вперед.

24. ЖИВ ЧАПАЕВ!

Чапаев был гордый и смелый, хоть и простого звания. В ту кровавую войну, что вели буржуи разных стран-государств, Чапаев служил простым солдатом. Смелый он был, никого не боялся и шашкой работал, что хороший плотник топором: ударит — не промахнется. За то ему генералы и офицеры разные ордена да ленты давали. Только Чапаев был не такой, чтобы генеральские подарки брать.

А потом, как буржуев скинули, прослышал про это Чапаев, собрал всех солдат и такое слово держит:

— Вот мы, солдаты, и свободы дождались, и землю в свои руки наши мужики взяли. Так будем мы воевать дальше аль нет? Давайте лучше по домам пойдем!

Ну вот, погуторили солдаты, ружья, сумки — через плечо, да и пошли на станцию, домой ехать.

Ладно, поехали. А тут войско большое, а впереди знакомый генерал на белом коне, как сыч, сидит, все пузо в орденах.

— Вы куда, солдаты? — говорит генерал.

— Домой.

— Как так домой, когда война не кончена? — И приказ дает всем выходить да обратно шагать.

Тогда Чапаев встает и говорит:

— Не слушайте генеральских обманов! Свобода сейчас! Меня слушайте! Мало нас, отступить надо, только бы в генеральских цепях не быть.

Ладно. Как сказал Чапаев, так солдаты и сделали: ушли от генеральского войска. Догоняй ветер в поле!

А на станции, куда приехали солдаты с Чапaeвым, еще другие солдаты встретились. Тоже домой собрались. Думают солдаты: «Ехать нельзя, как быть?».

— Воевать надо, — сказал Чапаев, — пока всех буржуев да их генералов долой не выгоним. А воевать не будем — нас перебьют и свободу задушат. Правду я говорю, товарищи?

— Правда! Надо воевать!

Выбрали солдаты своим командиром Чапаева. Стало у него войско: к солдатам еще рабочие и мужики пристали. Стал Чапаев большим красным командиром. Ну, и повел он на знакомого генерала свои полки. Дорогой ему мужики коней дали, посадил он всех солдат на этих коней — и пошли! Чапаев сначала позади ехал, а как стали подъезжать ближе к генеральским, усы покрутил, папаху заломил, вынул шашку, вынесся вперед и крикнул:

— За мной!..

И рассыпались по полю, понеслись чапаевцы. А Чапаев обернется назад и подбадривает:

— Смелее! Песню!..

Запели — любил Чапаев песни, — и сразу словно силы прибавилось у каждого. Так с песней и налетели на генеральских. Оробели сразу те, смотрят: откуда такое войско взялось? А генерал как стоял, так и обмер, уронил бинокль, да на лошадь, да удирать! А за ним и все его войско.

С того дня все генералы узнали, какой-такой Чапаев. Если с песней идут в бой и командир впереди, это самые чапаевские и есть. А самый смелый — Чапаев. И простой, что боец-красноармеец: бою нет — он песни поет со всеми и танцы танцует, а спать ляжет — тоже со всеми. За смелость, за простоту и любили его бойцы, в обиду никого не дает, стоит за землю и свободу. Скажет только, бывало-ча:

— Вот отвоюемся, коллективно будем жить. А пока, ребятки, воевать надо, твари кругом много расплодилось.

И дума у людей: правду командир говорит.

Пленных приводили к Чапаеву. Бывало-ча, спросит Чапаев у пленника:

— Кто я таков — знаешь? Я — Чапаев!

У пленника и глаза на лоб. «Убьет», — думает. Только не убивал Чапаев несознательных.

— Значит, ты мужик, а супротив своего же мужика воюешь? Так, что ли?

Пленник молчит.

— Вот что, брат. Иди ты к своим, скажи, что Чапаев не зверь, он за народ и умрет за народ.

Чудно станет генеральским: «Как так — „иди“? Кто же так пленников отпускает?».

— Что же ты стоишь? — говорит Чапаев. И сам выведет, руку подаст на прощанье.

Только не все уходили от Чапаева. Жалко им было расставаться с добрым командиром:

— Много мы против тебя воевали; прими теперь к себе.

Таких пленников Чапаев оставлял. Звезду прикрепит, винтовку даст. «Воюй», — скажет.

Целые села шли к Чапаеву. Генералы пятиться начали все назад да назад, к пескам бухарским, калмыцким, к самому морю Каспию.

Как-то однажды разогнал Чапаев всех генеральских далеко, сам в городе Лбищеве остался.

— Ну, теперь можно и отдохнуть, — говорит. — Пошлю я полки в разные стороны тварей добывать.

Так и сделал. С собой оставил один только полк. Узнали про это генералы: так, мол, и так, с Чапаевым людей мало.

Обрадовались генералы. А когда в Лбищеве все спали, они и подкрались ночью-то. Видимо-невидимо, что твоя мошкара! Лбищев обложили. Слышит Чапаев — стреляют. Выбежал на улицу.

Эге! Мошкары сколько! И выругался крепко — не доглядел, проспал...

Поднялись бойцы-красноармейцы во двор, а там Чапаев уже пулемет настроил и строчит. Бились чапаевские ночь и утром, мошкара боится вперед идти. И назад не пятится. «Выбьем этого Чапаева», — надеются...

Ранили в этом бою Чапаева и говорят, будто утонул в Урале.

Только неправда, что Чапаев утонул. Генеральские побили чапаевских, правда, а Чапаев остался. Раненый, весь в крови, шатается. Петька, товарищ его, поддерживает:

— Что ты один сделаешь? — говорит ему Петька.

А Чапаев уж и говорить не может — ослаб. Взяли его Петька на себя, да в Урал-речку, да на себе и переправил за речку. Выходил там его.

Выжил Чапаев и прозвище сменил, не Чапаевым стал прозываться, а по-другому как-то. За ошибку свою, значит, чтобы стыда не было на людях. И сейчас, люди бают, жив Чапаев, большим начальником стал, — справедливый такой, добрый.

25

По Уральским горам и долинам
Партизанский отряд проходил.
Они шли, за свободу дрались,
К ним на помощь рабочие шли.
Захотелось буржуям напиться
Пролетарской рабочей крови.

Не придется буржуям, наверно,
Во роскошных дворцах пировать,
А придется буржуям, наверно,
Во подвалах сырых зимовать.
А винтовочка красных по белым
Без промаха будет стрелять.

26

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский.

Припев:

Эх, шарабан мой,
Американка,
Не будет денег,
Возьму продам-ка!

Мундир сносился,
Погон свалился,
Табак скурился,
Правитель смылся.

Припев.

Омск отняли,
Иркутск заняли
И с шарабаном
И Колчака забрали.

Припев.

Ой, подружка, мне придется
В лапах белых побывать.
Ой, подружка, мне придется
От них горя повидать.

Алу ленту на могилу,
Еще розу положу.
Колчаковцы пусть пытаются —
Ничего им не скажу.

Ой, рябина, ты, рябина,
На тебе зеленый лист.
Как под этой под рябиной
Был застрелен коммунист.

Не скажу им про отряды,
Где скрываются в горах,
Где припрятаны снаряды
Во зеленых во лесах.

Кабы я была голубка,
Э да кабы я была сизая,
Да сизы крылышки бы я имела,
К дорогому своему Ленину я бы полетела,
Эх да полетела.
Хоть немного бы я с ним посидела,
Эх да посидела.
Да все бы я ему про свое горечко
Эх да объяснила.
За проклятых мы за белых страдаем,
Ох да страдаем.
Своих малых мы детей оставляем,
Ох да оставляем.
Э да ты услышь-ка, дорогой наш Ленин, нашу просьбу,
И ты пошли-ка, дорогой наш Ленин, к нам защиту,
Дорогих твоих детей, наших товарищей.

Три дня метели бушевали,
Тропинки снегом занесло.
Одно лишь темное ущелье
В красноармейский штаб вело.

Зажат в кольцо белогвардейцев
В горах Уральских эскадрон,
Но по скалистым по тропинкам
К своим решил пробраться он.

В ущелье выслали разведку —
Один вернулся лишь назад.
Доносит он, что пулеметы
Ущелье зорко сторожат.

К белогвардейским пулеметам
Крадутся семеро бойцов.
Вечерний сумрак с гор спустился,
И ветер дует им в лицо.

Они ползут вперед неслышно,
По ледяной горе скользят —
Пусть кровь на пальцах замерзает,
Но пулеметы надо взять.

Красноармейцы бились смело.
Вперед прорвался эскадрон.
Разбил кольцо белогвардейцев,
Не дал врагу своих знамен.

Теперь в крутых горах Урала
Везде расскажут вам о том,
Как со врагами смело бился
Красноармейский эскадрон.

30

Как на возморье мы стояли,
На каспийском берегу,
А со возморья мы смотрели,
Как волнуется вода.

Не туман с моря поднялся —
Сильный дождичек пролил.
Как по этому туману
Враг Деникин подошел.

Врешь ты, врешь ты, враг
Деникин,
Не возьмешь ты Красный Дон:
Красной Армии отряды —
Они любят угощать.

Угостят свинцовой пулей,
На закуску — штык стальной.
Штык — булат четырехгран-
ный —

Грудь Деникину пронзит.

31. НА РАЗВЕДКЕ БОЕВОЙ

Красноармеец молодой
На разведке боевой.

Э-э-э-э, герой!

На разведке боевой.

На разведку он ходил,
Все начальству доложил.

Э-э-э-э, герой!

Все начальству доложил.

Ночка темна, нету звезд,
Вышел вражеский разъезд.

Э-э-э-э, герой!

Вышел вражеский разъезд.

Только спрятаться хотел —
В чистом поле не успел.
Э-э-э-э, герой!
В чистом поле не успел.
Тут разъезд его схватил
И к допросу приступил.
Э-э-э-э, герой!
И к допросу приступил:
«Ты скажи, скажи нам, брат,
Сколько есть у вас солдат?
Э-э-э-э, герой!
Сколько есть у вас солдат?
Сколько конных впереди,
Сколько пеших позади?
Э-э-э-э, герой!
Сколько пеших позади?
Если скажешь, наградим —
Чин полковника дадим.
Э-э-э-э, герой!
Чин полковника дадим.
А не скажешь, как шпион
Будешь нами расстрелён.
Э-э-э-э, герой!
Будешь нами расстрелён».
«Ничего вам не скажу,
За Советску власть служу!
Э-э-э-э, герой!
За Советску власть служу!»

32. РАССТРЕЛ КОММУНАРОВ

Под частым разрывом гремучих гранат
Отряд коммунаров сражался;
Под натиском белых наемных солдат
В расправу жестоку попался.

Навстречу им вышел старик генерал
В фуражке с околышем белым,
И взор его мрачной насмешкой сверкал;
Он выдать лопаты велел им.

Мы сами копали могилу свою.
Готова глубокая яма.
Над ней мы стояли, на самом краю:
«Стреляйте вернее и прямо!».

В ответ усмехнулся старик генерал:
«Спасибо за вашу работу.
Вы землю просили — я землю вам дал,
А волю на небе найдете!».

«Не смейся над нами, коварный старик,
Нам выпала тяжкая доля.
На выстрелы ваши ответит наш крик:
«Земля, пролетарская воля!».

А вы что стоите, сомкнувши ряды,
К убийству готовые братья?
Пускай мы погибнем от вашей руки,
Но мы не пошлем вам проклятья.

Стреляйте вернее, готовы мы пасть,
Последнее слово за нами:
«Да здравствует наша Советская власть,
Да здравствует красное знамя!».

33

Я жила тогда у самой у реки,
Проходили мимо красные полки.
Враг проклятый их теснил со всех сторон,
На деревню к нам заехал эскадрон.
Эскадрон тогда разбили беляки,
И остался эскадронный командир.
Весь израненный во двор ко мне вбежал,
Знамя красное к груди своей прижал.
Лишь успела командира спрятать я,
Застучала, слышу, горница моя.
И в дверях раздался громкий крик:
«Отвечай, куда, где спрятан большевик?».
Отвечаю я: «А мне откуда знать?».
Офицер кричит: «Держать ее, пытатель!».
Но пытали — допытаться не могли,
Постучали, покричали да ушли.
Как-то вышла посидеть я на крыльцо.
Вижу, полк ведет знакомое лицо.
Да ведь это мой знакомый командир!
Поравнявшись со мною, полк остановил.
С командиром сам Буденный был тогда.
Что, я думаю, случилась за беда?
Крикнул: «Смирно! Музыканты, в трубы дуть!».
И надел Буденный орден мне на грудь.

34. ВОТ КАКОВ БУДЕННЫЙ-ТО!

Ты знаешь, чего он однажды сделал? Едет он это, с ним сотня считанная казаков. И вот видит: догоняет какую-то пешую армию. Стоп... Сразу сообразил. Вешает себе на плечи погоны высшего чина и золотую медаль на грудь, а казакам приказал ехать по обеим сторонам цепочкой. Ну, солдаты смотрят, кто знает их, шагают себе усталые.

Полковник ехал впереди, свесив голову, дремал. Вдруг видит впереди чин. Буденный спрашивает полковника: что, дескать, это за солдаты, кому они подчинены, куда держите путь и зачем, какова сила ваша. Прямо потеха. Ну вот. Полковник знатно сделал выправку груди, отдает честь Буденному и говорит:

— Я полковник непобедимый, и фамилия моя — Лютой. Армия моя две тысячи двести. Иду по приказу его величества генерала Васильева разыскивать Буденного и разбить его.

— А вы справитесь с ним? — спокойно задает Буденный вопрос полковнику.

— О, у меня рука не дрогнет! В планы моей головы все войско уйдет, как в воду канет с лица земли.

— Вот оно как! — сказал Буденный. — Вы в планах своей головы хотите утопить 2200 солдат?

Лютой не понимал этих слов, спросил:

— Позвольте спросить, ваше величество, вы кто будете?

— Я, я-то, — говорит Буденный. Моргнул своему казаку, тот наотмашь срубил голову полковнику, а Буденный поднял кверху руку и сказал солдатам:

— Приказываю орудие сдать. Если не подчинитесь моему приказу, сейчас перерубим вас всех, как в мясорубке. Я — Буденный!

И Буденный сорвал с плеча погоны, распахнул казацкую одежду, на груди у него показалась красная повязка. И тут же все были обезоружены. Вот каков Буденный-то!

35

Там вдали за рекой загорались огни,
В небе ясном заря догорала,
Сотня юных бойцов из буденновских войск
На разведку в поля поскакала.

Они ехали долго в ночной тишине
По широкой украинской степи,
Вдруг вдали у реки засверкали штыки —
Это белогвардейские цепи.

И отряд боевой наскочил на врага,
Завязалась жестокая битва,

И боец молодой вдруг поник головой —
Комсомольское сердце разбито...

Он упал возле ног вороного коня
И закрыл свои карие очи:
«Ты, конек вороной, передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих!».

Там вдали за рекой уж погасли огни,
В небе ясном заря разгоралась,
Сотня юных бойцов из буденновских войск
Из разведки домой возвращалась...

36

Под ракитою зеленой
Боец раненый лежал,
Он к груди своей пронзенной
Красный орден прижимал.

Кровь текла из теплой раны
На истоптанный песок,
Тут кружился черный ворон,
Чуя лакомый кусок.

Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой,
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой.

Ты слетай-ка, черный ворон,
К отцу, матери родной,
Передай-ка, черный ворон,
Что погиб я, как герой.

37

Красноармеец умирал,
Сраженный злобными врагами,
Слова прощальные шептал
Он охладевшими устами.

Товарищи его вперед
Ушли, бандитов догоняя;
Над ним вороний хоровод
Кружился, смерти ожидая.

А конь, товарищ боевой,
Стоял с поникшей головою,

Своею кованой ногой
Коснулся он груди героя.

«Уйди, уйди, мой верный конь,
Я не могу с земли подняться,
В груди моей горит огонь,
Пришла пора с тобой
расстаться

Лети, лети, мой верный конь,
На фабрики, поля, заводы,
Скажи, что голову свою
Сложил я честно за свободу».

38. НАШИ ДРОЛЕЧКИ ВОЮЮТ (Частушки)

а Задушевная товарка,
Где же дролечки у нас?
Наши дролечки воюют
За Советскую за власть.

б Кабы были сизы крылушки,
Серебряный полет,
Полетела бы я, девушка,
К миленочку на фронт.

- в Пойду, выйду на мосток,
Погляжу я на восток,
Не идет ли милый мой
С-нод Деникина домой.
- г По амурской по дороге
Поезд шибко пробежал.
Во зелененьком вагоне
Милый раненый лежал.
- д Мне сказали на вокзале,
Что мой миленький убит.
Не пришлось ему боле
В Красной Армии служить.
- е Убили дролю офицеры,
Не поставили креста:
Одна общая могила —
Человек четырехста.
- ж Милый пишет мне письмо,
Что с белыми сражается,
С красным орденом домой
В отпуск собирается.
- з Вы служите, не тужите,
Красные солдатики.
Вы теперь нам не чужие,
А родные братики.
- и Все мы горы, косогоры
Прошли, перемерили.
Все мы власти испытали —
В Советы поверили.
- й Шью я милому шинель.
Береги, коль любишь.
Будет вьюга и метель,
Милку помнить будешь.
- к Ты не плачь, моя милая,
Скоро кончится война,
Все буржуи отступают,
Скоро дома буду я.
- л Скоро, скоро снег растает,
Ручеечки потекут.
Скоро белых-то прогонят,
Скоро красные придут!

39

Много бед и невзгод испытала
В непрестанных боях наша часть,
Много в ней наших братьев не стало,
Защитавших Советскую власть.
Украина, Кавказ и Киргизия
В своих песнях вспомнят про нас:
Там, как сокол, седьмая дивизия
На врагов налетала не раз.
Астраханская степь нам расскажет,
Где цепь подвигалась по ней,
А дорогу, как вехи, укажут
Кости павших коней и людей.

40. ЯБЛОЧКО (Частушки)

- а Эй, кадетик молодой,
Куда котишься?
Первой Конной
попадешь —
Не воротишься!
- б Офицерик молодой,
Ручки беленьки,
Ты катись за Кавказ,
Пока целенький.

в Ах, яблочко,
На порог, на порог.
А кадеты отступили
В Таганрог, в Таганрог.

г Эх, яблочко,
Сбоку зелено.
Колчаку за Урал
Ходить не велено!

д Эх, улица, улица,
Гад Деникин жмурится,
Что сибирская Чека
Разменяла Колчака.

е Эх, яблочко,
Раззолочено.
Ты, Антанта, не форси,
Пока не колоचना!

ж Пароход идет
Между берегами.
Удирает Шкуро
С белыми ворами.

з Пароход плывет
Мимо пристани.
Мы на фронт идем
Коммунистами.

и Генерал Краснов,
Куда топаешь?
Под Царицын придешь —
Пулю слопаешь!

й Эх, яблочко,
Сбоку зелено.
Белякам в Москву
Ходить не велено.

к Эх, яблочко,
Покатилось.
Банда Врангеля
Развалилася.

л Эх, яблоня,
Корни цепкие,
А Советская власть
Дюже крепкая!

41. ПАРТИЗАНСКАЯ

По долинам, по загорьям
Шли дивизии вперед,
Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот.

Чтобы выгнать интервентов
За рубеж родной страны
И не гнуть пред их агентом
Трудовой своей спины.

Становились под знамена,
Создавали ротный стан
Удалые эскадроны
Приамурских партизан.

Этих лет не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Партизанские отряды
Занимали города.

Будут помниться, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Разгромили атаманов,
Разогнали всех господ
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

42

Как в тайге мы партизанили,
Знают вьюга да снега.
Льва британского мы ранили,
Ох, били лютого врага.

Помнит вся страна Советская,
Помнят красные полки,
Как взята была Плесецкая,
Эх, в партизанские тиски.

Нет пощады для изменников,
Речь с врагами коротка,
И под Пинегию Шенников,
Эх, мял им нежные бока.

Волчья сотня офицерская
Вся в Усть-Ваге полегла.
Карпогоры, Обозерская —
Эх, партизанам похвала.

Под огнем прапнели англий-
ской

Под сверканием штыков
Мы до самого Архангельска,
Эх, били с песней беляков.

Уплывали в море Белое
С белым войском корабли;
Ликовало войско смелое,
Эх, нашей Ленинской земли.

43

Не вейтесь, чайки, над морем,
Вам некуда, бедным, присесть.
Летите в долину Сибири,
Снесите печальную весть.

В далекой восточной долине
Врагом наш отряд окружен,
За правду там бьются партизаны
Совместно с советским полком.

Патроны у них на исходе,
Снаряды уж вышли давно,
А помощи нет ниоткуда,
Погибнуть нам здесь суждено.

Вы видите, белые чайки,
Подходит наш час роковой,
Бежали партизаны в атаку,
Поля покрывались врагом.

Но в плен не сдавались живыми
Партизаны в неволю врагу,
А наши как братья остались
Навеки у белых полков.

44. ВЕСЕЛАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ

Как в деревне Кулики
Появились беляки.
Эх, эх! беляки,
Одно слово — беляки!
Появились беляки,
Услыхали мужики.
Эх, эх! беляки,
Одно слово — беляки!

Как двухстволки прихватили
По дороге мужики.
Мыли-мыли, перемыли
Беляков да у реки.
Эх, эх! беляки,
Одно слово — беляки!

45. ОЙ-ДА, СИЗЫ СОКОЛЫ

Ой-да, сизы соколы крылаты,
Ой-да, чуют солнечный восход.
Ой-да, партизанские отряды,
Ой, идут, идут в большой
поход!

Ой-да, партизанские отряды,
Ой, идут в большой поход,
Ой-да, с боем острыми
штыками,
Ой-да, продвигаются вперед!

Ой-да, ветром шумным прощу-
мела,
Ой-да, в горах лютая зима,
Ой-да, весна песней прилетела,
Ой-да, распрекрасная весна!

Ой-да, тут нам нечего бояться,
Ой-да, мы для славы рождены,
Ой-да, мы для славы рождены,
Ой-да, в боевые наши дни!

Ой-да, полетели сокола,
Ой-да, со восточной стороны,
Ой-да, вы несите, соколы,
Ой-да во далеки города!

Ой-да, вы несите, соколы,
Ой-да, Москве-родине поклон,
Ой-да, передайте, соколы,
Ой-да, про геройский наш по-
ход!

Ой-да, тут идут полки в поход,
Ой-да, по ущельям без дорог,
Ой-да, по ущельям без дорог,
Ой-да, в боевой тяжелый год!

Ой-да, в боевой тяжелый год,
Ой-да, по ущельям без дорог,
Ой-да, наши славные отряды,
Ой-да, Колчака положат в гроб!

46. В ПАРТИЗАНЫ ЗАПИСАЛСЯ

(Частушки)

а В партизаны записался
Мой миленок дорогой,
Он со мною распрощался,
Пошел с белыми на бой.

б Партизаны, партизаны,
Чем вы коней путали?
Колчаки от вас бежали,
Только пятки стучали.

в По Амуру по реке
Плавают сазаны.
Берегись, колчаки,
Едут партизаны.

г У Поради дождь идет,
У деревни склизко.
Удирайте, колчаки,
Уже Ленин близко!

д Изорвало бурей снасти,
Нет верховной больше вла-
сти,
Адмирал Колчак скулит,
Чемодан собирать велит.

е Пусть попробует Семенов
Только сдвинуться с крыль-
ца.

Пожалеет ли патронов
Для такого подлеца?

47

Свисток паровоза за оградой тюремной
Прибытие поезда нам известил.
Не станем угадывать тайны военной —

Он всем, заключенным, нам гибель сулил.
Состав его был: вагон из бетона,
Обитый железною броней кругом.
С утра и до вечера слышались стоны
И вопли борцов за свободу на нем.

Стоял на вокзале семнадцать он суток —
Весь Нерчинск за участь тюрьмы трепетал.
Буржуям и тем было не до шуток,
Как поркой, расстрелом он славу стяжал.
Раз в сутки к тюрьме подходил он исправно
И заключенных из нее выводил,
Потом у горы их расстреливал тайно
И трупы убитых в снегу хоронил.

Нет слов описать той жестокой расправы,
Которую может задумать только злодей.
Казнили борцов за народное дело:
Они без ружья, а война без потерь...
Легко воевать так за власть капитала
И пить с богачами народную кровь.
Но время уж мести настало,
И лопнули звенья тех рабских оков.

Довольно, Семенов, напился ты крови!
Пора уж тебе уходить на покой!
Свобода давно уж нахмурила брови
И грозно тебе угрожает рукой.
Хорват и Колчак, как друзья, изменили,
Атаман Калмыков — тот со страху бежал
Хотя вы все вместе недавно делили
Сибирь всю на части, как овцу шакал.

С востока взошла уже туча,
И армия ленинцев стойких идет.
Послушай-ка! Песня грозна и могуча:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!».

48

От Урала к высоким Байкальским горам,
Через Байкал и к востоку
Стремятся навстречу заклятым врагам,
Подобно морскому потоку,
В Читу, где реакция свила гнездо,
Где вновь произвол торжествует,
Где японский бандит, расхищая добро,
Победу злорадно пирует.

Велик гнев народа, и горе тому,
Кто смел посягнуть на свободу,
Кто рабские цепи, позор и тюрьму
Опять приготовил народу.

За кровь своих братьев, за лучших вождей,
Жестоко замученных вами,
Погибших во имя великих идей,
Теперь вы поплатитесь сами.

Могучим ударом трудящийся класс
Разрушит буржуев преграды,
И пусть, кто был злобным гонителем масс,
Не ждет от рабочих пощады.

49

Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Ходил отряд наш партизанский
Звериной узкою тропой.

Вдали бушует непогода,
Далек, далек отряду путь.
Укрой, тайга, укрой, густая,
Отряд наш хочет отдохнуть.

Вдали за темным бором леса
Село японцы подожгли.

Горит, горит село родное,
Отряд наш тронулся с тайги.

Мы перебили всех японцев,
Пообломали им клыки,
Пускай в стране чужой не бро-
дят

Японски острые штыки.

Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Ходил отряд наш партизанский
С врагами Родины на бой.

50

Дуют холодные ветры,
С сопок сметая листья,
Носится коршун над сопкой,
Крик его полон тоски.

Там, у Сучанской долины,
Где скалы угрюмо глядят,
Стройно выходит к равнине
Наш партизанский отряд.

У них не узнать командира,
Кто в чем попало одет,
Но грозен врагам-интервентам
Их партизанский ответ.

По пыльным дорогам и тропам
В бой партизаны идут,
Счастье, свободу народу
Под знаменем красным несут.

Впереди партизанских отрядов
Идет молодой комиссар.
Сергеем его величают,
Лазо — партизаны зовут.

Как нанавидят японцы
Имя Сергея Лазо!
Все партизаны-приморцы
Любят за правду его.

Пусть не боятся крестьяне
Заклятых врагов-беляков:
На страже стоят партизаны —
Всегда защитят от штыков.

Дуют холодные ветры,
С сопок сметая листья,
Носится коршун над сопкой,
Крик его полон тоски.

51. ФРУНЗЕ ВЕДЕТ ПОЛКИ

Белый, как лебедушка,
Сизый, как орел,
Он полки уральские
В белый Крым повел.

Первый подвернулся
Врангель нам барон.
Мы барону Врангелю
Нанесли урон.

И разбивши Врангеля
Грозовым огнем,
Мы к Чангарской крепости
Шли минутой с днем.

Подошедши к крепости,
Прежде чем палить,
Пушечки-мортирочки
Стали наводить.

И наведши пушечки,
Как настала мгла,
Крикнули по-нашему
Красное «Ура!».

Крикнули, ударили,
С нами ротный Клим,
И в минуту с четвертью
Взяли белый Крым.

Ну, вперед, уральцы,
Нам не привыкать,
Чтоб барона Врангеля
Нам в Царьград загнать.

Колчака мы загнали
Меж Сибирских гор
И загоним Врангеля
Меж морских мы волн.

52. ЖИЛ ВРАНГЕЛЬ ЗНАТНЫЙ

На Черном море,
Там на просторе,
Жил Врангель знатный,
Барон приятный.
Он был умелый
И страшно смелый
Вояка белый,
Он был герой.
Задумал праздновать победу,
Кричал: «Я на Москву поеду
И там, как знатный я барон,
Со всех сторон
Взойду на трон».
Собрал он банду,
Издal команду:
«Даю свободу
Всему народу.
Я всех утешу,

Уравновешу
И всех повешу
На фонарях.
А у меня все будут сыты
Патлатые архимандриты,
Попы у нас будут жиреть,
Молебны петь
И ручки греть...
Зажму в кулак я всех рабочих
И власть Советскую и прочих,
А больше, я скажу одно:
Что дальше я возьму Москву,
Крестьянам землю дам, не
скрою,
По три аршина глубиною,
По три аршина шириною,
Пускай они себе лежат
И Врангеля благодарят».

Но вот однажды у Перекопа
У Врангеля заболело что-то,
А так едва держалась голова:
«Прощай, свободная Москва!».
И все бароны и обороны
На век сорвались,
А офицеры и кавалеры

Бежали из Крыму навсегда.
А мы теперь уж безопасно —
Все под крылом Советской
власти.

Забудем старые года,
И навсегда,
Среди труда.

53. МАРШ ПЕРЕКОПОВЦЕВ

Горы и дебри Урала,
Крым, Украину, Сибирь
Наша нога измеряла —
Всюду нас враг сторожил.

Скопища войск адмирала,
Танки, гроза — Перекоп,
Мощь и оплот капитала,
Пали, а слава живет!

Банды внутри Украины,
Злобные силы господ,

Мы раздавили, разбили,
Знает нас, любит народ!

Вам, пролетарии мира,
Шлем свой сердечный привет,
Наши знамена и сила —
Ваших надежда побед.

Мы ж до победы, клянемся,
В ножны не вложим меча,
В части, домой ли вернемся,
Помним завет Ильича.

II. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (1920—1930-е ГОДЫ)

54. ВИНТОВКА БОЕВАЯ

За плечом висит винтовка
На измызганном ремне.
Познакомились с винтовкой
На гражданской на войне.

И с тех пор не разлучались,
Будто небо и земля.
Мы с винтовкой защищали
Стены красного Кремля.

Были мы на Украине
В море дыма и огня,

Там Деникину досталось
От нее и от меня.

Были с нею мы в Сибири —
Путь-дорога далека —
И свинцовой меткой пулей
Пристрелили Колчака.

А теперь настало время
И закончился поход,
Я с винтовкой боевою
Охраняю наш завод.

55. ЛЮБИТЕ, ДЕВУШКИ, МЕНЯ

(Частушки)

а Любите, девушки, меня —
Из армии приехал я,
Тальянку новую привез,
Играет — слышно за семь верст.

б Шлем надену со звездой,
Серые обмотки.
Выходи со мной гулять,
Форсовая молодка.

в Мне богачка отказала,
Говорит: «Не парочка».
Ну и черт с тобой, богачка, —
Возьму пролетарочку.

56. КИРПИЧКИ

На окраине где-то города.
Я в рабочей семье родилась,
Горе мыкая, лет пятнадцати
На кирпичный завод нанялась.

Было трудно мне время первое,
Но зато, проработавши год,
За веселый гул, за кирпичики
Полюбила я этот завод.

На заводе том Сеньку встретила...
Лишь, бывало, заслышу гудок —
Руки вымою и бегу к нему
В мастерскую, накинув платок.

Каждую ноченьку мы встречались,
Где кирпич образует проход...
Вот за Сеньку-то, за кирпичики
Полюбила я этот завод.

Но, как водится, безработица
По заводу ударила вдруг:
Сенька вылетел, а за ним и я
И еще двести семьдесят штук.

Тут война пошла буржуазная,
Огрубел, обозлился народ,
И по винтику, по кирпичику
Растащили кирпичный завод...

После вольного счастья Смольного
Развернулась рабочая грудь,
Порешили мы вместе с Сенькою
На знакомый завод заглянуть.

Там нашла я вновь счастье старое:
На ремонт поистративши год,
По советскому по кирпичику
Возродили мы с Сенькой завод...

Запыхтел завод, загудел гудок,
Как бывало, по-прежнему он.
Стал директором, управляющим
На заводе товарищ Семен...

Так любовь моя и семья моя
Укрепилась от всяких невзгод.
За веселый гул, за кирпичики
Полюбила я этот завод.

57. СКОРО ЛЕД ПРОЙДЕТ В КАНАЛАХ

(Частушки)

- а Скоро лед пройдет в каналах,
Пароходики пройдут.
Скоро с городу товаров
К нам в деревню навезут.
- б Обирала нас, бывало,
Купецкая нация.
Нынче много легче стало:
Есть кооперация.
- в Злы козлы, козлы бодливы,
От козла нет молока.
Не пускай в коперативы
Мироеда-кулака.
- г Коммунисты, коммунисты,
Удалы головушки,
Научитесь торговать
На родной сторонушке.

58. ТЫ УЧИСЬ, МОЯ ЗАБАВА

(Частушки)

- а Ох, милка моя,
Семячко рассадно.
До сих пор неграмотна,
Разве не досадно?
- б Ты учись, учись, забава,
Учись грамоте читать,
На собрании придется
Резолюции писать.
- в Если грамоту не знаешь,
Нечего куражиться.
Ныне девка никакая
С неучем не свяжется.
- г Образованный мой милый,
Образованная я.
На собрание в сельсовете
Три записки подала.
- д Не ходите, девки, замуж
За неграмотных парней.
То ли дело мой миленок,
Комсомолец-грамотей.
- е Топ, топ каблучком
Эдаким манером.
- ж Малограмотным иду,
Вернусь инженером.
- з Не скучай по мне, деревня,
Не скучай, родимый дом,
Год пройдет — и я вернусь,
Буду красный агроном.
- и Я была крестьянкой,
Стала горожанкой.
В нову жизнь открыта
дверь —
На рабфаке я теперь.
- й Через речку переход —
Жердочка сочная.
Вышла милка из рабфака
Глубоко ученая.
- к Кулаки над батраками
Знай себе смеялися,
А теперь батраки
С учеными сравнилися.
- л Мы с миленочком гуляли
У березы за прудом.
Был миленок темный парень,
А теперь он агроном.

59. ВРЕМЯ НОВО, ВРЕМЯ ОНВО

(Частушки)

- а Не сама я кофту пила —
Ниточка с иголочкой.
Я, девчонка молодая,
Стала комсомолочкой.
- б У Володи дом с карнизом,
Моя хата на боку.
Я пойду нарочно низом,
Не уважу кулаку.
- в Мое сердце приуныло —
С милым я рассталася:
В церковь звал меня вен-
чаться,
А я отказалася.
- г Не берите мне цветы,
Золотые кольца:
Не пойду я под венец —
Пойду за комсомольца.
- д Поп на клиросе стоит,
Сам с собой ругается:
«Распроклятый комсомол,
Без попа венчается!».
- е Время ново, время ново,
И тоски на сердце нет:
Не пойду венчаться в цер-
ковь,
Пусть поженит нас Совет.

60. ЯБЛОЧКО

(Частушки)

- а Эх, яблочко,
Сбоку зелено.
С комсомольцами гулять
Мне не велено.
- б Эх, яблочко,
Ананасное!
- Идти к попу
Не согласна я!
- в Цветочки цветут,
Ягодки постели.
Пойду с миленьким в Совет
На этой неделе.

61

В вихре Октября
Родилася рать
Юных, смелых дерзких комсо-
мольцев.
Ринулися в бой
С верою святой,
Запевая под Октябрьским солн-
цем:

Припев:

Долой министров,
Даешь Совет!
Капиталистам
Вот наш ответ:
Мы свору баров
В дугу согнем,

Огнем пожаров
Весь мир зажжем.

Долго бились мы
Против гнета тьмы,
Кровь за власть Советов про-
ливая.

И в боях всегда
С лозунгом «Борьба!»
Комсомольцы пели, умирая:

Припев:

Долой министров,
Даешь Совет!...

и т. д.

Кончилась война,
Принялась страна
Строить мир могучий, светлый,
новый.

Бросив клич: «К труду!» —
Голод бить, нужду,
Комсомольцы тут запели снова:

Припев:

Долой разруху,
Даешь нам труд!..
Желанья наши
Всё перетрут:
Разруху, голод
В дугу согнем,
Огнем пожаров
Весь мир зажжем.

Даже много раз
Красный наш Донбасс
Комсомольцы стойкие спасали.
Всюду и везде
Помня о труде,
Песни пели, шахты отливая:

Припев:

Долой разруху,
Даешь нам труд!..
и т. д.

Помня о труде,
Комсомольцы все
Грызть науку принялись зу-
бами,

И поют теперь
В нашем СССР
Звонкими своими голосами:

Припев:

Долой невежество,
Даешь нам свет!
Всем старым бредням
Вот наш ответ:
Мы всё наукой
В дугу согнем,
Огнем пожаров
Весь мир зажжем.

Если же опять
Станет враг мечтать
О захвате власти пролетар-
ской,

Как в дни Октября,
Местью к ним горя,
Запоем тогда мы своре бар-
ской:

Припев:

Долой министров,
Даешь Совет!..
и т. д.

62. МЫ БУРЖУЯМ ВСЕМ НА ГОРЕ

(Частушки)

а Пароход плывет,
Волны кольцами.
Пополняйся, флот,
Комсомольцами!

б Мы буржуйам всем на горе
Корабли построим вскоре,
И на страже у ворот
Развернется Красный флот.

в Ягодиночка уехал
За моря, моря, моря.
Ему дали бескозырочку —
На лентах якоря.

г Прощай, село,
С комсомольцами
Пошли во флот
Добровольцами.

63. МОРЯК

Ты, моряк, красив сам собою,
Тебе от роду двадцать лет.
Полюби меня, моряк, душою,
И что скажешь мне в ответ?

Припев:

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там.
По морям, морям, морям, морям,
Нынче здесь, а завтра там.
Ты, моряк, уедешь в сине море,
Оставляешь меня в горе,
А я буду плакать и рыдать,
Тебя, моряк мой, вспоминать.

Припев.

Ты не плачь, милая Маруся,
Я морскому делу научуся,
И не стоит плакать и рыдать,
Меня так часто вспоминать.

Припев.

64. ФЛОТСКАЯ

По волнам могучим, по волнам холодным
Крейсер «Коминтерн» плывет.

Припев 1:

Красный флот, Красный флот,
Черноморский славный флот!
Капитан — комсомолец,
Кочегар — комсомолец,
Все матросы — комсомолцы!
С «Коминтерна» краснофлотцы
Разговаривают:
«Ай да ребята, ай да комсомолцы!»
Браво, браво, молодцы!».

А над «Коминтерном», чуть пониже тучки,
Реет красный самолет.

Припев 2:

Красный флот, Красный флот,
Черноморский славный флот!
Гидроплан — «Комсомолец»,

И пилот — комсомолец!
А с пилотом-комсомольцем
С «Коминтерна» краснофлотцы
Разговаривают:
«Ай да ребята, ай да комсомольцы!
Браво, браво, молодцы!».

Написал на крейсер Ваньке-комсомольцу:
Сам хочу идти во флот!

Припев 1.

Часто на собраниях секретарь ячейки
Речь такую к нам ведет:

Припев 2.

Вот мобилизован я в морскую школу,
Ног не чую под собой!

Припев 1.

На постройку гидро из своей полочки
Внес вчера я золотой!

Припев 2.

Слушайте, ребята, слушай, комсомольцы,
Создавайте Красный флот!

Припев 1.

Строй на страх буржуям, молодой рабочий,
«Комсомолец» — самолет!

Припев 2.

65

Мы фабричные ребята,
У нас кудри кудреваты, раз!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем, да!

Мировой пожар горит,
Буржуазия дрожит, браво!

Октября храня заветы,
Коммунисты шли в Советы, да!

Мы под знаменем Ильича
Будем дружны, как всегда, браво!

Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан, да!

66. МОЛОДЫЕ КУЗНЕЦЫ

Мы кузнецы, наш голос молод,
Но мы поем, а не молчим,
Мы поднимаем тяжелый молот,
По наковальне мы стучим.

И после каждого удара
Сильнее руки, легче труд,
И со всего земного шара
К нам угнетенные идут.

Так громче песнь, так ярче пламя,
Нам тяжело, но мы поем,
Мы кузнецы — идите с нами,
Мы счастье миру создаем.

Отцы, преград ломайте стены,
За нами лучший мир, отцы!
С годами к вам придем на смену
Мы, молодые кузнецы.

67. НАШ ПАРОВОЗ

Мы дети тех, кто выступал
На бой с Центральной Радой,
Кто паровоз свой оставлял,
Идя на баррикады.

Припев:

Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне остановка.
Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.

Среди нас много есть ребят,
Что шли с отцами вместе,
Кто подавал патрон, снаряд,
Горя единой мезтью.

Припев.

Мы в недрах наших мастерских
Куем, строгаем, рубим,

Не покладая рук своих,
Свой труд тяжелый любим.

Припев.

И чтоб буржуев крепче бить,
Грызём гранит науки.
А если надо в бой идти,
Берем винтовку в руки.

Припев.

Наш паровоз мы пустим в ход
Такой, какой нам нужно.
И пусть создастся только
фронт —
Пойдем врагов бить дружно.

Припев.

68. ГИМН МОЛОДЫХ КОММУНАРОВ

Мы коммунары молодые,
Заветы Маркса мы храним,
Разрушим строй капитализма,
Коммуну мира создадим.

Припев:

Смело все на баррикады!
Нам неведом ложный страх,
Умереть мы будем рады
С красным знаменем в руках

Мы коммунисты молодые
На смену старших мы идем,
Все наши силы, наши знанья
Труду на помощь отдаем.

Припев.

Оружье наше — серп и молот,
В руках послушен нам металл.

Мы пролетария опора,
Ему служить — наш идеал.

Припев.

Смотри, рабочий, занялася
Заря желанная весны,
Так с капиталом не мирися:
Творец богатства только ты.

Припев.

Мы коммунисты молодые,
Смелей в грядущее глядим,
И наши груди силой дышат,
За дело взяться мы спешим.

Припев.

69. КТО НА СМЕНУ?

Кто на смену коммунистам?
Комсомольцы, друзья, комсомольцы!
Кто на смену комсомольцам?
Пионеры, друзья, пионеры!
Кто на смену пионерам?
Октябрята, друзья, октябрята!
Кто на смену октябрятам?
Наши ясли, друзья, наши ясли!
Кому нужны эти ясли?
Всем рабочим, друзья, и крестьянам!

70. КАМЕННА МОСКВА ВСЯ ПРОПЛАКАНА

Как у нас было в каменной Москве
Велико у нас несчастье случилось.
Тут река Москва сколыбалася
Да как морской волной разбегалася.
Красно солнышко затемнялось всё,
Деревá в саду пошатались,
Мать-сыра земля разревелася.
Тут погодушка взбушевалася,
Снеги бурю подымались.
Каменная Москва вся заплакана,

Все народ-люди ужахались.
Луна небесная у нас не светила,
Народ-люди все призамолкнули,
Призамолкнули, призагунули,
Поодели платье черное
Да ходили все невеселы,
Буйны головы с плеч повесили —
Услыхали они весть нерадостну.
Как пришла-то весть из Горок всё:
Как не стало у нас красна солнышка,
Как и той луны поднебесные,
Золотой звезды всё блестящею,
Как не стало вождя всей Россиюшки —
Дорогого у нас товарища Ленина,
Как Владимира да Ильича-то свет.
Он куда у нас да отправляется?
Во какую путь-то во дороженьку
Он во дальнюю да во печальную?
В иностранны ли земли западны?
На черненых ли больших кóраблях,
На паровых ли пароходиках?
Как во те ли земли во восточные,
В города ли он да всё во дальные?
Не в города он у нас да не в восточные,
Не на черненых да больших кóраблях,
Не на паровых он у нас на пароходиках,
Не по морям-то у нас по глубоким,
Не смотреть-то ведь ледоколов тех,
Как промышляют они, ходят
Во зимы, зимы холодные
По тому ли морю Белому,
Как не смотреть, не проверять же тут.
Все дозналися, догадалися,
От старого все до малого,
Что ушел от нас, укатился он,
Из очей-то, из глаз удалился он
Не за крúты горы Воробьевские,
Не за матушку Москву-реку,
Не за темны леса за дремучие,
Как ушел от нас, укатился тут
Как великий вождь, дорогой товарищ,
Еще Ленин всей России отец же был,
Всё Владимир-то Ильич-то свет.

К высокой стене ко Кремлевокоюй
В мавзолей его полóжили.
Очи ясные призакрытые,

Уста сахарные призамолкнули,
Руки белые прираскинулись.
Во тужурочке во военной
Крепко спит да не пробудится.
Как не день-то он спит, да не два,
не три же он,
И будить нам — не разбудить его.
Ни слезами его ни горячими,
Ни струнами нам его золочеными,
Ни темá ли гусями веселыми,
Ни арфáми все игромými,
Нам кричать и звать — не дозваться же.
Берегут-то его день и ночь
Новобранные ребята Красной Армии,
Во руках-то ружье держат всё,
Ружья светлые, замки крепкие,
Они стоят да призадумались,
Призадумались да запечалились:
У них думушка да очень тревожная,
Воздыханьице тяжелехонько.
Ты спокойно спи, дорогой Ильич,
Красна Армия очень крепкая,
Очень крепкая да очень верная.
Как твоя-то жизнь была тревожная, беспо-
койная;
Не в радостях прошла она, не в весельице,
Твоя молодость — не в гуляньице,
Не в веселом-то пированьице.
Много-много претерпел же ты
Огрубленица, неприятности,
За бедных людей, за крестьянина,
За весь народ переносил-страдал.
Засажен-то был во темnú тюрьму,
Выгнан был во темны́ леса.

В твои-то ходы подземельные,
Что на Красной славной площади,
Ходят все со старого и до малого,
Смотрят на тебя, на ясна сокола,
На ту ли на зорю, збрю утренню,
На ту ли на звезду поднебесную.

Вы подуйте-ка, ветры буйные,
Со всех четырех со сторонешек:
Со первой стороны со восточной,
Со второй-то все со западной,
Со третьей-то со летнею,

С четвертой-то со северной.
Сбросьте, скиньте гробову доску.
Раскройтесь-ко, очи ясные,
Да проговорьте, уста сахарные.
Пробудись-ко, восстань, дорогой Ильич,
Посмотри-ко, погляди на славнѹ матушку,
Славнѹ матушку каменнѹ Москву...

71

Уж как била меня мать
И ругала,
С комсомольцами гулять
Не пускала.

«Лучше б дома, — говорит, —
Посидела,
Научилась щи варить,
Хлебы делать».

«Нет, мамаша, все ты зря
Эти вещи,
Спокон века кабалят
Бедных женщин.

Не гулять, так в клуб пойду,
Почитаю,
Много дельного найду
И узнаю».

«Брось ты с клубами своими,
Слушай, девка,
Там над богом, над святыми
Лишь издевка.

Что ты дельного нашла,
Эх, дуреха,
Лучше б в церковь ты пошла,
Эх, Матреха».

«Нет, не маленькая я,
Не обманешь,
В церковь ладаном меня
Не заманишь.

Уж довольно позволять
Нас дурачить,
Не к попу за всем бежать,
А иначе.

Мы сидели на воде
Да на хлебе,
А они там, где ни где,
Все о небе.

Прощай, матушка моя,
До свиданья,
С комсомольцем я пойду
На собрание.

Там услышу я слова
Подельнее,
Не одна там голова,
Просветлеет.

Хоть ругай меня, хоть бей,
Не боюсь,
В комсомол все равно
Запишуся».

72. Я ПОЙДУ УЧИТЬСЯ
(Частушки)

а) Хоть ты, колокол, гуди,
Коли хочешь — тресни.
Мне в Народный дом итти
Много интересней.

а) Что-то в поле зеленеется,
Знать, рассеялся лужок.
Мой матаня записался
В просветительный кружок.

в) Воскресенье подошло,
Не пойду молиться.
Это время отошло,
Надо нам учиться.

г) Куплю Ленина портрет,
Золотую рамочку.
Вывел он меня на свет,
Темную крестьяночку.

73. МОЙ МИЛЕНОК — КОМСОМОЛЕЦ (Частушки)

а) На горе стоит береза,
Вершиночка клонится.
Ах, позвольте, комсомолец,
С вами познакомиться.

г) Я миленочка своєю
Знаю по походке.
На нем брюки галифе,
Черные обмотки.

б) Ох, мой милый чернобровый,
Не велят тебя любить.
Не велят тебя любить,
Комсомолочкою быть.

д) Не пойду я за буржуя,
Не пойду за кулака.
Я пойду за коммунара —
Мне свобода дорога.

в) Подоила я бяляночку,
Напилася молоком,
Не пойду я на гуляночку
С деревенским кулаком.

е) Я по тракту иду,
Вся дорога ровна.
Будет свадьба у меня,
Только не церковна.

74. ЗАПИСАЛИСЯ В КОЛХОЗЫ (Частушки)

а Заиграю, заведу
Свою двухрядбвую.
Деревню потянуло
На дорогу новую.

б Ветер дует над рекой,
Речка разливается.
По колхозному вопросу
Сходка собирается.

б Наше полюшко высоко,
В нашем полюшке гора.
Скоро, скоро в наше по-
люшко
Приедут трактора.

в Задушевная подружка,
В колхоз входит пора,
Там работать веселее —
Пашут в поле трактора.

в Вчера пашенку пахали —
То овраги, то гора.
Нынче к нашему селу
Прикатали трактора.

ж Пиши, Митька, заявление,
Ты не слушай кулаков —
В первую очередь в колхозы
Принимают бедняков.

з Эй, товарищ хлебобор,
Разгибай-ка спину.
Соху в сторону бросай,
Заводи машину.

з Как на нашей на реке
Уточки закрикали.
Бедняки пошли в колхоз,
Кулаки заплакали.

и На горе стоит дубок,
Под горой — акация.
Кулаку не по душе
Коллективизация.

й Вот бегут ручьи бурливы
Из-под каменной горы.
Записались в коллективы
Все бедняцкие дворы.

к Раньше спорили, судили,
Где же в полюшке межа,

А теперь поле колхозное —
Не нужно дележа.

л Раньше я в лаптях ходила,
Над сохой гнулася.
Как в колхоз я поступила,
В сапоги обулася.

м Не шуми, береза, в поле,
Не боли, головушка.
Мы ударники колхоза,
Трудового полюшка.

75

Колосилась в поле рожь густая,
Шевелились усики овса.
Где-то за деревней, замирая,
Девичьи звенели голоса.

Где-то с подпевалами тальянки
Песни замирали на ветру.
В эту ночь ему не до гулянки —
Молодому пахарю Петру.

В эту ночь его не утешала
Девушка соседнего села —
Полоса не вспахана лежала,
Молодого пахаря ждала.

Только вышел он из-за пригорка,
Из-за леса вышли кулаки.
Керосин в руках они держали,
Молодого пахаря сожгли.

Ой, ты, поле, поле золотое,
Не видать потасшего костра.
На заре на утренней не стало
Молодого пахаря Петра.

76. ПАВЛИК МОРОЗОВ

Залегла тайга в тумане сером
От большого тракта в стороне.
Для ребят хорошим был примером
На деревне Паша-пионер.

Красный галстук Паша нес недаром,
За учебу брался горячо.

Пряча хлеб, тая зерно в амбарах,
Не любило Пашу кулачье.

Был с врагом в борьбе Морозов Паша
И других бороться с ним учил.
Пере́д всей деревней выступая,
Своего отца разоблачил.

За селом цвели густые травы,
Колосился хлеб в полях, звеня.
За отца жестокою расправой
Угрожала Павлику родня.

Вечер тихий, теплый, летний,
Час, когда не вздрогнет лист.
Из тайги с братишкой малолетним
Не вернулся Паша-коммунист.

Собирала ночь седы туманы,
Расходился ливный дождь прямой.
Пионер один из самых лучших
Не вернулся в эту ночь домой.

77. ВЫПУСКАЕМ ТРАКТОРА

(Частушки)

а Помню я, когда приехал —
Степь с болотами была.
А теперь на этом месте
Выпускаем трактора.

б Лучший токарь на заводе
Дорогой миленок мой.
Фотокарточка милого
На доске у проходной.

в На заводе я работала,
Ударницей была,
Пятилетку выполняла,
Всех ребят перегнала.

г В шахте уголь добывать
Милый научился.

Он на этой на работе
Первый отличился.

д Поезда гремят по рельсам,
В Ленинград идут с углем.
Мы сверхплановые нормы
По-стахановски даем.

е Сталеваров на работушку
Зовет с утра гудок.
Пятилетку надо выполнить
Пораньше на годок.

ж Домну новую задули,
Больше будет чугуна.
Нас с победой поздравляет
Вся Советская страна.

78. НАШ КОЛХОЗ УЗНАТЬ НЕТРУДНО

(Частушки)

а Избы новы, избы чисты,
Электричество горит.
«Молодчаги коммунисты», —
Вся деревня говорит.

б На гармошке сто ладов,
По деревне сто столбов.
Электрические лампочки
Сияют у домов.

- в Наш колхоз узнать не-
трудно —
Электричество горит.
Там за рощею зеленой
На пригорочке стоит.
- г Как по нашей по деревне
Протянули провода.
Мы в культурном отношенье
Догоняем города.
- д Наклонились низко лозы
Над рекою буйною.
Мы становимся в колхозе
С каждым днем культурнее.
- е В небе звездочки погасли,
Таает ночка лунная.
Мы открыли детям ясли —
Пусть живут коммуною.
- ж На горе стоит береза,
Под горою стоит дуб.
Раньше мы ходили в цер-
ковь,
А теперь мы ходим в клуб.
- з Не хожу я нынче в церковь,
Мне там делать нечего.
Я хожу в избу-читальню,
Там читаю вечером.
- и У нас есть библиотека,
У нас есть народный дом.
Когда времечко свободно,
Куда вздумаем пойдем.
- й Не до книжек раньше
было —
Только слышала про них.

А теперь я больше сотни
Прочитала разных книг.

- к Я миленочка спросила:
«Где ты, милый, пропадал?».
А мне миленький ответил:
«В клубе лекцию читал».
- л Наберу цветочков много —
Целую коллекцию.
Мой миленок, комсомолец,
Звал меня на лекцию.
- м За деревней вьется речка,
Вьется желтый бережок.
Запишусь я самой первой
В драматический кружок.
- н Не ругай меня, мамаша,
Что в читальню я хожу,
Я не время убиваю —
За политикой слежу.
- о Говорят, что похудела, —
Я не от работухи.
Нынче школу я кончала —
Мало ли заботухи.
- п Я в колхозе родилась,
И в колхозе моя мать.
Я в колхозе научилась
Книги Ленина читать.
- р Хорошо на луг ходить —
Всюду, всюду зелено.
Хорошо в колхозе жить
По заветам Ленина.

79. Я УЧИТЬСЯ УЕЗЖАЮ (Частушки)

- а Я люблю, когда пылает;
Я люблю, когда горит;
Я люблю, когда подруга
Про учебу говорит.
- б Погодите меня сватать —
Я еще молоденька,

Я учиться уезжаю
На четыре годика.

- в Скоро техникум окончу,
Агрономом буду я.
Неужели я не буду
Культивировать поля?

- г Ты кати, автомашина,
На резиновом ходу.
Я на шофера учиться
Обязательно пойду.
- д Мне, подружка, хочется
Быть отважной летчицей.
Я добьюсь, чего хочу, —
Над страной полечу.
- е Наша юность расцветает,
Как весной зеленый сад.
Милый в армию уходит,
Я — на курсы в Ленинград.
- ж Серебристая водичка
Обратится зимой в лед.
Скоро буду я медичкой,
Милый в армию пойдет.
- з Милый мой, хороший мой,
Мы расстанемся с тобой.
- и Не грусти и не скучай,
Инженером приезжай.
- и Я стахановка в колхозе,
Получила премию.
Мой миленочек уехал
В Сельхозакадемию.
- й Пароход идет по Волге,
А машина — стороной.
Скоро милый мой придет
На каникулы домой.
- к Со горы снежок скатился
Во круту ложбиночку.
Комбайнером с курсов
встречу
Саню-ягодиночку.
- л У меня перед окошком
Растет дуб да елочка.
Мой миленок — инженер,
А я — комсомолочка.

80. Я УДАРНИЦА В КОЛХОЗЕ (Частушки)

- а Я ударница в колхозе,
Боевая, смелая;
Я полоть, вязать умею —
На работе первая.
- б Ой, подруга дорогая,
Дорогая, ой ли!
Не с тобой ли мы, подруга,
Пятилетку строили?
- в Трактор пашет, трактор
пашет,
Трактор пашет и тудит.
- Погляди, моя подруга,
Кто на тракторе сидит!
- г Ой подруга, не хвались,
Что твой милый тракторист,
А мой выше перелез —
Он механик в эм-тэ-эс.
- д Мой любимый — тракторист,
Трактористской буду я.
Будем вместе обрабатывать
Колхозные поля.

Где скакал Семен Буденный,
Где гудела вся земля,
Серебрятся волны Дона,
Зеленеют тополя.

По деревням и станицам
Радость, как сирень, цветет
И чудесной юной птицей
Громко радио поет.

Луч, ласкаясь, землю греет,
Улыбается весна,
Самолет крылатый реет,
Голубая даль ясна.

Над станицей — дыма кольца.
Блещут солнцем лемеха.
Выезжают комсомольцы
Землю жирную пахать,

Трактор, пой, стучи задорней!
Наша радость велика:
Побеждаем мы просторы,
Побеждаем облака.

Чтоб пшеница золотая
Спелым колосом шумела,
Чтоб страна моя родная
Песни радостные пела!

82

Солнце скрылось за горою,
Где-то слышен тихий скрип ворот.
Тракторист с подругой молодою
Расставался, уходя во флот.

У рябой склонившейся березы,
На опушке леса, за рекой,
Покатались у подруги слезы
По лицу весеннею росой.

Говорила тихо, глядя в очи:
«Скоро ль, скоро встретимся с тобой?
Приезжай, веселый краснофлотец,
К нам в деревню раннею весной.

Пусть не страшны будут дали
Голубых необозримых вод.
Посылай нам письма, чтобы знали,
Как растет наш славный Красный флот».

83. ТЫ УДАЙСЯ, УДАЙСЯ, ЛЕНОК

Колхозом сеем мы, сеем ленок.
Мы сеем, приговариваем,
Чоботами приколачиваем:
«Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, самый высший номерок».

Колхозом полем мы, полем ленок.
Мы полем, приговариваем,
Чоботами приколачиваем:
«Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, самый высший номерок».

Мы колхозом мочили ленок.
Мы мочили, приговаривали,

Чоботами приколачивали:
«Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, самый лучший номерок».

Мы стлали, мы стлали ленок.
Мы стлали, приговаривали,
Чоботами приколачивали:
«Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, самый высший номерок».

Мы трепали, трепали ленок,
Мы трепали, приговаривали,
Чоботами приколачивали:
«Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, самый высший номерок».

Мы колхозом чесали ленок.
Мы чесали, приговаривали,
Чоботами приколачивали:
«Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, самый лучший номерок».

Раньше пряли, мы пряли лен.
Раньше пряли, приговаривали,
Чоботами приколачивали,
А теперь нам машина прядет.
Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, самый высший номерок.

84

Весело колхозникам —
Ну и рожь, ну и рожь!
Будет хлеба урожай,
Ой, хорош, ой, хорош!

Вышла в поле селами
Молодежь, молодежь

С песнями веселыми
Косить рожь, косить рожь.

Целиною — трактора
Тут и там, тут и там.
Загуляли трактора
По полям, по полям.

85. ПРИМЕЧАЙ МЕНЯ, МОЙ МИЛЫЙ (Частушки)

а Я иду, а мне навстречу
Едет тракториночка.
Мне не трактор полюбился —
Мальчик-ягодиночка.

б Давай, подружка, карандаш,
Я напишу, ты передашь.
Забава спит, ты не тревожь —
На белу грудь ему положь.

в Примечай меня, мой милый,
На колхозной полосе:
Юбка черная одета,
Лента красная в косе.

г Я на пар бороновала
Под зелененький ленок.
Пришел милый, сел
напротив —
Просидели весь денек.

д Черны брови — их не смоешь
И платочком не сотрешь.
Перестань глядеть, залетка,
Мое сердце не тревожь.

е Заиграл Шура в минорочку,
Запела песни я.
Все четыре супротивницы
Взглянули на меня.

ж Мы с забавочкой сидели
У кудрявых у берез.
Быстра речка пробежала
От моих горячих слез.

з Дроля, я вас не искала,
Вы вперед меня нашли,

А теперь все ваши мысли
Во все стороны пошли.

и Рожь колхозная, густая,
Побыстрее колосись!
Дроля, я не из красивых,
Но и ты не возносись.

й Меня милый провожал,
Гармонь под пазухой держал.
Сколько звездочек на небе,
Столько раз поцеловал.

к Девяносто песен знаю,
А молитвы ни одной.
Меня милый пожалеет
Лучше маменьки родной.

л Дорогие дали волю,
А потом хотят унять.
Уронили камень в воду,
Тяжело с воды достать.

м Я тогда дролю забуду,
Когда в кузницу схожу,
Сердце каменное вставлю,
Грудь железную скую.

86. Я В САДУ ПИСЬМО ПИСАЛ

(Частушки)

а Я в саду письмо писал,
А соловей подсказывал.
Вспомни, милая моя,
Как за тобой ухаживал.

б Мы под елочкой сидели,
Ветер веточки качал,
В эту самую минуту
Про любовь я рассказал.

в Через ту зелену елочку
Окошек не видать.
Через милую девчоночку
Приходится страдать.

г Погляжу я через ветви,
Огонек в окошке светит.
Дорогая, потуши,
Мое сердце не суши.

д Ты не пой, не пой, не пой,
Соловей, рано весной.
Ты не пой и не свисти,
Мое сердце не грусти.

е Я иду, иду дорогой,
Светит месяц молодой.
Вспомни, вспомни, дорогая,
Как ходил я за тобой.

87. ЗАРАСТАЙТЕ, НАШИ ТРОПОЧКИ

(Частушки)

- а Я любила, я любила
Горячо и пламенно.
Он любовь мою не понял —
Его сердце каменно.
- б Мы расстались, попрощались.
Он — домой, и я — домой.
Зарастайте, наши тропочки,
Зеленою травой.
- в Полетай-ка, полетай-ка
В поле, куковеночек.
Поживи-ка, попытай-ка,
Без меня, миленочек.
- г Я иду, она касается,
Зеленая трава.
Лучше были бы не сказаны
Те ласковы слова.
- д Я не буду больше плакать,
Глаза карие мочить —
Синя моря не наполнить
И любовь не воротить.
- е Играй, гармонь, веселее,
Во весь голос припою.
Пускай миленький вспомнит
Любовь прежнюю мою.

88. УХАЖОР У НАС ОДИН

(Частушки)

- а Ой, подруга дорогая,
Ухажор у нас один.
Ты ревнуешь, я ревную,
Давай его продадим.
- б Ой, подруга дорогая,
Я не буду ревновать.
Разве можно ухажоров
На базаре продавать?
- в Ой, подруга дорогая,
Давай жеребий метать —
Кому с миленьким рас-
статься,
Кому миленьким владать?
- г Ой, подруга дорогая,
Зачем жеребий метать?
Если ты о нем страдаешь,
Я могу свободу дать.
- д Ой, подруга дорогая,
Дорогая, милая,
Успокой мое сердечко —
Променяй мне милого.
- е Ой, подруга дорогая,
Миленочек не баран —
Никуда его не дену,
Не сменяю, не продам.

89. РЯЗАНСКИЕ СТРАДАНИЯ

- С гармонистом я сидела,
Он играл, я песни пела.
Ай, как Вася заиграет,
Веселей голос бывает.
- Сыграй, Вася, сыграй, милый,
Гармонист ты наш любимый.
- Сыграй, Вася, на баяне —
Моя любовь за морями.
Черемуха — цвет приметный,
До чего милый приветный.
- Мил уехал в городочек
На весь кругленький годочек.

Через речку, чрез мосточек
Подай, милый, голосочек.

Голосочком не горжуся —
Какой есть, таким зальюсь.

Я не знаю, что такое, —
Что-то бьется ретивое.

Ох, спасибо, Вася милый,
Что сыграл нам с переливом.

90. ПО ПРИМЕРУ ЧКАЛОВА

(Частушки)

а Ох, у нас и летчики,
Летчики-молодчики!
Всю страну прославили —
Челюскинцев доставили.

б Шла я с милым, шла с пило-
том
По крутому бёрегу.
Полетели самолеты
Из Москвы в Америку.

в С неба звездочка упала:
Самолет крылом задел.

Это наш товарищ Чкалов
Над Канадой пролетел.

г С неба звездочка упала:
Самолет крылом задел.
Не успел вернуться Чкалов,
Громов дальше полетел.

д Эх, недаром полюбила
Летчика удалого:
Будет милый мой летать
По примеру Чкалова.

91. ПО ТВОИМ ЗАВЕТАМ ВСЕ ИСПОЛНИЛОСЬ

Не ветра шумят холодные,
Не пески бегут зыбучие —
Снова горе подымается,
Словно злая туча черная.
Как гроза со градом-молнией,
Пала на сердце кручинушка.
Эту темную кручинушку
Не развеять ветру быстрому,
Не умчать песку зыбучему,
Не покрыть грозой-тучей.
Посижу я, слезы выплачу.
От моих ли слез да горечи
Сине море переполнится,
Разольются реки глыбкие,
Камни белые расколются,
Чисто золото рассынется!

Если б стала я да ясным соколом,
Превратилась бы да в сиза голубя
Али в ласточку во быструю,
Я бы горьких слов не баяла,
Я б горючих слез не ведала,
Полетела б я прямехонько,

До Москвы бы долетела я,
 До Кремля стены до каменной,
 К мавзолею опустилася —
 Ко Владимиру ко Ленину.
 Я б ему сказала: «Солнце ясное,
 Посмотри кругом, порадуйся,
 Как все в жизни изменилося.
 Вон сады цветут — колхозные,
 Вон поля цветут — колхозные,
 Как светло-светло нам жить становится!
 Наши дети в школах учатся.
 В небе наши парни-соколы,
 Наши девки водят тракторы.
 И живем мы домом — полной чашею,
 И в руках у нас работа спорится,
 И в сердцах у нас любовь горит
 За твою борьбу, за подвиги.
 Ты для нас работал, рук не кладучи,
 Ума-разума большого не жалеючи,
 Ты сторел за нас костром-полымем.
 Все, что думалось тобою, все исполнилось!

.
 И одна сейчас у нас дороженька
 К счастью, светлая, лучистая, широкая,
 И ведет по этой по дороженьке
 Нас родная наша партия.
 К счастью светлому дороженьку
 Не развеять ветру черному,
 Не снести песку зыбучему,
 Не залить рекой глубокою,
 Не покрыть грозю-тучею. . .

92. В НОГУ С ПАРТИЕЙ ИДЕМ (Частушки)

а Дорогой товарищ Ленин
 Нам широкий путь открыл.
 То, о чем отцы мечтали,
 Он на деле претворил.

б Мы по-новому живем,
 Песни новые поем,
 Потому что мы в колхозе
 В ногу с партией идем.

в Подымайся выше, тополь,
 В поле краше расцветай.

Мы садами, мы цветами
 Разукрасим милый край.

г Выйду в сад я рано утром
 И нарву смородины.
 Не найти нигде на свете
 Лучше нашей Родины.

д Октября завоеванья
 Мы навеки сохраним.
 Нам чужой земли не надо,
 Но своей не отдадим.

Пулемет строчил без перебоя,
Пулеметчик метко бил врага,
Прямо — поле огненного боя,
А вокруг — дремучая тайга.

Окруженный вражьем батальоном,
Он не дрогнул в яростном бою,
Бился до последнего патрона
За Отчизну милую свою.

Отступали в панике японцы,
Оставляя раненых солдат.
В перестрелке Васю-комсомольца
Потерял и наш погранотряд.

Не сияло радостное солнце,
Угасая в небе голубом.
Палачи, трусливые японцы,
Учинили пытку над бойцом.

Хитро речь журчала капитана,
Предлагал он деньги и чины,
Чтоб хоть слово им сказал Баранов,
Чем и как мы в армии сильны.

Не слышать ни слова самураям,
Родины бойцы не продают,
А за счастье солнечного края
Так герои жизни отдают.

В перелив холодного тумана
Бушевал разгневанный Амур,
На чужбине умирал Баранов,
В плене у японцев и маньчжур.

94. КАК ОХОТНИК ФЕДОР ЯПОНЦЕВ ПРОГНАЛ

На Дальнем Востоке, близ маньчжурской границы, жила семья охотника: старик да три сына. Старшие два брата ходили на охоту, а младшего, Федора, оставляли дома.

Раз приходят братья с охоты. Федор и говорит:

— Я тоже буду ходить на охоту.

— Ты еще молодой, вырастешь — находишься, — говорят братья.

А Федор на своем стоит.

Назавтра встают братья и уходят. И Федор собрался, тоже пошел охотиться.

Идет он и все примечает — кустик ли ему попадется, или какой пенек, или какая лесина, куда она накренится, — все примечает.

Попалась ему белка. Хотел он ее стрелять. А белка говорит:

— Зачем ты меня стрелять будешь? Теперь весна, мы только расплождаемся, шкура у нас негодная. Вот придет осень — тогда и время охотиться.

Попался Федору медведь. Он и его хотел застрелить. Медведь говорит:

— Не стреляй, Федя, сейчас у меня шкура никудышная, шерсть облазит. Когда буду осенью ложиться в берлогу, тогда и время охотиться.

Разные звери и птицы встречались Федору. И приходилось ему переговариваться с каждым. Что нужное — убивал, что ненужное — оставлял.

Пришел Федор домой. Пришли и братья и видят: принес Федор много промысла.

Садятся за стол, начинают беседу, братья говорят:

— Как ты это, Федор, много бьешь? Или ты фартовый, или ты просто мастер.

Федор улыбнулся и стал им рассказывать:

— Тут, — говорит, — требуется большой труд и умение.

Они ему говорят:

— И мы тоже трудимся, ходим, но почему-то не убиваем столько.

— Тогда идите завтра со мною.

Назавтра стал Федор показывать братьям, где что можно запомнить.

Подходят они к бурной речке. Он переходит через речку. Они удивляются:

— Как ты это, Федор, все знаешь?

А он им показывает на пенек:

— Вот запомните этот пенек и будете вы переходить.

Идут далее, подходят к скалам. И по скалам также пошел Федор. Братья за ним. Прошли скалы, зашли в дремучий лес, и стал он им показывать там.

Старший брат говорит:

— Да уж ты, брат Федор, больно далеко забрался! Будет, пожалуй, поздно вернуться обратно.

— Вот возьмем да и заночуем. Здесь, у границы, бывает, и двуногий зверь бежит. Но только огонек не будем раскладывать, а то может японец заметить.

Вдруг услышал старший брат шорох какой-то и хруст. Он за полу дернул Федора:

— Это что такое? Зверь какой?

Федор сказал:

— Постойте, я пойду посмекаю, что творится там.

И стал Федор пробиваться между кустов. Сразу он понял, что идут люди. Да не один, не два, а целый отряд.

Позвал Федор братьев. Не сделали они и десяти шагов, как вдруг Федор подает шоиотом команду стрелять. И все трое разом выстрелили. А японцы тоже стали стрелять, но сколько ни стреляли — попасть не могли. Когда пули летели по ногам — братья в то время прискакивали кверху, когда пули летели в голову — они падали плашмя на землю.

Японцев много. Пришлось братьям трудно.

Стал просить Федор лес, чтобы лес помогал. И лес вставал японцам преградой. А как стали окружать японцы братьев, рухнула толстая сосна и придавила нескольких японцев насмерть. Поднялась страшная буря, гнула лес в дугу, хлестала ветвями неприятеля. Японцы кинулись в другую сторону в обход. Тогда лес стал загигаться в дугу. Хватался Федор за лесину, и лесина перебрасывала его в ту сторону, где японцы, и бил их Федор нещадно.

Неприятеля было много, и стал Федор просить зверей, чтобы не пустить японцев на советскую землю.

Звери отовсюду появились во множестве. Тут и медведь прибежал, переваливаясь с боку на бок. Хватит медведь колодину — да и свалит на японцев. Волки хватали японцев за ноги и тащили их куда попало. На что кабан — на того и надеяться нельзя было — и тот щелкал клыками. Налетели на японцев птицы — были и орлы, были и мелкие птицы — и все заодно. Шум пошел, крыльями били, в темя японцев клевали насмерть. Даже белка не отставала, тоже была на лесине, рвала кедровые шишки и била японцев по лбу.

Увидел Федор, что есть подмога хорошая, вся природа помогает против японцев: и звери, и птицы, и лес, и буря. Говорит он тогда братьям:

— Продержитесь как-нибудь, а я побегу к пограничникам.

Бросил шапку, бросил тужурку и побежал. Бежать было трудно. Он придумал сдернуть унты, остался босиком, истерзал свои ноги, но боли не понимал, думал только одно: добежать во что бы то ни стало. Силы перестают служить ему. Тут выскочил сохатый:

— Скорее, Федя, на меня садись, да покрепче за шерсть держись!

Пустился сохатый, как каленая стрела, спущенная из лука.

Добрался Федор к пограничникам, сделал тревогу.

Пограничники были все на ногах.

— Давайте, братцы, помогите! Японец зашел! Не отдавайте ему советскую землю! Нужно гнать его!

Пограничники побежали за Федором, обошли японцев с хорошей стороны и забрали всех.

Стал красный командир хвалить братьев и расспрашивать:

— Как же вы это трое управились с таким отрядом?

А Федор отвечает:

— Товарищ командир, мы ведь не одни были. Вся природа шла на подмогу — звери и птицы, лес и буря.

95. ОТВЕТ КАТЮШЕ

Нахожусь в Финляндии, Катюша,
В стороне Суоми молодой.
Не цветут здесь яблони и груши,
Здесь война, страдания, грозный бой.

Если вдруг меня пуля шальная
Здесь уложит в дальней стороне,
Не грусти тогда, моя милая,
Расскажи всю правду обо мне.

Расскажи, как ты меня любила,
Расскажи, как письма берегла,
Расскажи, как песенку сложила,
Расскажи, как песенка дошла.

96

Раскинулись ели широко —
В снегу, как в халатах, стоят.
Засел на опушке глубоко
В снегу белофиннов отряд.

Где огненным сердцем пылает снаряд,
Врезаясь в тела без разбора,
Шумели над раненым телом бойца
Деревья финляндского бора.

Шрапнелью глаза повредило ему,
Осколком поранило спину,
И вот подползает сестрица к нему
В ночь под огнем белофиннов.

«Сестрица, болит мое тело от ран,
И сердце пылает от жара,
Сестрица, не выдержи я до утра», —
Сказал он, почти умирая.

«Без страха вступил с белофиннами в бой,
Без страха и смерть я встречаю,
В шинели письмо — отошлите домой,
Сестра милосердна родная».

Луны побледневшей не видел уж он,
И сердце стучать перестало.
Взглянула сестра на измято письмо
И адрес его прочитала.

«Братишка, — воскликнула девушка вдруг,
На землю упала в бессилье. —
Братишка. . .» — и выпало из девичьих рук
Письмо на ее же фамилию.

Она прижималась тесней и тесней
К его охладевшему телу,
Как будто бы жаркою грудью своей
Согреть его тело хотела.

Вблизи белофинн застрочил пулемет.
И мстить за отца и за брата
Сестра милосердия стала в ответ,
Бросать боевые гранаты.

И вдруг на ее белоснежном челе
Мурашка легла, багровея,
И девушка грудью припала к земле,
В боях завоеванной ею.

Где огненным сердцем пылает снаряд,
Врезаясь в тела без разбора,
Лежала сестра, а рядом с ней брат
В сугробах финляндского бора.

III. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

97

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.

Кончилось мирное время,
Нам распрощаться пора,
Я уезжаю, быть обещаю
Верным тебе навсегда.

И ты смотри,
Чувством моим не шути,
Выйди, подруга, к поезду друга,
Друга на фронт проводи.

Дрогнет состав эшелона,
Поезд помчится стрелой,
Я из вагона — ты мне с пер-
рона

Грустно помашешь рукой.

Пройдут года,
И снова я встречу тебя,
Ты улыбнешься, к сердцу
прижмешься,
Я расцелую тебя.

98

Не пыли, дороженька степная,
По тебе шагать далеко нам.
Не роняй ты слезы, мать родная,
А победы пожелай своим сынам!

Наша доля — дальняя дорога,
Наше дело — недруга крушить,
Чтобы всюду смертная тревога
Не давала им у нас дышать и жить.

Так не пыли ж, дороженька степная,
По тебе шагать далеко нам.
Не роняй ты слезы, мать родная,
А победы пожелай своим сынам!

**99. ПРИ ПРОВОДАХ МУЖА
НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ**
(Плач)

Ты кормилица да ладо милое,
Ты кормилица да дума крепкая,
Ты крепка была, моя надейная,
Ты надейная да неизменная.
Уж ты куда, наша, да снарядилася,
Ты куда, наша, да сподобилася,
Ты на промыслы да на богатые,
По сено ли да по зеленое,
По жаркí дрова ли да по березовы?
Не туда, моя, да снарядилася,
Не туда, моя, да сподобилася,
Ты во путь-то мой да во дорожечку,
Ты во дальнюю да во печальную,
На большу войну да на всемирную,
На всемирную да кроволитную.
Уж я не это ли да в уме думала,
Уж я не это ли да в уме держала,
Уж не на то горе да я сходилася,
Уж я хотела жить да в молоду пору,
Я хотела жить да зелено время
С тобой, моя да лада милая,
С тобой, моя да припостельная.
Ты ли знаема да ты ли ведома,
Уж что вдовья я была да подоконная,
Подоконная да порядовная,
Уж мы знали друг про друга, ведали,
Про совести да наши молодецкие,
Мы сходилися с тобой в чистом поле,
Разостанемся да при раздольице.
Уж ты кормилица да ладо милое,
Ты скорехонько да снаряжаешься,
Во путь-то ли да во дорожечку,
Куда ушли, будто много уехали,
Удалы-те да добры молодцы,
Сыновья-та ли да как отецкие,
А отцы ушли да многодетные.
А уж как я-то ли, бедна злосчастная,
Уж я остануся, горюха-горькая,
Я, горька вдова, буду безмужняя,
Горька матери да я бездетная.
Уж я с кем буду да проводить свою,
Проводить свою да молоду пору,
А свое-то ли да зелено время,

Не в гульбе верно да не в весельице,
А во слезах только да во горячиих,
А во тоске большой да во кручинушке.
Ты кормилица да ладо милое,
Ты кормилица да дума крепкая,
Ты напиши-ка мне да письмо-грамотку,
Ты сообщи-ка мне да легку весточку
Про свое-то ты житье военное,
Про военное, красноармейское.
Чтобы знала я да горе ведала
Про тебя, моя да лада милая,
Про тебя, моя да дума крепкая,
Чтобы не болело мое да ретиво сердце,
Не кипела бы моя да кровь горячая,
Не старилось да лицо белое.
Уж говорил мне да ладо милое:
«Не тужи, моя да молода жена,
Не печалься-ко, моя любя семья,
Не расстраивай мое больно сердце,
Больно сердце, красноармейское,
Ты не лей при мне да горячи слезы».
Я сумела себя, горе, повидержать.
Мы не знали, куда, горе, деватися,
Мы ли сели с ним да в легку лодочку,
Пошли мы да поехали
По матушке да по быстрой реке,
По кормилице да золотой струе.
А уж как в ту-то ли да в пору-времячко
Дули шибко да ветры буйные,
Качада шибко тут морска волна.
Не страшилося мое ладо милое,
Что мы съездим там да к роду-племени.
Поедим у них да там скусной еды,
Скусной еды да как свежой рыбы.
Как услышали мы крижки крестьянские,
Что кричит наша мати родимая,
Что нас требует жалость сердечная,
Уж мы с ним, горе, поторопилися,
Прибежали мы да к легкой лодочке,
Поехали да по быстрой реке,
Ко своему-то да краю-берегу,
Где стояло много да людей добрых,
Где стояло много да православных.
Спровожали мою да ладу милую.
Мы пришли, бедны, да тут приехали
Ко круту кряжу да ко обрывному,
Поднялось круто да ладо милое,

Дал мне-ка да руку правую,
Подынул меня да на крутой берег,
И пошли мы, горе, злосчастные.
Тут подходит пароход да пассажирской-то,
Не ходом он шел да он лётóm летел,
Под мою-то шел да ладу милую,
Под мою-то шел да думу крепкую,
Подавал свистки да он приходные,
Взволновались тут люди добрые.
Поторопилося да наше ладо милое,
Взял котомочку военную,
Взял меня, бедну злосчастную,
Под свою-то ли да под праву руку,
Мы спустилися да ко быстрой реке,
Тут пошла моя да ладо милая
По желту песку да по макарьевску,
А ко трапу-то да пароходскому.
Закипела тут моя кровь горячая,
Распростилися да рукой правой,
Повесил он да буйну голову
И пошел он на пароход пассажирской-то.
Тут подсéкло мои да ноги резвые,
Подкоротались да руки белые,
Я присела тут да к мать-сырой земле,
Я вzywала тут да, горе, заплакала.
Когда повышло мое да ладо милое
На палубу на пароходскую,
Я заздрила его да заприметила
Во последний раз, а во последний час,
При последнем я да расставаньице,
Вековом с ним да несвиданьице.
Тут ли стал давать пароход свистки прощальные,
Прощальные да расставальные,
Жалобные да как печальные.
И пошел пароход да на полон ход,
Я осталася на краю пристани,
Возле кормилицы быстрой реки.
Я не видела да свету белого,
Я подынулась да на круты кряжа,
На круты-те да на обрывные,
Я ко лошади, бедна, ко доброй,
Ко доброй да ко езжалой.
Я пошла, бедна, домой, поехала,
Вспоминала все да ладо милую,
Что шла туда да ладо ехало,
Уж как на память мне его только бело лицо,
А на память мне его да речь-говорюшка.

Уж я ли шла да долго ехала,
Уж я все плакала да баско слезно,
Все причитывала да ладу милую.
Дивовалися да люди добрые,
Всё жалели меня да православные:
«Уж ты где-ка, лебедь, да научилась?».
Уж я не с первой ладой да расставалася,
Уж я знала жизнь да, бедна, вдовьюю,
Вдовьюю да красноармейскую.
Уж я подъехала, бедна, да ко виту гнезду,
Где ходил мое да ладо милое,
А зашла, горе, да во вито гнездо,
Села я на лавочку брусовую,
Ко окошечку да ко косявчату,
Тут я все, бедна, горе, раздумалась,
Не судьба мне спроводить да ладу милую
До славной мне его до Усть-Цильмы,
До пристани да до центральной,
Откуда спровождают все да белы лебеди,
Расставаются да они навеки,
Распрощаются да по-хорошему.
Уж не что делаешь во пору-времячко,
Не спустила меня служба казенная,
Казенная меня сельповская.
Уж я едва коротала да темну ноченьку,
Уж я все думала об ладе милой,
Все печалилась да припостельной,
Мне не елася да как скуснá еда,
Не катилася да ключева вода,
Не катилось мне-ка зеленó вино,
Я не знала тут, куда с горя деватися,
Где и чем сердце удóбриги.
Постелила как я да мягкó место,
И наклала круто зголовьицко,
И заснула я да крепким плотным сном,
Только забыла в ту пору-времячко
Про свою-то я да ладу милую.
Уж я жду, бедна, нонь дожидаяся,
Уж не пишет мне-ка да письма-грамотки,
Не веселит мое да ретиво сердце.
Уж я везде хожу да везде роблю,
Уж я у всех прошу да у людей добрых,
Я у всех спрошу да православных:
«Нет ли у вас да письма-грамотки,
Не сообщают ли про мою да ладу милую,
Не сообщают ли про думу крепкую?».
Его, бат, раскуркали да черны вороны,

Расклевали, бат, его сизы орлы,
Растаскали, бат, да звери лютые,
Уж как мою-то ли да ладу милую.
Уж я ходила сей год да, бедна, ездила
По лесам-то я да по дремучим,
По борам-то я да по широкиим,
По снегам бродила да по глубокиим,
Я рубила, бедна, леса строевые,
Строевые леса, еловые.
Все ходила да в уме думала
Об своей-то я да ладе милой,
Об своей-то я да думе крепкой.
Уж я приду, бедна, да приеду,
Будет мне да письмо-грамотка,
Будут мне да легки весточки,
На них хотела сердце удобрить.
Лучше ждать буду да ладу милую
Со победою да со великою,
Наживу тогда житья спокойного,
Спокойного житья веселого.

100

Ты стояла молча ночью у вокзала,
На глазах нависла крупная слеза.
Видно, в путь далекий друга провожала —
Черные ресницы, карие глаза.

Вот помчался поезд, рельсы отгудели,
Милый друг уехал, может, навсегда,
И с тоской немою вслед ему смотрели
Черные ресницы, карие глаза.

Он недаром кончил школу боевую,
Метко поражает подлого врага
И не забывает девушку простую —
Черные ресницы, карие глаза.

Редко пишет письма, но зато в газетах
Часто вспоминают про его дела,
И, о нем читая, гордостью сияют
Черные ресницы, карие глаза.

Он взвивался птицей, грозный смелый сокол,
Немцы его знают, он для них гроза,
О таком в народе песню сочиняют —
Черные ресницы, карие глаза.

Помни октябрьский вечер,
Дальний вокзал под Москвой,
Нашу прощальную встречу,
Хмурой осенней порой.

Поезд к перрону подходит,
Мы расстаемся с тобой.
Ты на прощанье мне подарила
Вязанный шарф голубой.

Синее море шумело,
Нас окружали в кольцо.
Рвались мы на храброе дело,
Смерти смотрели в лицо.

Сквозь снега и туманы
Вижу я образ твой.
И всюду меня охраняет
Вязанный шарф голубой.

Нас окружают березы
И край багровой зари.
Снова на том же вокзале
Будешь встречать снова ты.

Ранней весенней порою
Снова я встречаюсь с тобой
И сразу же вспомню
Твой вязанный шарф голубой.

102. МИЛ УЕХАЛ НА ВОЙНУ (Частушки)

а Распроклятая Германия
Затеяла войну.
Взяли милого, хорошего —
Оставили одну!

б Отчего же не приходится
С залеточкой гулять?
Двадцать третьего июня
Он уехал воевать.

в Вижу озеро в тумане,
Идет синий пароход.
Мой миленочек в шинели
Отправляется в поход.

г Взяли милку на войну,
Меня оставили одну.
Я с миленочком рассталась,
Сиротой кругом осталась.

д Подошла к военкомату —
Мне навстречу лейтенант:
«Твое дролечку забрали,
Повезли на Ленинград».

е Мой залеточка уехал,
Он уехал не один:

Мое ретивое сердечко
Улетело вместе с ним.

ж У зеленого вагончика
Стояла с дорогим.
Не военное бы времечко —
Уехала бы с ним.

з Мил уехал на войну
И махнул перчаткою —
Оставайся, дорогая,
Три года солдаткою.

и Ах, подруга дорогая,
Где наши залеточки?
На них серые шинели,
Зеленые пилоточки.

й Ой, подруга дорогая,
Обе мы сироточки:
У тебя и у меня
На войне залеточки.

к Не виню я ягодиночку
И армию свою,
Виню я Гитлера поганого,
Проклятую войну

Товарищи, дружно, рубеж не сдавай!
Горячее время настало,
Немало боев нам пришлось испытать —
Такого еще не бывало.

Рвутся снаряды, и танки гремят,
Над нами стервятники вьются,
Но мы порешили — ни шагу назад,
Фашисты сюда не прорвутся.

Мы помним святую присягу свою,
За нами друзья и родные,
И в этом, быть может, последнем бою
Мы будем стоять как стальные.

Помрем, но врага мы не пустим вперед,
Дверей мы ему не откроем.
Пусть знают фашисты, что русский народ
Всегда остается героем.

Над Родиной, песня, как птица, лети
И гордо скажи нашим людям:
Пока мы живые — врагу не пройти.
Помрем, но победу добудем.

104. НА СТЕНЫ, ПОД ЗНАМЯ!

Ревут самолеты, и танки гремят,
Дымится гранит опаленный.
Врагу не сдаются тринадцать солдат,
Последних бойцов гарнизона.

На стенах грохочет разрывов гроза,
Дрожит под ударами камень,
Но, раненный дважды, зовет комиссар:
«На стены, за мною, под знамя!

Пусть мало патронов и смерть впереди,
Не станем вовек на колени!
Товарищ, товарищ, на стены иди —
Там знамя советское реет».

А враг, атакуя, бросает: «Держись!..
Гробницею будет вам крепость.
Склоните знамена — оставим вам жизнь.
А нет — так пойдете на небо».

В ответ раздается призыв боевой,
Ведет он сквозь грозное пламя:
«На стены, на стены, в атаку, за мной!
На стены, товарищ, под знамя!».

И снова неравные схватки кипят,
На крепость летят самолеты.
Врагу не сдаются тринадцать солдат,
Героев советской пехоты.

... Последний боец на граните лежит,
Запрятано знамя героем.
Пусть топчут враги его юную жизнь,
Но тайны святой не откроют.

Умеют геройски за честь умирать
Простые советские люди.
А кто за Отечество мог постоять,
Отечество тех не забудет.

Над крепостью Брестской на подвиг зовет
Свидетель бессмертия — камень:
«Товарищ, товарищ, за мною, вперед!
На стены, на стены! Под знамя!».

105. ШЕСТНАДЦАТЬ БОЙЦОВ

Послушайте, братцы, что я вам спою,
Послушайте песню простую.
Случилось все это в жестоком бою
За нашу Отчизну родную.

Раскинулась мгла голубая,
Лишь ветер с листвою шелтал.
Заданье свое выполняя,
Отряд в окружение попал.

Их было шестнадцать советских бойцов,
В них ярость и гнев бушевали.
Теснее сжималось вражье кольцо.
«Сдавайтесь!» — им немцы кричали.

«Ребята, — спокойно сказал командир, —
Нам час наступает сразиться.
Умрем, но живыми себя не сдадим,
Пусть сволочь фашистская злится».

Последнюю ленту жевал пулемет...
Граната вблизи разорвалась...
Товарищ остатки патронов берет...
К рассвету их трое осталось.

Товарищ напился из фляги воды,
Качаясь, пошел к пулемету,
С лица его катится струйками кровь
И капли горячего пота.

Он слабой рукою гранату схватил,
Собравши последние силы,
И в гущу фашистов гранату пустил,
И пламя его озарило...

Уж близок был яркого солнца восход,
Край неба лучом озарялся.
У братской могилы советский народ
Отмстить за товарищей клялся.

Запомним слова этой клятвы святой
И встанем рядами вплотную.
Споем эту песню и ринемся в бой
За нашу Отчизну родную.

106. СКАЗ О ДВАДЦАТИ ШЕСТИ ГВАРДЕЙЦАХ-ПАНФИЛОВЦАХ

Был ведь день-то да неприветливый,
Не пекло да солнце красное,
А ходили тут да тучки темные,
А дождили дождички холодные.
Мы услышали вдруг по радио
Эту весточку да как печальную,
Как погибли они на полюшке на бранном,
А во том ли побоище кровавом.
Будто братья они да были родные,
Ясны соколы да поднебесные,
Молодцы они были удалые,
Удалые они были да храбрые,
Защищали они Москву да матушку,
Москву красную да тот великий Кремль.
Как назад идти — Москва позади,
А вперед идти — немец двинется.
Как гвардейцы да те панфиловцы
До последних сил дрались-сражались,
Немцу в плен да не сдавались.
Отомстит за них да наша армия,

За тех удалых добрых молодцев,
За гвардейцев да за панфиловцев,
Уж на всех фронтах да во всех боях.

107

Помню ночь метельную, шальную,
Помню домик на краю села.
Как в семью знакомую, родную,
Ты в блиндаж к разведчикам вошла.

Ты вошла уверенно и просто
В круг солдатской жизни фронтовой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Нас метель несла на крыльях белых
По полям заснеженным вперед.
Впереди отчаянных и смелых
Ты с гранатой шла на вражий дот.

И звенел под липами погоста
Молодой и дерзкий голос твой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Ты проходишь, плечи не сутуля,
Самым смелым равная в бою.
Не посмеет вражеская пуля
Посвятнуть на молодость твою.

Будут долго помнить эту поступь
Снеговые дали под Москвой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

108. ЕХАЛ ГИТЛЕР НА МОСКВУ (Частушки)

а Гитлер вздумал угоститься —
Чаю тульского напиться.
Зря, дурак, позарился —
Кипятком опшпарился.

б Москву-город взять пытались
Немцы-неприятели —
Рокоссовского герои
Их назад попятити!

в Лез к Москве фашист-мошенник
Через надолбы и рвы —
Крепкий русский подзатыльник
Получил взамен Москвы.

г Ехал Гитлер на Москву
На машинах-таночках,
А оттуда, из Москвы —
На разбитых саночках.

д У московских у ворот
Удивляется народ:
Немцы ходят в наступленье
Только задом наперед.

109. УТЕС

Есть на Волге утес,
Он бронею оброс,
Что из нашей отваги куется.
В мире нет никого,
Кто не знал бы его,
Он у нас Сталинградом зовется.

Об утес броневой
Бьется лютый прибой,
Вьется воронов черная стая.
Но стоит он стеной
Над равниной степной,
Ни сомненья, ни страха не зная.

Там снаряды гремят,
Там пожары дымят,
Волга-матушка вся потемнела.
Но стоит Сталинград,
И герои стоят
За великое правое дело.

Сколько лет ни пройдет,
Не забудет народ,
Как на Волге мы кровь проливали,
Как десятки ночей
Не смыкали очей,
Но врагу Сталинград не отдали.

Эх, ты, Волга-река,
Широка, глубока,
Ты видала сражений немало,

Но такой лютый бой
Ты, родная, впервой
На своих берегах увидала.

Мы покончим с врагом,
Мы к победе придем,
Солнце празднично нам улыбнется,
Мы на празднике том
Об утесе споем,
Что стальным Сталинградом зовется.

110

Возме города Ростова,
Недалеко от Донца,
Комиссара молодого
Вражья пуля стерегла.

Он склонялся и склонялся,
Тихо падая к земле,
И тихонько улыбался,
Улыбался, как во сне.

Улыбаясь, он промолвил:
«Напишите вы жене,

Что погиб от вражьей пули,
Что меня в живых уж нет.

А еще вы напишите,
Чтоб сыночка сберегла,
Воспитала коммуниста,
Рассказала про меня».

И над телом комиссара
Поклялись два бойца,
Поклялись священной клят-
вой:

«Отомстим мы за тебя!».

111. ОЙ, ЯБЛОЧКО (Частушки)

а Ой, яблочко,
Росло за Вислою.
У врага под Москвой
Дело кислое.

б Ой, яблочко,
Да с червоточинкой.
Немцу взять Ленинград
Нету моченьки.

в Ой, яблочко,
Да с Дону катится.
От Ростова фашист
Задом пятится.

г Ой, яблочко,
Да из Америки.

Довело ты врага
До истерики.

д Ой, яблочко,
Да из Британии,
Будет помнить тебя
Вся Германия.

е Ой, яблочко,
Да наливается.
Наша Русь на врага
Поднимается.

ж Ой, яблочко,
Растет, красуется.
Ведь не так страшен
черт,
Как малюется.

з Ой, яблочко,
Да так и сочится.
Враг живьем не уйдет,
Не воротится.

и Ой, яблочко,
Да розмариново.
Да всех врагов истребим
До единого.

112. ОБ АНКЕ ГРАЙТЕРОВОЙ

Сигналом атаки, трубою призывной,
Знакомая песня, лети.
Елец и Верховье, Ефремов и Ливны —
Этапы на грозном пути.

В декабрьскую вьюгу дорогой холодной
Мы шли на большие дела,
И рядом с бойцами в шинели походной
Елецкая девушка шла.

П р и п е в:

Споем же, товарищ, о храброй ельчанке,
О славе воинственных дней,
О храброй ельчанке, о девушке Анке,
О верной подруге своей.

Ты вспомни, товарищ, как мины визжали,
Как бил пулемет по врагу,
Как немцы в испуге от Анки бежали
И смерть находили в снегу.

Не дрогнула Анка в атаке ни разу
Под ливнем огня и свинца,
И мужество девушки той черноглазой
В бою согревало сердца.

П р и п е в.

Не выпало Анке закончить похода:
Суровое дело — война.
Принав к пулемету у Русского Брода,
Геройски погибла она.

Но мчатся в атаку могучие танки,
Орудия наши гремят,
За раннюю смерть пулеметчицы Анки
Фашистам друзья отомстят.

П р и п е в.

113. БАЛТИЙЦЫ

Балтийцы, вперед на заклятых врагов,
Вперед, боевые ребята!
Покажем, что значит удар моряков,
Покажем, что мы из Кронштадта.

Дрались мы, балтийцы, с врагами не раз
За жизнь и за честь Ленинграда,
Врагов мы громили, и нынче от нас
Не будет злодеям пощады.

Глубинная бомба, торпеда и штык
Не дрогнут в руках краснофлотца.
На суше и в море балтиец привык
До полной победы бороться.

Так дружно, товарищи, в бой на врага,
Вперед, боевые ребята!
Покажем, что значит удар моряка,
Покажем, что мы из Кронштадта.

114

Сквозь ветры, шторм и через все преграды
Ты, песнь о Ладоге, лети.
Дорога здесь проходит сквозь блокаду,
Другой дороги не найти.

Припев:

Эх, Ладога, родная Ладога,
Метели, шторм и грозная волна!
Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа.

Пусть ветры Ладоги поведают народу,
Как летом баржу за баржой
Грузили мы и в дождь, и в непогоду,
Забыв про отдых и покой.

Припев.

Зимой машины мчались вереницей
И лед на Ладоге трещал.
Грузили хлеб для северной столицы,
И Ленинград нас радостно встречал.

Припев.

Но знали мы — кровавая блокада
Минует скоро, словно тень.

Росли и крепили силы Ленинграда,
Росли и крепили каждый день.

П р и п е в.

И вот пройдут года войны суровой,
Залечит раны город мой,
Народ вздохнет — и песню с силой новой
Споет о Ладоге родной.

П р и п е в.

115

Я встретил его близ Одессы родной,
Когда в бой пошла наша рота.
Он шел впереди с автоматом в руках,
Моряк Черноморского флота.

Он шел впереди и пример всем давал,
Он родом был сам из Ордынки,
Лишь ветер атласные ленты трепал
На черной его бескозырке.

«За Родину! — крикнул отважный моряк, —
Пощады нет гитлерским гадам!»
И врезался в группу фашистских солдат,
Работая ловко прикладом.

В бою показал он сноровку свою,
Он дрался геройски и пылко.
Мелькала на жарких участках в бою
Знакомая нам бескозырка.

Я встретил его после боя в селе,
В просторненькой, чистенькой хате,
Лежал он на докторском чистом столе
В измазанном кровью бушлате.

Двенадцать ранений хирург насчитал,
Все пули засели глубоко.
В бреду лишь отважный моряк напевал:
«Раскинулось море широко».

А в память вошел, он хирургу сказал:
«Быть может, войдете в Ордынку,
Жене передай краснофлотский привет,
А сыну отдай бескозырку».

116. ПЕСНЯ СЕВАСТОПОЛЬЦЕВ

За нами холодное море,
И рвутся снаряды вокруг.
Дымится в развалинах город,
Смыкается вражеский круг.

Мы долгие месяцы дрались в кольце,
За свой Севастополь сражались.
Дома эти, улицы, камни его
Недешево гадам достались.

И если, товарищ, нам здесь умирать,
Умрем же в бою, как герои,
Ни шагу назад — нам нельзя отступать,
Пусть нас в эту землю зароят.

Прощай, Севастополь, наш город-боец,
Прощайте, орлята-ребята,
Патронам в обойме приходит конец,
Одна лишь осталась граната.

Пушкой мы погибнем в неравном бою,
Но братья победы добьются,
Взойдут они снова на землю свою,
С врагами сполна разочтутся.

Так яркое солнце нельзя потушить,
Так шторм успокоить нет силы,
Не будут враги в Севастополе жить,
Он станет им только могилой.

117

Раскинулось море широко
У крымских родных берегов.
Живет Севастополь могучий,
Решимости полной готов.

И грудью прикрыл Севастополь родной
Моряк, пехотинец и летчик.
У крепкой стены обороны стальной
Могилу находит налетчик.

Мы холод и стужу видали в боях,
Мы свыклись с дождем и ветрами,
Мы будем фашистов в боях истреблять
И знаем: победа за нами.

Так смело, друзья, в наш решительный бой,
Чтоб род весь людской мог воспрянуть,
Чтоб больше никто на родную страну
Не мог по-бандитски нагрязнуть.

Солдатские песни Суворов любил.
Бойцы помнят песни Чапая.
Споем же, друзья, — пусть в боях прозвенит
Победная песня родная...

118

Как прощались с женами, надевали ранцы,
Оставляли врубовки, брали автомат, —
Расскажи, товарищ, про луганцев,
Про суровых воинов, про лихих ребят.

Нашей клятвы Родине нерушимо слово,
Закалили местью мы сердца свои.
Храбрость Бондаренко и Пяткова
Нас зовет на новые, грозные бои.

От родного Дона до Кавказских склонов
Имена героев всех не перечесать.
Высоко красуются знамена —
Боевая слава, воинская честь.

Назад ни шагу! — такой приказ.
Станет могилой врагу Кавказ.
За нами море — не отойдем.
Врагу на горе вперед пойдем.

119. ПЕСНЯ О 216-Й КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Родилась ты в огне и тревоге
В украинских широких степях
И, как сталь в ярко пламенной домне,
Закалилась ты в жарких боях.

Полыхали степные пожары,
И ржавела дорогами кровь,
Шли полки твои с яростным жаром
На разгром всех коричневых псов.

Проносили мы гордое знамя
Сквозь пожары, огонь боевой,
И, обветрен походною гарью,
Вел нас в бой командир боевой.

Мы у Харькова немцев встречали,
И никто там не дрогнул в бою.
Под Батайском огнем угощали
И купали фашистов в Дону.

Под Барвенковым гордо сражались
Мы за счастье и Родину-мать.
Очеретино, Миус и Куцевку
Немцы будут не раз вспоминать.

Помним бой под станицей Ахтырской
И прохладу кубанских ночей.
Жаркой схваткой под станцией Крымской
Крепко били мы псов, палачей.

Награжденная орденом красным,
Ты с успехом прошла весь Донбасс.
Не забудем мы путь свой прекрасный,
Мелитопольский бой и Сиваш.

За пролитую кровь и пожары,
Что несет в своем сердце страна,
Отомстим мы фашистским мерзавцам
И расплатимся с ними сполна.

120. РАССКАЗ ТАНКИСТА

Мы пьем и гуляем, а ты загрустил,
Сидишь, словно сокол в неволе.
Мы трубкой и чаркой тебя угостим,
А ты Расскажи нам про горе.

«То было в жестоких берлинских боях,
Фашисты опять огрызнулись.
На помощь пехоте, фашистам на страх
Тяжелые танки рванулись.

С коротких и с ходу лавиной огня
Танкисты врага угощали.
Каленая трижды стальная броня
Кругом экипаж защищала.

Снаряды и мины летят и летят,
Пробить лобовую не в силах.
Вот врезался в борт бронебойный снаряд,
Машина на месте застыла.

Водитель кричит, задыхаясь в дыму:
„Откройте, откройте мне люки!“.

Наверно, не в силу ему самому
Поднять обгорелые руки.

Башнёр изнемог, и нет сил заряжать —
На стреляных гильзах валялся.
И сам командир, повалившись на бок,
За щит ограждения держался.

Взрывались вокруг за снарядом снаряд,
Окончилась жизнь экипажа.
Какое несчастье постигло ребят —
Никто никогда не расскажет.

Ты видишь — четыре могилы стоят
Вдали на степи золотистой.
Мы там схоронили хороших ребят —
Бесстрашных гвардейцев-танкистов».

121. ПЕСНЯ О ТАНКИСТЕ

Встает заря на небосклоне,
За ней встает наш батальон.
Механик чем-то недоволен,
В ремонт машины погружен.

Куда, куда, танкист, стремишься,
Куда, механик, держишь путь:
Или с болванкой повстречаться,
Или на mine отдохнуть.

А я болванки не боюсь,
И мина тоже не страшит —
Меня термитка поцелует
И спать уложит навсегда.

На поле танки грохотали,
Танкисты шли в последний бой,
А молодого лейтенанта
Несли с разбитой головой.

«Прощай, Наташа дорогая,
И ты, братишка мой родной,
Тебя я больше не увижу,
Лежу с разбитой головой».

И полетели телеграммы
Родных и близких известить,
Что сын ваш больше не вернется
И не заедет погостить.

В углу заплачет мать-старушка,
Слезу с усов смахнет отец,
И дорогая не узнает,
Каков танкисту был конец.

И будет карточка валяться
На полке позабытых книг —
В танкистской форме, при погонах, —
Но он ей больше не жених.

122

Ты идешь дорогою военною,
Трудным и неслыханным путем,
Девушка, на вид обыкновенная,
С милым и застенчивым лицом.

На фронтах отважно ты сражаешься,
На врага наводишь пулемет,
Ты сестрой над раненым склоняешься,
Подымаешь в небо самолет.

И в тылу тобой немало сделано —
На полях колхозных, у станка.
Стала и уверенной и сильною
Маленькая женская рука.

В эти годы много нами пройдено,
Нас дороги славные вели
По полям священной нашей Родины,
По равнинам вражеской земли.

И весь путь, победами увенчанный,
Делит с мужем, братом и отцом
Русская прославленная женщина,
Ставшая товарищем — бойцом.

123. ДЕВУШКА-СЕСТРА

Вдалеке грохочут пушки.
У палатки, у костра
В племе, белом полушубке
Наша девушка-сестра.

Бинт открыла и, повязку
Мне на рану положив,

Прошентала с тихой лаской:
«Знай, боец, ты будешь жив».

И тогда, скрывать не стану,
Я в палатке у костра
Позабыл про кровь и рану,
Хоть и боль была остра.

Песню мне сестра пропела
Про любовь, что впереди,
Взглядом ласковым согрела
Сердце раненое в груди.

Не забыть войны дорогу
В дальнем северном краю,
Как шагали с нами в ногу
Сестры-девушки в бою.

124

Расцветали яблони и груши.
По тропинкам, через лес густой
Выходила смелая Катюша
С автоматом на берег крутой.

Выходила, без пощады била
За разгром родимого села,
За того, которого любила,
За того, чьи письма берегла.

А за рощей, за лесной опушкой,
Где дороги ко врагу ведут,
Притаилась новенькая пушка,
Что бойцы «Катюшею» зовут.

Две Катюши, словно две подружки,
Бой вели в горячие деньки:
Наша пушка била у опушки,
А Катюша — с берега реки.

125

Весь блиндаж снарядами разрушен,
Вдоль реки метелица свинца,
Но выходит на берег Катюша,
Слыша зов советского бойца.

Вот летит она стрелой, как птица,
Вот ползет по краешку леска.
Наша Катя пули не боится,
Не боится вражьего штыка.

Катя слово раненому скажет
Так, что в сердце песня запоет,
Катя раны крепко перевяжет,
На руках из боя унесет.

Ой ты, Катя, девушка родная,
Сто бойцов спасла ты от огня,
Может, завтра, раненых спасая,
Из огня ты вынесешь меня!

Ты достойна звания героя,
Ты в сраженьях Родине верна,
И тебя любимую сestroю
Называет вся моя страна.

126. СКОЛЬКО ГИТЛЕР НИ ВОЮЙ (Частушки)

а Ты сыграй, моя гармошка,
Да на полный разворот,
Как советские гвардейцы
Взяли фрицев в оборот.	д У реки растет береза,
Зеленеют завитки.
У фашистов зубы долги,
Только лапы коротки.
б Снеги пали, снеги пали —
Пали, да растаяли.
Наши немцев потрепали —
Отступать заставили!	е Из колодца вода льется —
Настоящий леденец.
Красна Армия дерется,
Скоро Гитлеру конец!
в Скоро, скоро снег растает,
С гор покатится вода.
Крепко бьются наши братья,
Занимают города!	ж Скоро Гитлеру могила,
Скоро Гитлеру капут,
А советские машины
По Берлину побегут.
г Ты, Подгорна, ты, Подгорна,
Улица советская.
По тебе ходить не будет
Гадина немецкая.	з От Москвы и до Берлина
Дороженька узкая.
Сколько Гитлер ни воюй,
А победа — русская.

127

Опустились густые туманы
На родные луга и леса...
Уходили в поход партизаны,
Мсть за Родину в сердце неся.

Шли они по болотам и кручам,
Пробирались под сенью ветвей
И средь брянских лесов, средь дремучих
Повстречали незваных гостей.

Солнце встало, рассеяв туманы,
Солнце быстро идет в небеса...
Оккупантов громят партизаны,
Прославляют родные леса.

Опустились густые туманы
На родные луга и леса...
Уходили в поход партизаны,
Мсть за Родину в сердце неся.

128. ПАРТИЗАНСКАЯ

Раскинулась роща широко,
Зеленые ветки шумят.
По тайным тропам издалика
Пришел партизанский отряд.

Уж звезды так бледно мерцают
В сиянье восточной зари;
Бойцы еще глаз не смыкают —
Советские богатыри.

Прошедшую ночь боевую,
Отвагой и местью полны,
Приказ выполняли во славу
Великой советской страны.

Составы на воздух летели,
И падали в пропасть мосты,
А нас от врага укрывали
В потемках густые кусты.

Пусть тлеют немецкие кости
И прахом развеется сброд,
Пусть знают незваные гости
И помнят советский народ.

Пришел командир с комиссаром,
Товарищ — отец партизан.
«Мы жили сегодня недаром,
Спасибо, друзья, — он сказал. —

Ложитесь на отдых, пора отдохнуть,
Герои, орлы боевые,
А в сумерках снова мы двинемся в путь
Все ближе к победе, родные».

129. ПАРТИЗАНСКАЯ БАЛЛАДА

Там, где ели на склоне
Тихо стелят хвою,
Партизан похоронен —
Пал он в жарком бою.

То не голос кукушки
Слышен ранней порой —
Плачет горько подружка
Над могилой родной.

Рядом горлинка вьется
Над зыбучей ветлой:
«Пусть тебе отзовется
Голос ласковый мой».

Словно сказочный вестник,
Прилетел ветерок:
«Я спою тебе песни,
Что певал твой дружок...».

И березы-сестрицы
Прошептали листвою:
«Нам дозволяй поклониться
Вместе в горе с тобой...».

То не голос кукушки
Кличет друга, зовёт...
Их участие к подруге
В сердце боль не уймёт.

Загустели туманы,
Пали буйной росой,

Подошли партизаны
К той могиле сырой:

«Нашей боли великой
Не слезами застить.
На, винтовку бери-ка,
Будешь фрицам ты мстить!».

Старый клен на опушке
Ладит думку свою.
И шагает подруга
В партизанском строю.

130

На опушке леса
Старый дуб стоит,
А под этим дубом
Партизан лежит.

Он лежит, не дышит
И как будто спит,
Золотые кудри
Ветер шевелит.

А над ним старушка,
Мать его, стоит.
Она горько плачет,
Сыну говорит:

«Я ж тебя растила,
Но не сберегла.
А теперь могила
Сбережет тебя.

А когда родился,
Батяка немцев бил,
Где-то под Одессой
Голову сложил.

Я вдовой осталась.
Семеро детей.

Ты же самый младший,
Милый мой Андрей.

Был ты самым храбрым,
Немцев крепко бил,
Орден за геройство
В награду получил.

Ой, болит сердечко
По тебе, Андрей.
Ты скажи, сыночек,
Матери своей».

Позади старушки
Командир стоит,
Ласково и тихо
Он ей говорит:

«Ты не плачь, родная,
Он героем пал».
И с земли старушку
Тихо приподнял.

«За страну родную
Пал он не один.
Мы фашистским гадам
Крепко отомстим».

131

Тишина. Ни огонька, ни звука.
В полутьме деревья тихо спят.
В тыл врага без шороха и звука
Партизанский уходил отряд.

Шли и старики, и комсомольцы,
Над рекой туманился рассвет,
С ними уходила добровольцем
Девушка семнадцати лет.

Девушка в поношенной кубанке
Обрывала связи, жгла мосты,
И отряд гордился партизанской —
Комсомолкой Зоей из Москвы.

Это было зимнею порою.
Отступая, враг поджег село,
И повесили фашисты Зою
По утру, лишь только рассвело.

Умерла... Но ты среди народа,
Ты героем вечно будешь жить.
И клянемся, дорогая Зоя,
За тебя врагам мы отомстить.

132

Располным-полна корбушка,
Есть гранаты и бензин.
Молодецкая головушка,
Партизан ползет один.

Вот и пала ночка темная,
Танки с грохотом идут.
Поднялась рука проворная.
Ну, разбойники, капут!

Все знакомо парню нашему,
Каждой тропки поворот.
Для врага болота страшные —
Партизаны прямо вброд.

Паренек подполз к дороженьке,
Разложил подарок свой.
Разлетятся вражьи ноженки,
Не найдут пути домой.

Заволнуйся, рожь высокая,
Лучше молодца укрой.
Ждет фашистов смерть жесто-
кая
На пути ночной порой.

Партизаны не волнуются,
Смерть готовят для врагов.
Гитлер с Герингом торгуются,
Сколько нужно им гробов.

133

Отцветали яблони и груши,
По садам стелился белый цвет.
На привет любимого Ванюши
Шлет Катюша ласковый привет.

«Я теперь, — Катюша пишет другу, —
Не хожу на берег, где туман,
Темной ночью, взяв винтовку в руки,
Я ушла с отрядом партизан.

На просторе вольном и широком
Для врага закрыты все пути,
По лесным тропинкам и дорогам
Не проехать немцу, не пройти.

Будет день, и розовой порошей
Ветки яблонь снова зацветут.
Будет враг раздавлен и отброшен,
И победу трубы започнут.

А пока, родной мой и любимый,
Мы с тобой идем в одном строю
Защищать советский край любимый
И любовь горячую свою».

134. ПАРТИЗАНЫ, ПАРТИЗАНЫ (Частушки)

- а Партизаны, партизаны,
Партизаны-молодцы.
В партизанах наши братья,
В партизанах и отцы.
- б Партизанка моя мать,
И отец мой — партизан,
И сама я — партизанка,
На боку ношу наган.
- в Эх, подруженька, подружка,
Давай елочки садить,
Чтоб отважным партизанам
Легче фрицев было бить.
- г Партизаны молодые,
Молоды да удалы:
На большак сражаться ходят,
Не жалеют головы.
- д К нам на славный Брянский лес
Не однажды Гитлер лез,
Но наткнулся на порог —
Одолеть его не мог.
- е Партизаны-коммунисты
Не дают вздохнуть фашистам,
С Украины день и ночь
Гонят сброд фашистский прочь.

- ж Ночка темная настала,
На полях стоит туман.
Гитлер смазывает пятки
От орловских партизан.
- з Уж ты, птица, птица, птица,
Ты лети, как ураган.
Плюхо Гитлеру живется
От налетов партизан.
- и Партизаны, партизаны,
Вы дрались за Родину,
Получите, партизаны
От нее по ордену!
- й Лес шумливый, лес дремучий,
Лес зеленою каймой.
С партизанами в отряде
Бьет фашистов милый мой.
- к А мой милый — партизан,
Охраняет линию,
Чтоб советскую машину
Не взорвало миною.
- л С партизаном я гуляю,
Он находится в лесу.
Я, молоденькая девочка,
Поесть ему снесу.
- м Я сорву сирень-цветочек,
На дорожку положу,
Партизанскому отряду
Путь прямее укажу.
- н Я в разведке побывала,
Заминировала мост.
С Брянска ехал бронепоезд —
Пошел прямо под откос.
- о В партизаны поступила,
Красну ленточку ношу.
Партизана полюбила,
Партизаном дорожу.
- п Заиграйте три баяна,
Я, веселая, спляшу:
За Ванюшу-партизана
Завтра замуж выхожу.

Удивительный вопрос,
Отморозил немец нос,
А без носа-то куды? —
Ни туды и ни сюды.

Немцы плохо в бой идут,
С голодухи немцы мрут,
И выходит — без еды
Ни туды и ни сюды.

Немцы лезли в Ленинград
И в Москву, чтоб на парад.
Не прорвались их ряды
И ни туды и ни сюды.

Отступает генерал,
Френч и брюки потерял.
И не скрыться от беды
И ни туды и ни сюды.

136. КАК ФАШИСТСКИЙ ГЕНЕРАЛ К ПАРТИЗАНАМ В ПЛЕН ПОПАЛ

Жил да был фашистский генерал. Уж такой он был лютый, что даже самые злые собаки — и те дивуются на его злость.

Ладно. Пришел это он с войском большим в нашу деревню и шумит:

— А где народ, почему в деревне пусто?

Говорят ему:

— Придется вам, ваше свинородие, лечь натошак, весь народ разбежался, один глухой старик остался.

— А привести мне этого старика, — шумит генерал.

Приказано, сделано. Привели ему старика Пахома, который сидел у себя на печи дома.

— А ну, — шумит генерал, — отвечай, где народ?

— А народ, — говорит Пахом, — в лес подался, и свиней, и кур, и всю живность утнал.

Пуще залютовал генерал.

— А далеко ли, — спрашивает, — лес?

— А лес у нас стоит на гладком месте, как на бороне, верст двадцать в стороне, а в лесу этом и коровы, и свиньи, и гуси. Гуси так и рвутся в жаркое, а свиньи носами о землю стучают, в котлы просятся, ждут вас, ваше свинородие, не дождутся.

Обрадовался генерал, приказал в трубы трубить, лес окружить, от жадности трясется, рычит, хочется ему пообедать, свининки отведать, гусей на заедки, а солдатам — генеральские объедки.

Смекнул Пахом. Побежал к себе в дом, малого внука в лес посылает, дает ему наказ; скотину по лесу распустить, а партизанам о врагах доложить.

Ведет генерал войска к лесу, от жадности глаза разгораются, брюхо раздувается.

Видит генерал коров и свиней, куриц и гусей.

— А ну, — шумит он, — живыми всех словить, чтобы было чем закусить!

Побежали — кто за коровой, кто за быком, кто за свиньей, а кто за петухом.

Свиньи по полю разбегаются, коровы бодаются. Бегают солдаты за скотиной, за гусями лезут в болото — ну, как есть, настоящая охота!

Остался генерал один. Рот разевает, зубами щелкает, бельмами ворочает.

«Эх, — думает, — хороша пожива. Салом нажрусь, молоком напьюсь, будет мне всего и про запас».

Думал так генерал да малость и всхрапнул. Спит генерал, а партизаны врагов окружили да всех и побили.

А фашистскому генералу снится сон, как обжирается он и поросятиной, и гусятиной. Яйцо целиком в пасть бросает, курицу с перьями пожирает, свиную ногу в горло сует, да никак не прожует. Быки и коровы на генерала наступают, в пузо его попасть желают.

Генерал всех бы съел, да от натуги покраснел. Жилы у него раздулись, того и гляди лопнет.

Проснулся генерал, смотрит, а руки у него завязаны, на шее веревка, а кругом партизаны.

— Следуй, — говорят они генералу, — за нами, а угощать теперь мы тебя будем сами. Учиним мы тебе, жадный пес, допрос.

Так не пришлось фашистскому генералу отведать нашего гуська, — а тут и сказка вся.

187

И на море и на суше, ох,
По дорогам фронтовым
Ходит русская «Катюша»,
Ходит шагом боевым.

Подчистую немцев косит, ох,
Подчистую немцев бьет,
И фамилии не спросит,
И поплакать не дает.

Немцам главный штаб прикажет, эх,
Чтобы шли они вперед,
А «Катюша» слово скажет,
Как метлою подметет.

Налетит «Катюша» вихрем,
Чем ее остановить?
И задумал Гитлер «тигров»
На «Катюшу» натравить.

Но такие же гостинцы
Приготовила она,
Что осталась от зверинца
Только химия одна.

Говорят, и после смерти, эх,
Слышат немцы грозный шквал
И что даже на том свете
Лезут прятаться в подвал.

138. ЧТО ВЫ, ФРИЦЫ, ПРИУНЫЛИ
(Частушки)

- а На закате возле хаты
Ходит немец с котелком:
«Давай курку, давай яйца
И корову с молоком».
- б Захотелось фрицу сала:
«Матка — яйца, матка — шпик!».
А бабуся так поддала,
Что от немца — только шпик.
- в Что вы, фрицы, приуныли?
Что носы повесили?
Видно, жарких оплеух
Наши вам отвесили.

139

Ходит Гитлер по Берлину
Возле дому своего,
Поморгает Риббентропу
И не скажет ничего.
И кто его знает,
Зачем он моргает?
Раздобудет пять дивизий —
Он танцует и поет,
А как сводку прочитает —
Отвернется и вздохнет.
И кто его знает,
Зачем он вздыхает?
Мы спросили: «Что невесел?».
«Плохо дело! — отвечал, —
Ведь мой друг фельдмаршал Паулюс
Вместе с Шмидтом в плен попал».
И кто его знает,
Зачем он попадает?
А вчера признался Гитлер:
«Видно, я стратег плохой,
Быть командующим фронта
Не велит мне разум мой».
И все это знают,
И все ожидают.

140. НА ОСИНЕ ДВЕ ВЕРЕВКИ

(Частушки)

<i>а</i> Сидит Гитлер на дороге,
В лапти обувается,
А на них написано:
Жизнь его кончается. | <i>б</i> На осине две веревки,
Любо-дорого смотреть.
Скоро Гитлер с Муссолини
Будут рядышком висеть. |
|--|---|

141. ЭХ, ЯБЛОЧКО

(Частушки)

<i>а</i> Держись, доска,
Начнем с носка,
Выходи на середину,
Наше яблочко.	Немцы в Балтике нырнули
Головой в залив.
<i>б</i> А вдогонку за носком
Как ударим каблучком,
Чтобы фрицы подавились
Нашим яблочком.	<i>г</i> Ходи, зима, ходи, лето,
Ходи, улица.
Над Москвой летят ракеты,
Немцы жмурятся.
<i>в</i> Эх, яблочко,
Золотой налив.	<i>д</i> Эх, яблочко,
Нет румянее.
С нашим яблочком идем
По Германии.

142

Лети, письмо заветное, простое,
Через леса, болота и поля.
Лети туда, где дом листвою закрыли
Любимые, родные тополя.

Скажи, письмо, ей ласковое слово,
Чтоб тень и грусть сошли с ее лица.
Скажи, что скоро встретимся мы снова
У старого знакомого крыльца.

Быть может, каждый вечер по старинке
Проходишь ты уныло у окна,
Моя подружка в беленькой косынке,
Тревогой за судьбу мою полна.

А если же от пули немца злого
Останусь я лежать среди полей,
Найди ты в жизни друга, но такого,
Чтоб был достоин памяти моей!

143. В ЗЕМЛЯНКЕ

В землянке уютной горит огонек
И тихо играет двухрядка,
Поет у огня молодой паренек
О жизни о нашей солдатской.

Поет он, и слушают песню друзья,
Прошедшие версты с боями.
У каждого дома осталась семья
На родине, там за горами.

Поет паренек о невесте своей,
Он имя ее называет.
И сердце у каждого бьется сильней,
И скука тайком исчезает.

Как будто с тобою здесь рядом сидит
Подружка твоя дорогая
И нежное слово тебе говорит,
Любимым своим называя.

Мечтаешь скорее вернуться домой
В родимую теплую хату.
Когда отправлялся на бой со двора,
Мальчишкою звали девчата.

Теперь не мальчишка, суровый солдат,
Бородка уже отрастает,
И если вернуся домой я назад,
Наверно, никто не узнает.

Но бой не окончен, с коварным врагом
Не раз повстречаться придется.
Закончим войну, победим, а потом...
Потом и невеста найдется.

Гармошка играет, гармошка поет.
Подтягивай, друг, веселее!
Сегодня в землянке, а завтра — вперед —
Ударим по немцу сильнее.

144

Бьется в тесной печурке огонь,
И шумят все о чем-то леса,
Мне сегодня играет гармонь
Про улыбку твою и глаза.

О тебе прошептал ветерок
С белоснежных задумчивых гор,
Вспомнил я на вокзале звонок
И прощальный твой ласковый взор.

Ты теперь далеко-далеко,
Между нами хребты и хребты,
До тебя мне дойти нелегко,
А как хочется, знала бы ты.

Я по-прежнему в горы иду,
Автомат и рюкзак на спине.
Что же, милая, жди, я приду,
Хоть и трудно порой на войне.

Пой, товарищ, всем вьюгам на зло,
Заплутавшее счастье придет.
Пусть тропинку твою замело,
Но дорога к победе ведет.

145

Я слышала песню с тоской —
Ты мне пел из землянки сырой.
Мне послышался голос родной
С белоснежных полей под Москвой.

Ты напрасно тоскуешь, родной,
Заплутавшее счастье зовешь.
Бей смелее врага под Москвой —
Свое счастье в бою сбережешь.

Это верно, что я далеко
И дойти до меня далеко,
Но ты думай, всегда я с тобой,
Будь героем, любимый ты мой.

Никогда не страшись ты врага —
Пусть до смерти всего два шага.
Если нужно — умри за народ,
Но ни шагу назад — все вперед!

146

Не столы, здесь стоящие,
Украшают наш дом:
На снарядные ящики
Мы газету кладем...

По сто грамм нам положено —
Фронтowej наш паек.
В колпачок от взрывателя
Наливай-ка, дружок!

За страну белорусскую
Выпьем этот бокал,
С той заморской закускою,
Что союзник прислал.

За землянку уютную —
Фонаря огонек,
За машину попутную,
Если путь ваш далек.

За родного товарища,
С кем шагаешь сквозь дым,
С кем всегда укрываешься
Полупубком одним.

За любимую девушку,
Что тоскует и ждет,
Чья веселая карточка
С нами в битву идет.

Два снарядные ящика
Служат вместо стола...
Слов немало уж сказано...
Только чарка мала!

По сто грамм нам положено —
Фронтowej наш паек.
В колпачок от взрывателя
Наливай-ка, дружок!

147

Жду тебя, хороший мой,
Очень крепко жду.
Жду уральскою зимой,
Жду весной в цвету.

Жду, и дни быстрее идут,
Гаснут вечера.
И со мной сегодня ждут
Все, кто ждал вчера.

Ждут по-прежнему друзья,
Всей душой любя.
Что ни делала бы я —
Это для тебя.

Снятся мне твои черты,
Где же ты теперь?
Жданный мой, когда же ты
Постучишься в дверь?

Для тебя припасено
Все давно твое,
Непечатое вино
Выпьем мы вдвоем.

Верно, ты придешь опять,
Ласковый, родной.
Милый, я умею ждать,
Как никто другой.

148. МОЙ ЗАЛЕТОЧКА НА ФРОНТЕ (Частушки)

- а У меня миленок есть,
Только нету его здесь:
На войне находится —
Видеть не приходится.
- б Мой залеточка на фронте,
Мой залеточка в бою.
Он оставил мне на память
Только карточку свою.
- в Подруженька, пой, не пой —
Не услышит дорогой:

- Он на фронте, он в бою
Проливает кровь свою.
- г Пурга-вьюга, пурга-вьюга,
Пурга-вьюга и метель!
Завивает пурга-вьюга
На миленочке шинель.
- д Мой залеточка на фронте,
Во гвардейском во полку.
На плечах погоны носит
И наганчик на боку.

е На границе под Литвой
Третий день бушует бой,
Там в зеленой гимнастерке
Воюет милый мой.

ж Ох-хо-хо, окопы роют
Длинные, предлинные.
Туда ушли наши ребята,
Самые любимые.

з Клен зеленый, клен кудря-
вый
Под окном шумит у нас.
Мой миленок, парень brave,
Бил захватчиков не раз.

и На германскую границу
Проводила милушку.
Дроля пищет, что копает
Гитлеру могилушку.

149. Я В ТЫЛУ ЗДЕСЬ БОЕВАЯ

(Частушки)

а Брата в армию призвали —
Я полна заботою:
Вместо брата на заводе
Слесарем работаю.

б Провожала мила друга
На войну с фашистами.
Я сама пойду за плугом,
Стану трактористкою.

в Мой залетка боевой —
На фронт пошел охотою.
Я в тылу здесь боевая —
За троих работаю.

г Пищет милый мне в письме,
Что носит орден на тесьме.

А я в ответ ему пишу,
Что два ордена ношу.

д Мой миленочек на фронте,
Загорелое лицо,
Наклонившись над винтов-
кой,
Он пищет письмецо.

е Ничего не веселит,
Милые товарочки,
Только почта полевая,
Голубые марочки.

ж Далеко милой воюет,
Его дроля ждет — кукует.
С фронта весточка придет —
Сердце девичье замрет.

150. МИЛЫЙ РАНЕННЫЙ ЛЕЖИТ

(Частушки)

а Я иду, а мне навстречу
Лошадь серая бежит.
Неужели мой залетка
В поле раненый лежит?

б Белую косыночку
Не буду я повязывать,
Я пошлю ее на фронт —
Раны перевязывать.

в А, подруга моя Жень,
Тебе весточку несущ:

Твое милого, хорошего
Поранили в лесу.

г А, подруга моя Нюра,
Я сама была в лесу.
Его рана небольшая,
Он сказал: «Перенесу».

д Вон он, вон он побежал,
В горку поднимается,
Его белая рубашка,
Кровью заливается.

е На Калининском на фронте
Ручеечком кровь бежит.
Под зелененьким кусточком
Милый раненый лежит.

ж Ты лети-ка, сизый голубь,
Где идет с фашистом бой.
Первяжи миленку рану
Моей лентой голубой.

з Милый раненый лежал,
Мой платок к груди прижал.
Не платочек унял кровь —
Моя горячая любовь.

и Ко мне милый подошел —
Рука перевязана.
Я любила и люблю,
И любить обязана.

й Ой, война, война, война
Гитлером затеяна.
У залеточки мово
Ноженька потеряна.

к А кому какое дело?
Я люблю на костылях:

Он, мальчишка, не виновен —
Его ранили в боях.

л Кабы не было зимы,
Бураны не буранили.
Кабы не было войны,
Миленочка не ранили.

м Медицинская сестрица,
Будь ты мне родная мать —
Не давай мому залеточке
От раны умирать.

н Медицинская сестрица,
Будь родною мне сестрой —
Первяжи залетке рану
И шинелочкой укрой.

о Я, бывало, припевала
И теперь опять пою.
Если нужно будет раненым,
Возьмите кровь мою.

п Моего залетку ранили
На фронте, на войне.
Распроклятые фашисты
Погорели бы в огне!

151. ТАМ, ГДЕ СОЛНЫШКО ЗАХОДИТ (Частушки)

а Ягодиночка на фронте,
Пули черные летят.
Неужели сероглазого
В земельку повалят?

б Моя черная гребеночка
Сгорела на огне.
Моего миленочка
Убили на войне.

в Ленинград обороняли —
Ясноглазый был в бою.
Там сложил он буйну голову
За Родину свою.

г Там, где солнышко заходит,
Ручей синенький бежит.
А моя там ягодиночка
Убитая лежит.

д Все военные и пленные
Являются домой.
Моего-то ягодиночку
Засыпало землей.

е Посмотрю я с горки вниз —
Все ребята собрались.
Только мы с тобой подру-
женька,
Своих не дождались.

152. ДАЙТЕ, ДАЙТЕ МНЕ КОНЯ

(Частушки)

- а* Ягодиночка в Германии,
В Германии, в бою.
Если Родина потребует,
И я туда пойду.
- б* Мой миленочек на фронте,
У самого у огня.
Если миленького ранят,
Поведу машину я.
- в* Боевая я девчонка,
Буду фронту помогать:
Стану раны перевязывать,
Патроны подавать.
- г* Буду, буду из-под дубу
Дубовую воду пить.
Буду, буду вместе с милень-
ким
На фронте немцев бить.
- д* Дайте, дайте мне коня,
Которым овладею я,
А я сяду и поеду,
Чтобы кончилась война.
- е* Широко растянуты
Полосы фронтóвые.
Ягодиночек убьют —
На смену мы готовые.

153. СКОРО КОНЧИТСЯ ВОЙНА

(Частушки)

- а* Скоро кончится война,
Скоро Гитлеру капут,
Скоро наши черноглазые
С победою придут.
- б* Скоро милый мой вернется,
Назовет меня женой,
Потому — четыре года
Я ждала его домой.
- в* Ой, дороженька, гуди
И, машинushка, дуди,
Привези наших героев
С орденами на груди.
- г* С неба звездочка упала
На прямую линию.
В награжденных я читала
Милого фамилию.

154. ПЛАЧ ПО СЫНУ

Как повыстала тучка темная,
Гроза да ведь самовольная,
И как напали на нас немцы проклятые,
Да на нашу земелюшку карельскую,
Как на нашу Родину любимую.
И как я, мать да ведь победная,
И как отправила двух сынков старших
На защиту своей Родины,
Во ряды да Красной Армии.
И мне, матушке да беднушке,
Было жаль да их тошнешенько
И расставаться да тяжелешенько
Со своими да со сыночками.

И они писали да мне частешенько,
И как весточки летели да быстрешенько,
И уговаривали да успокаивали
Меня, бедную головушку,
Что скоро кончим врага неверного,
Мы покончим немца злодейного.
И как в эту да темну ноченьку
Мало спалось, много виделось.
Мне весна-красна приснилася,
Мне сыночек, ясный соколог,
Он ремнями да припоясанный,
На груди да Знамя Красное.
Я, мать, победная головушка,
Соскочила со постелюшки,
Размахнула ясны оченьки —
И тогда я догадалася,
Что во сне да все приснилось.
Белый свет да появляется,
Запекло да красно солнышко,
Да застучались у окошечка.
Я открыла дверь, победнушка, —
Подают мне весточку да грамотку
Как из дальней из сторонушки.
Я обрадовалась, да мать победная,
Что мне весточка от сына рѣдного.
Прижала ко сердечушку.
Как распечатала я эту весточку,
Эта весточка — не от сына милого,
А от командира да ведь полкѣвого.
Пишет он мне слово ласково,
Уговаривает мать победную:
«Не спугайся-тко да не сплохайся-тко,
Хоть минуточка пришла тебе несчастная.
Твоего сына любимого
Подстрелила пуля вражеска».
Те слова были понятные,
Те слова были обидные,
Что сыночки мои милые
В поле ратном похоронены.
Тут я, мать да беднушка,
Без огня я разжигалася,
Я без ветра зашаталася,
Без дождя я обливалася,
И я клубышком каталася,
И я червушком свивалася.
И мое победное сердечушко
Без огня да разжигается,

Что смола да закипается.
Подломились резвы ноженьки
И мои стары да рученьки,
Затуманились ясные оченьки.
И не знала я, мать беднушка,
Как перенести эту тоску да детиную
И кручинушку великую.
Уж мне жаль да жаль тошнешенько
Сына милого да разудалого.
Прокляла я врага да неприятеля,
Немца — злодея людоедного.
Загубил он много ясных соколов,
Приоставил детей малых
Без отца да и без матери.
А мое-то мало дитятко —
Он оставил четырех да сиротиночек.
Еще есть у меня, у беднушки,
Два сыночка — ясных сокола.
Они расплатятся с фашистами злодейными,
Отомстят они за брата старшего,
За детей да безотцовских.
И как третий мой да ясный соколичек,
И он просил меня, мать беднушку,
Чтоб я дала прощальное благословеньице,
Чтоб идти и заплотить врагу проклятому
За пострадальный народ, за малых детушек
И за своих да братьев старших.
Я сказала слово материнское:
«Уж ты молодой, да как рябинушка,
И зеленой, да как травинушка,
Возрастом да не наполненный,
Умом-разумом не насбиранный.
И есть плечушки, да узёшеньки,
И есть силушка, да малёшенька.
И как в боях да этих страшных
И как падет снарядушка тяжелая,
И задрожит мать сыра-земля песчаная
И по твоим да резвым ноженькам,
А ты спугаешься да сполохаешься,
И задрожит твое молодое сердечушко,
И затуманятся твои ясные оченьки,
Приопустятся твои белые рученьки».
И только-то милое дитятко
На мои слова да он не уладился
И на этом не успокоился.
И еще раз спросил меня, беднушку,
И во слезах он меня уговаривал:

«Благослови меня, родимая матушка,
Я поеду бить врага да коварного,
Заплату за брата старшего».
Тут я, мать да бедная головушка,
Я слезами приоблилася
И горючими приобмочилася.
Я дала свое благословеньице
Сыну младшему да и последнему,
Дала платьице по плечикам,
А обуточку по ноженькам.
И как заседлал он коня доброго
И во седельица шелковые,
И он простился да со товарищами,
А и со мной, да мать бедной.
Я во слезах же ему наказывала:
«Ты будь-ко, мило дитятко,
Храбрым молодцем да ясным соколом,
Метким верным стрелком да ворошиловским
И заплати да ты врагу проклятому
И за милых братьев за родимых,
И за мои слезы горемычные».
И прошло времечко, да три месяца,
И я получила весточку да грамотку
И от сыночка да от любимого,
И пишет он мне таковы слова:
«Стал сынок твой храбрым воином,
Тем героем богатырским,
На груди его да ордена блестят».
И как я, мать, победная головушка,
Я была рада да ведь радешенька
И горда да ведь гордешенька
Своим героем, храбрым молодцем,
Что он отмстил врагу злодейному
За двух братьев за любимых
Тем фашистским разбойникам.

155. О ЖИЗНИ В ОККУПАЦИИ

(Плач)

Как заехали фашисты окаянные,
Нас повыгнали с хоромного строеньица,
Разлучили со сердечным малым детушкам
И нарушили хоромное строеньице.
Поотправили горюх да горе-горьких
Во леса во эти во дремучие,

Во мхи да во топучие.
Как привидели мы голоду да холоду.
Были согнаны в хоромное строеньице
Спорядовые да три наши соседушки.
Не натоплена кирпична бела печенька,
Не закрывается хоромное строеньице,
А снежок летит в косивчатые окошечка,
Лютый ветер дует с запада и с севера.
Принуждали нас работать окаянные
Непосильную тяжелую работушку,
Издавались над нами горе-горькими.
Как придем домой все три соседушки,
Малы детушки у дому нас встречают,
Желты ротушка они да открывают,
Хлеба нет у нас, у бедных у горющих.
Уж как вздумаем, горюхи горе-горькие,
Пораспущены да были мои детушки,
Были согнаны да наши белы лебеди
Как во эти лагеря да во фашистские,
Уж их мучили злодеи окаянные,
Не по силе была трудная работушка,
И сидели за колючей проволокою.
Как я справлюсь, горюха горе-горькая,
Посмотреть я на свое да на строеньице,
 Попрошу я у злодеев этих пропуска
И пойду я на родиму на сторонущку.
Приужахнулось ретивое сердечушко,
Как подошла я ко хоромному строеньицу:
Приразбиты все хрустальные стеколышка,
Как приразломана стоит да бела печенька.
Как я выйду во широкое во полюшко,
Я как сяду там, горюха горе-горькая,
Уж я вспомню своего сына любимого,
Как не стало у меня сына любимого,
Как не стало у меня сердечна дитятка,
Приоставлен он во щельях во дремучиих,
Как во этих во болотах во топучиих,
Даже птиченька туда не залетает
И лютый зверь туда не забегает.
Как направились я в осеннюю темну ноченьку
Как во эти-то во щелья во высокие,
Спожалели меня спорядовые соседушки,
Они вывезли горюху горе-горькую
Из-за этого глубокого озерышка.
Теперь уехала отгуль я, горе-горькая,
На свою на родимую сторонущку.
Уж как пришла я на хоромное строеньице,

Как подправила хоромное строеньеице,
Но не радуется мое ретливое сердечушко,
Как уж пету у меня сыночка милого.

156. ПРИЧИТАНИЕ ПО ЗАМУЧЕННЫМ ФАШИСТАМИ СОВЕТСКИМ ГРАЖДАНАМ

Милые вы наши деточки, горькие головушки,
Попали вы на дорожку узкую, тенистую,
Погнали вас во дальнюю сторонущку к злодеям, врагу-недругу.
Знать в недобрый час воспроизвели вас, печальные головушки!
Не увидеть вашего следочка, не услышать вашего голосочка!
Видно, ваши следочки заросли травушкой-муравушкой.
Видно, не подать вам голосочка из края чужедальнего.
Кабы я была сизой голубушкой, вспорхнула да полетела бы,
Подала бы вам весточку из дома родительского,
Облегчила бы вам в час смертный муки тяжкие.
Как враги-то, злодеи проклятые,
Терзали ваши тела белыми ножами острыми,
Поджигали они ваши ноженьки резвые,
Ломали ваши косточки прутьями железными.
Будьте же прокляты, злодеи супостатные,
Будьте прокляты от века до веку!
Недолог час суда всенародного,
Отплатится вам за все мученья наши лютые.

157. ПРИЧИТАНИЕ ПО УГНАННЫМ В ФАШИСТСКУЮ НЕВОЛЮ СОВЕТСКИМ ДЕВУШКАМ

Да куда же вы, наши доченьки, ушли от нас,
Куда вас угнали злодеи-изверги?
Сожгли вороги нас, все разграбили,
Не оставили нам угла теплого:
Как да осталось одно поле чистое,
Да и вас, молодых, со свету сгубили.
Секут вас плетями ременными,
Бьют вас прутьями железными.
Да и падаете вы от побоев, как тополиночки молоденьки.
Ой вы, любимы наши деточки,
Идут к вам да наши советские богатыри на выручку...

158. ОТВЕТ ДЕВУШЕК

Ничего подобного,
Ничего и не было —
Не забыли женщины
О своих мужьях.

Часто вспоминаем вас,
Мысленно целуем вас,
Часто слезы горькие
Катятся из глаз.

Очень мало девушек
Модно завиваются,
Очень мало девушек
Немцам продались,

Очень мало девушек
Немцам улыбаются,
Крепко ненавидят их,
Так же как и вы.

Не забыли девушки,
Что в шинели серенькой
Защищает Родину
Честно он в бою.

И когда вернется он,
Встретит он с улыбкою
Честную, любимую
Девушку свою.

Каждым утром девушки
Только просыпаются —
И с надеждой тайною
В голубых глазах

Быстро и порывисто
К форточке бросаются:
Не летят с Востока ли
Горды сокола.

Прилетайте, соколы,
Прилетайте, милые,
Девушка любимая
Вам всегда верна.

После встречи радостной,
Гордые, счастливые,
Будем вместе дальше мы
Прогонять врага.

159

Глухой неведомой дорогой,
Германской дальней стороной
Уводят девушек советских,
Уводят в край совсем чужой.

Пред нами дальняя дорога,
Пред нами каторга лежит...

Укрой, лесочек, на часочек,
Пока подружка убежит.

А там, в глуби родной России,
Осталась мать, остался брат,
Остались сестры дорогие, —
И сердцу хочется назад.

160

Вагон качается, ночь надвигается,
К нам не приходит желанный сон.
Страна любимая все удаляется,
Едет в Германию наш эшелон.

Прощайте, улицы родного города,
Прощайте, девушки, отец и мать.
Едем в Германию на муки голода,
Едем мы мучиться и погибать.

Так знайте ж, сволочи вы фашистские,
Скоро настанет тот грозный час,
Когда в Берлин придут наши герои
И отомстят они за всех, за всех за нас.

Я в плену, в чужом краю далеко.
 Дни идут печальной чередой.
 Далеко отсюда на Востоке —
 Милый край и отчий дом родной.

За гудками, грохотом и шумом
 Слышу я родные голоса.
 Бредится мне город Запорожье
 И родимой теплые глаза.

Снится мне, что мать моя, старушка,
 На закате за город идет —
 И глядит на дальнюю дорогу,
 И меня домой напрасно ждет.

Как в душе завидую я птицам,
 Облакам, плывущим на восток.
 Там вдали — Москва, моя столица,
 И родной днепровский городок.

Пусть пожар по свету полыхает
 И война бушует на земле.
 Кто в бою за Родину страдает,
 Тот, наверно, вспомнит обо мне.

162

Раскинулись рельсы далеко,
 По ним эшелоны гремят,
 Они с Украины вывозят
 В Германию наших девчат.

Прощайте, зеленые парки, —
 Мне больше уж вас не видеть.
 Я буду в неметчине этой
 Свой век молодой горевать.

Прощай же, родной городишко,
 И ты, дорогая семья,
 И ты, чернобровый мальчишка,
 И первая встреча моя.

А если вернется с победой
 Мой брат, черноморец, домой,
 То вы ему всё расскажите
 Тогда о сестренке родной.

163. МЕНЯ В НЕВОЛЮ УГОНЯЮТ

(Частушки)

а Ходит Фрося по деревне,
 По домам — прощается:
 «Меня в неволю угоняют,
 Жизнь моя кончается».

б Распроклятая Германия
 Затеяла войну.

Увезли сестер и братьев
 На чужую сторонѹ.

в На березке есть полоски
 И в немецкой стороне,
 Только русские березки
 Во сто раз дороже мне.

г Не смотрите на меня —
Платье не немецкое.
Хоть и худенькое, ситцево, —
Свое, советское!

е Дует, дует, подувает
На дорожку холоду.
Уморят мою подружку
У германцев с голоду.

д Ты, мамаша дорогая,
Забери меня домой.
Мне германская работа
Оказалась тюрьмой.

ж Скоро красные придут —
Мы будем советские.
А куда деваться будут
Холуи немецкие?

164. МАРШ 716-го ПОЛКА

Прошли мы с боями от Волги и до Нейсе,
Наш ратный путь был долг и тяжел,
И славим мы в походной нашей песне
Семьсот шестнадцатый зенитный полк.

Припев:

Стволы орудий грозно вверх подняты,
Врага мы встретим тысячами трасс,
Мы — одерцы, мы Родины солдаты,
Ей всё мы отдали в тяжелый час.

Сражались мы под Ельней и Бреслау,
Средь финских скал и Пруссии болот,
И от Москвы зениток наших славу
Все время гордо мы несем вперед.

Припев.

Под Оппельном строчили пулеметы,
Врага ложились цепи под горой,
Там бой вела зенитная пульрота,
Там в битве пал наш Савченко герой.

Припев.

Огонь орудий наших враг изведаль,
Был нами сбит стервятник не один,
И вновь знамена русские победы
Мы принесли в поверженный Берлин.

Припев.

Боролись мы за дело правды, чести
И пред Отчизной выполнили долг,
Так славься же в походной нашей песне,
Семьсот шестнадцатый зенитный полк!

Припев.

Шли бои на море и на суше,
Грохотали выстрелы кругом.
Распевала песенки «Катюша»
Под Касторной, Курском и Орлом.

Дух солдат советских поднимала,
Пела марш победный, боевой
И врагов в могилу зарывала
Под великой Курскою дугой.

В трудный час пехоту выручала,
Пела песни громкие она.
Лишь тогда «Катюша» замолчала,
Как победой кончилась война.

Стихли залпы последние,
И легла тишина.
За Берлином с победою
Завершилась война.

Возвращался на родину
Молодой паренек.
Помнит девушку милую,
Золотой огонек.

Шел дорогой знакомою,
И шагалось легко.
Знал, что милая девушка
Ожидает его.

Молча к дому знакомому
Подходил в тишине.
Засветился приветливо
Огонек в том окне.

Нежно встретила девушка
Молодого бойца,
Обнимала приветливо
На ступеньках крыльца.

Были веселы, радостны
Под счастливой звездой
И любимая девушка,
И боец молодой.

167. ВОТ И КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА (Частушки)

а Вот и кончилась война,
Прошли бои великие.
Очень жалко тех ребят,
Которые убитые.

б Выйду в поле, выйду в поле,
Погляжу с крутой горы,
Не идет ли Красна Армия
С германской стороны.

в Шла машина из Берлина
С красными вагонами.
Наши славные герои
Едут эшелонами.

г Задумчивая подруга,
Что там светит впереди?
Это звездочка победы
У милого на груди.

д То не ветер пыль метет —
То боец домой идет.
Форма новая на нем —
Ордена горят огнем.

е Красной Армии герои
Родину прославили —
Посреди Германии
Красный флаг поставили.

ж Веселитесь, подружки, —
Уничтожен лютый враг;
Гордо реет над Берлином
Наш советский красный
флаг.

з Враг ходил по Украине
И в Сибирь зайти мечтал.
В результате — от Берлина
Снова нам ключи отдал.

и Ой, туманы голубые,
Серебристая вода!
Оккупанты штык советский
Не забудут никогда!

й Снова песни распевает
И цветет родимый край.
Никогда мы не забудем,
Как пришел девятый май.

168

В Западной Европе часто меркнут звезды,
И встают не наши зори, зори.
Ветерок тихонько там листву колышет,
У костра солдаты в сборе, в сборе.

П р и п е в:

А в небе далеком
плывут облака.
Затянуться надо
крепким самосадам.
Русские не спят солдаты.
Как хочется снова
в родные края!
Затянуться надо
крепким самосадам.
Русские грустят ребята...
Россия, Россия!
Родные края...
Россия, Россия,
Ты мне дорога!

Здесь чуждое небо, здесь чужие парки,
Солнце светит здесь не наше, не наше.
Девушки здесь ходят в платьях очень ярких,
Только наши лучше, краше, краше.

П р и п е в.

IV. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

169. РОДИНА

Моя Родина, ты любимая!
Власть народная, нерушимая!
Как алмаз блестит меж породами,
Ты красуешься пред народами.
Хороши твои села мирные,
А кругом поля преобширные.
В них растут хлеба колосистые
И сады цветут густолистые.
В заливных лугах — травостой густой,
Травостой густой — не проймешь косой.
Рощи темные, в зной тенистые,
С берегов глядят в реки быстрые.
Города твои — чудо чудное,
Многотрубные, многолюдные.
Все-то создали мы своим трудом,
Слава славная разнеслась о том.
Нам завидовал злой фашистский глаз,
И пришел тот час — враг напал на нас.
По земле он шел с минометами,
По поднебесью — с самолетами.
А в канун того дня ненастного
Погорал закат солнца красного,
В небе сполохи разгорались,
Вихри с бурями разыгрались,
Над родной страной прокатился гром —
То ворвался враг в наш советский дом.
Залил землю враг детской кровью,
Залил землю враг слезой вдовьею,
Материнскою слезой горькою,
Но не мог сломить силу стойкую:
Весь народ раскрыл душу честную,
С фронтом тыл держал дружбу тесную.

Словом партии вдохновленные,
Шли на бой войска закаленные.
И, загнав врага бита тертого
В сталинградскую петлю мертвую,
До конца его там измаяли —
Силы вражьи все растаяли:
Двести сорок тысяч на земле легли,
Девяносто тысяч во полон пошли.
Сталинград врагу стал могилою —
Не тягайся, гад, с русской силою.

170

Посмотрел бы теперь Ленин на село —
В молодых садах красуется оно,
Озаряют ярко лампочки наш дом,
Мы по-новому, по-ленински живем.

Посмотрел бы теперь Ленин на поля —
Тракторами всюду вспахана земля,
И шумят хлеба высокие кругом,
Мы по-новому, по-ленински живем.

Посмотрел бы теперь Ленин на гумно —
Сортируют электричеством зерно,
И блестит зерно литое янтарем,
Мы по-новому, по-ленински живем.

Посмотрел бы теперь Ленин на людей,
На дела своих героев-сыновей,
Трудовые руки крепко бы пожал,
Еще большего успеха пожелал.

Посмотрел бы теперь Ленин на село —
В молодых садах красуется оно.
Не его ли это думушка живет,
Не его ли это молодость цветет.

171

Не заря над Волгой алая горит,
Эх, да не красно солнце светит над рекой —
Разливается свет радости кругом,
Ярче солнца, краше утренней зари.
С этим светом ночи стали белым днем,
От того тепла сады в степях цветут,
Волга морем по раздолью разлилась,
Корабли по ней, как лебеди, плывут.

Засверкали светом села, города,
А над Волгой море песен полилось.
Что мечтали, о чем думали века, —
Все по воле нашей партии сбылось.

172

Золотистыми лучами
Озарились Волги берега.
Мы выходим дружными рядами
На большие, славные дела.

Припев:

Здравствуй, Волга, мать родная,
Эх, наша гордость и краса.
Слышишь — песни запевают
Молодые голоса.

Волга пенится, искрится,
Голубая плещется волна.
Новостройками гордится
Вся Сове... эх, Советская страна.

Припев.

Строим крепкими руками
Счастье Родины своей.
Высоко подыдем наше знамя,
Трудовое знамя волгарей.

Припев.

173

Не летай, соловей,
Не летай, молодой,
В чистом поле,
В чистом поле.

Ты не вей гнезда,
Не свивай гнезда
При долине,
При долине.

Ты лети в Москву,
Ты лети в Москву,
Москве поклонися,
Москве поклонися.

Передай Москве,
Передай родной
Наш поклон сердечный,
Наш поклон сердечный.

Передай Москве,
Передай родной,
Что ее мы любим,
Что ее мы любим.

Передай Москве,
Передай родной
Скромный наш подарок,
Скромный наш подарок.

Передай ковер,
Передай ковер
От всего колхоза,
От всего колхоза.

Ковер вышит весь,
Ковер соткан весь
Нашими руками,
Нашими руками.

174

Широкие степи по Дону легли
Богатой, привольной родимой земли.
Над мирным простором, над зеркалом вод
Баян с перебором про счастье поет.

Отчизна родная, от нас принимай
Трудами возвращенный большой урожай:
Степную пшеницу, донское вино —
В стаканах искрится, играет оно.

За волю народа, за счастье людей
Немало погибло твоих сыновей.
И помнит Россия — сметали врагов
Атаки лихие донских казаков.

Задумчиво ивы стоят у реки,
В станицах далеких зажглись огоньки,
Над морем Цимлянским легла тишина,
Лишь плещет о берег донская волна.

175. РОДНАЯ МАГИСТРАЛЬ

Бегут, бегут вагоны,
Поет под ними сталь.
Разъезды, перегоны —
Родная магистраль.

Далекий околоток,
Бригада, как семья,
И спорится работа,
Когда кругом друзья.

Глазасты в поле росы,
Кружится ветер, снег.
Спешат, спешат колеса,
Не замедляя бег.

Следим за этим строго;
В обиде кто едва ль.
Дорога ты, дорога,
Родная магистраль!

Трудиться мы умеем,
И петь мы мастера.
Ну, где же веселее
Проходят вечера?

Сойдемся у порога —
Несется песня вдаль:
Дорога ты, дорога,
Родная магистраль!

Кругом просторы пашен,
Весенний воздух чист,
И нам руками машет
Знакомый машинист.

Бегут, бегут вагоны —
Попробуй посчитай...
Разъезды, перегоны —
Родной, любимый край.

Эх, ты, поле, мое поле,
Буйные хлеба!
Нынче хлеба вдосталь, вволю,
Высоки стога.
Эх, высоки стога!

Эх, ты, поле, мое поле,
Девушки идут,
Песню звонкую, родную
Всей душой поют.
Эх, всей душой поют!

Своей песней прославляют
Курский край родной,
Ширь полей и хлеб высокий,
Труд колхозный свой.
Эх, труд колхозный свой!

Эх, ты, песня, моя песня,
Как призывный звон.
Мы октябрьской нашей доли
Не дадим в полон.
Эх, не дадим в полон!

За рекою у колодца,
Где студеная вода,
Вслед за жнейкою вязала
Снопки девка молода.

И вязала девка, пела,
Что на свете любо жить,

Если честно делать дело,
Если труд свой полюбить.

Ой, могуча наша сила,
Широки у нас поля,
Изобильная родная
Наша русская земля.

178. ПЕСНЯ ЛЬНОВОДКИ

Хорошо ли промят иль не очень —
Беспокойством терзаюсь я.
Ой, ты, лен, ты, ленок, ты, ленок,
И забота и радость моя!

Сколько летних деньков трудоемких
Я на благо твое отдала.
Каждый снопик лежалой соломки
По сортам, по цветам собрала.

Вот и завтра в последний разочек
Я возьму тебя нежно, любя,
Отреплю, отобью, мой дружок,
Всю костру и всю пыль от тебя.

Шелковистой волной обовьешься
Под трепалкой в руке у меня
И на солнице в лучах перельешься
Серебристым сиянием дня...

Хорошо ли промят иль не очень —
Беспокойством терзаюсь я.
Ой, ты, лен, ты, ленок, ты, ленок,
Ты и радость и гордость моя!

В небе звездочка сияла,
Как далекий огонек,
За горами, за долами,
Между трех больших дорог.

За горами, за долами,
Где родимая земля,
Тракториста молодого
Повстречала как-то я.

И с тех пор мне нет покоя.
Я не знаю, как мне быть
Тракториста молодого
Не могу я позабыть.

Я все ноченьки вздыхаю,
Я все ноченьки не сплю.
Тракторист мой и не знает,
Что я так его люблю.

180

Приоткрыв осторожно окошко,
Слышит девушка, будто во сне, —
Где-то тихо играет гармошка,
Разливаясь в ночной тишине.

Пусть ей музыка эта знакома,
Все же твердо решила она:
Пусть он ходит всю ночь возле дома,
Пусть проходит всю ночь у окна.

Он своею игрою задорной
Может всех на селе разбудить,
Но характер ее непокорный
Гармонисту никак не сломить.

181

На Волге широкой, на стрелке далекой
О Горьком все начали песню свою,
Но мы не согласны, что девушки краше,
Чем в Сормове вашем, нигде не найти.

Мы в Горьком бывали и зорьки видали.
Но разве сравнишь их с сибирской зарей?
И девушки наши не хуже, чем ваши.
Немало найдешь их в Сибири родной!

Хоть книги читают, но не забывают
Пойти на свиданье с любимым дружкой,
И вечером вместе под звуки оркестра
Танцуют, гуляют в саду городском.

Сибирь дорогая, от края до края
Раскинулась ты, широка и полна.

Ты много страдала, ты много видала,
Тобою гордится вся наша страна.

Но девушки наши не хуже, чем ваши,
Не спорь-ка, товарищ, и нас не смеши.
Не будем мы спорить, друг друга задорить —
Советские девушки все хороши.

182

Под окном черемуха колышется,
Распуская лепестки свои.
За рекой знакомый голос слышится,
Да поют всю ночь соловьи.

Ой, ты, песня, песня соловьиная,
До чего ж ты за душу берешь.
Ведь к любви ведет дорога длинная,
Чуть отстанешь — вовсе не дойдешь.

А дойдешь — так счастьем не надышишься
От объятий жарких, от любви.
Пусть тогда черемуха колышется
Да поют всю ночь соловьи.

183

Ой, ты, ноченька, ночь морозная,
Ночь безлунная да беззвездная.
Не пройти той ноченькой никуда —
Не видать тропиночки, ни следа.
Ты не стой напрасно за оградой,
Не приду, тебя не порадою,
Ни словечка доброго не скажу,
Возле печки ноченьку просижу —
От того ли, что метет метелица,
От того ли, что мне не верится,
Что навек останешься ты со мной,
Назовешь меня молодой женой.
Ой, ты, ноченька, ночь морозная,
Ночь безлунная да беззвездная.
Не пройти той ноченькой никуда —
Не видать тропиночки, ни следа.

Под окном высоким, под окном широким
 Вишня, вишня белая цветет.
 Мимо этой вишни, мимо этой хаты
 Хлопец бравый в третий раз идет.

Он в окно заглянет, он в окно посмотрит —
 Ничего за вишней не видать.
 Отойдет, вздохнет он, усом шевельнет он,
 К вишне возвращается опять.

Что ему в той вишне, что ему в цветущей,
 Что ему в той вишне у окна,
 Почему такое, нет ему покоя,
 Все ему дороженька одна?

Ты открой окошко, ты открой, чернява,
 Ты открой на улицу окно!
 Разве ты не знаешь, разве ты не видишь,
 Что идет по улице герой?

185. МЫ ЗА ПАРТИЕЙ ЛЮБИМОЙ (Частушки)

- а К нам из города приехал
 Председатель боевой.
 Был колхоз наш отстающий,
 А теперь — передовой.
- б «Что посеешь — то пожнешь», —
 Говорит пословица.
 Да, сама не зреет рожь —
 Надо беспокоиться.
- в Шуми, лес, шуми, дубрава,
 Елочки-сосеночки!
 Поработаем на славу,
 Милые девчоночки.
- г Если милый убирает
 На своем комбайне рожь,
 После милого на поле
 Колосочек на найдешь.
- д Едет трактор новенький,
 Тракторист молоденький.

Он на поле впереди,
Красный орден на груди.

е Наша партия колхозам
Обеспечила подъем,
Мы за партией родимой
К изобилию пойдем.

186. Я КОЛХОЗНАЯ ДЕВЧОНКА

(Частушки)

а На Алтай уехал милый
Земли-залежи пахать,
Долго-долго не придется
Мне милого повидать.	г Я девчонка боевая,
Побывала на войне,
А теперь я звеньевая,
Всем известная в стране.
б Мой залетка в Ленинграде —
И меня зовет туда.
Я в ответ ему писала:
Из колхоза — никуда!	д Ты рассказывай, подруга,
Опыт всем передавай,
Как с тобою мы боролись
За высокий урожай.
в Гармонист, играй по чести,
Настроенье выражай.
Будем мы бороться вместе
За высокий урожай.	е Шуми, лес, шуми, дубрава,
Елочки-сосеночки!
Поработаем на славу,
Милые девчоночки.

187. БАБЫ СЕЮТ И БОРОНЯТ

(Частушки)

а Бабы сеют и боронят,
Огороды городят.
Мужики сидят в правление,
Папиросами чадят.	То с восхода до заката
Тракторист в кустах храшит.
б Председатель держит речь —
Хоть бы времячко сберечь!
Выдает на трудодни
Обещания одни.	г Полюбила одного —
До чего ж обидно:
В его книжке трудовой
Трудодней не видно.
в То не трактор в поле пашет,
То не трактор тарыхтит,	д На дворе стоит береза,
Под окном стоит ветла,
А на лодыря в колхозе
Есть хорошая метла.

188. МИЛЫЙ ЛЮБИТ ИЛЬ НЕ ЛЮБИТ

(Частушки)

а Гармонист у нас хороший,
Гармонист — мастеровой:
Заиграет — закачается,
Как ива над водой. | б Я иду, а трактор пашет,
Тракторист платочком машет.
Я сказала: «Не маши,
Мое сердечко не суши». |
|---|--|

- в Что же это за любовь
К человеку вяжется:
Некрасивого полюбишь,
А красивым кажется?
- г Из-за вас, зелены елочки,
И солнце не видать.
Написала письмо милому —
Осталось передать.
- д Дождь идет, дорожку мочит —
Что-нибудь да сбудется:
Или милый позабудет,
Или пуще влюбится.
- е Я пою, пою, пою,
Пою по-соловьиному.
Днем по вечеру тоскую,
А вечером — по милому.
- ж Ах, ты, лодочка-моторочка,
Мотор, мотор, мотор!
Перееду на ту сторону,
Где милый ухажор.
- з Погодите, не летите,
Белые снежиночки!
Погодите, не женитесь,
Наши ягодиночки!
- и Говорят, что некрасива.
Ну, да что поделаешь!
За красой-то — не за яго-
дой —
В лесок не сбегаеть.
- й Море, море, морюшко,
Серебряное донышко,
Золотые бережка!
Давно не видела дружка!
- к Никогда я не забуду
Расставанье у реки,
Два горячих поцелуя
И пожатие руки.
- л Глазки кари, глазки кари,
Карие кариночки!
Завлекли они меня
Вчера на вечериночке.
- м Голубую незабудку
С неба голубь уронил.
Никогда я не забуду,
Что мне милый говорил.
- н Под окошком зелёно,
Точно что посеяно.
Как милого нет со мной,
Точно что потеряно.
- о Я на речке белье мыла,
Колотила на мыску.
По волнам письмо при-
плыло —
Милый ждёт меня в Москву.
- п Если б сердцу дали крылья,
Улетело бы оно,
Улетело бы и село бы
К милóму на окно.
- р Закачались у калиточки
Одиннадцать травин.
Много мальчиков хороших,
А мне нравится один.
- с Сизый голубь, сизый голубь,
Передай милёночку:
На меня тоска напала,
Как роса на елочку.
- т Я люблю такое время,
Когда ландыши цветут.
Я люблю такое имя,
Когда Шурую зовут.
- у С неба звездочка упала,
Серебриночка — в росу.
Милый любит или не любит,
Обязательно спрошу.
- ф Светит месяц высоко
Над березой белою.
Живет милый далеко —
Вечерком не сбегаеть.
- х Я сегодня не обедала
И чаю не пила:
Поутру зазнобу видела —
Весь день сыта была.

189. ИЗ-ЗА ВАС, КРАСИВЫ ДЕВУШКИ (Частушки)

а Из-за вас, зелены елочки,
Деревни не видать.
Из-за вас, красивые девушки,
Приходится страдать.	е Балалаечка-волыночка,
Разбить тебя хотят!
Дорогая ягодиночка,
Забыть тебя велят!
б На мою на балалаечку
Повесили сирень,
Чтобы эта балалаечка
Играла целый день.	ж Сколько раз я зарекался
Под гармошку песни петь,
А гармошка заиграет —
Мому сердцу не стерпеть.
в Припою, голос, раздайся
Выше леса, выше гор!
А еще, голос, раздайся
Ко залеточке во двор.	з Как на Волге на реке
Огни негасимые.
Наши девушки-волжанки
Все очень красивые.
г Ты играй, играй, гармошка,
Разгони в поле туман!
Чтобы сразу было видно,
Где любовь, а где обман.	и Через поле любить — горе,
Через лес любить — беда.
Полюбил я через Волгу —
Не дает ходить вода.
д Я кошу — за мной растет
Зеленая отавушка.
Всей душой тебя люблю —
Поверь, моя сударушка!	й Александровский лесок,
Он не низок, не высок.
Кустики разборчивы,
Девчата разговорчивы.

190. СКОРО, СКОРО МЫ В РАКЕТЕ (Частушки)

а Мой миленочек в газету
Подал заявление:
«На четвертую ракету
Дайте направление».	е Запевай, подружка, песню,
Запою и я одну:
Скоро, скоро мы в ракете
Летим с милым на Луну.
б Меня милый уважает,
Хорошо относится:
Как за спутником ракета,
Он за мною носится.	г Полетим мы на Луну,
Там распахнем целину,
И на этой целине
Урожай возьмем вдвойне.

191. ГЛОБУС

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой,
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой,
И мелькают города и страны,

Параллели и меридианы,
Но таких еще пунктиров нету,
По которым нам бродить по свету.

Знаю, есть неизвестная
Широта из широт,
Где нас дружба чудесная
Непрерывно сведет,
И тогда узнаем мы, что смело
Каждый брался за большое дело,
И места, в которых мы бывали,
Люди в картах мира отмечали.

Будем помнить друг друга мы
За вершинами гор,
За февральскими выюгами,
Через снежный простор,
И пускай мы много дней бродили,
Между нами перевалы были,
Но за тысячами верст разлуки
Будем слышать этой песни звуки.

Если ж бурей стремительной
Вдруг нагрянет беда,
Дружба силой живительной
Нам поможет всегда,
И пускай шумят морские волны —
Светлой верой в нашу дружбу полны,
Мы всегда, когда придется туго,
Будем слышать бодрый голос друга.

Знаю, знаю, где встретиться
Нам придется с тобой:
Лета кончатся месяцы,
Мы вернемся домой,
И тогда на этаже на пятом
Мы расскажем обо всем ребятам:
О местах, в которых мы бывали,
О друзьях, которых мы встречали.

Вспомним ночи холодные
И костры над рекой,
Аппетиты огромные
И рюкзак за спиной,
Вспомним, как под елками дрожали,
О постелях теплых вспоминали
И о мутных струйках песню пели
Километрах в тридцати от цели.

Кто бывал в экспедиции,
Тот поет этот гимн,
И его по традиции
Мы считаем своим,
Потому что мы народ бродячий,
Потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен,
Чтобы в сердце не закралась плесень.

Мы детей своих вырастим
В нашей дружной семье,
Мы с тобою их выучим,
Как ходить по земле,
Чтобы шли они потом по свету,
Чтобы песню напевали эту,
Чтобы до последнего привала
В них романтика не угасала.

192

Закури, дорогой, закури!
Может, завтра с восходом зари
Ты уйдешь по тайге опять
Молибдена руду искать.

Пред тобой, дорогой, путь далек,
Много дальних и трудных дорог,
Но я знаю, ты все пройдешь
И что ищешь, всегда найдешь.

У берез пожелтела листва,
По утрам замерзает вода —
Значит, время пришло опять
В Ленинград нам с тобой улетать.

Вдалеке от людей будешь жить,
По тайге месяцами бродить,
Вечерами сидеть у костра,
Вспоминая родные места.

193

Нам по свету немало хаживать,
Жить в палатках, пещерах, лесах,
Переправ без мостов налаживать,
С ледорубом бродить в горах.
И в аулах далекого юга,

В кишлаках азиатских степей,
В Заполярье, средь дикой выюги,
Мы повсюду найдем друзей.

Нашу кожу сожгло солнце южное,
Волю север немой закалил,
Страх развеяли ночи вьюжные,
Ветер песни нас петь научил.
И в предгорьях седого Урала,
На Чукотке, у дальних морей,
Где нога б наша ни ступала,
Мы повсюду найдем друзей.

Нам немало ночей встревоженных
У лесного костра проводить,
Мы сумеем тропой нехоженной
Через дебри маршрут проложить.
Бури жизни туриста не сломят.
И дорог не засыпят снега,
Ведь от песни его веселой
Легче сердцу, бодрей шагать.

Если грусть в твою душу заглянет,
Если сердце встревожит тоска,
Если в край вдруг любимый потянет
И возникнет в мечтах Москва,
Грусть растает под солнцем горячим,
Сердце вздрогнет всего лишь на миг.
Ты привык к своей жизни бродячей
И подолгу грустить не привык.

194. ФАКУЛЬТЕТ

Мирно засыпает родная страна,
В ленинградском небе золотая луна,
Ночью над Союзом и над каждым вузом
Медленно летает тишина.
Пусть нам издалека зачеты грозят,
Думать каждый день об этом все же нельзя.
С песней кончил день ты, так поют студенты,
Это значит — так поют друзья.

П р и п е в:

Много впереди путей-дорог,
И уносит поезд на Восток.
Светлые года будем мы всегда
Вспоминать. . .

Много впереди прекрасных встреч,
Но мы будем помнить и беречь
Актный наш зал, милые глаза,
Факультет. . .

Деканат подпишет последний приказ —
В дали Забайкалья иль суровый Кавказ.
В мае или марте взглянешь ты на карту,
Вспомнишь ты друзей, а значит, нас.
Но еще не кончен студенческий год,
Ждет нас не один еще серьезный зачет.
С песней кончил день ты, так поют студенты,
Это значит — молодость поет.

П р и п е в.

195

Я смотрю на костер угасающий —
Пляшет розовый отблеск огня.
После трудного дня спят товарищи.
Почему среди них нет тебя?

Где теперь ты по свету скитаешься
С молотком, с рюкзаком за спиной?
И в какую сторонку заброшена
Ты бродячею нашей судьбой?

Может быть, по тайге пробираешься,
До колен увязая в топи,
Иль под солнцем безжалостным жаришься
Где-нибудь в казахстанской степи?

Запорошена пылью дорожною,
В сотнях верст от жилья в стороне,
Эту ночь коротая тревожную,
Вспоминаешь ли ты обо мне?

Ты не знаешь, как часто ночами я,
Подвигаясь поближе к огню,
Так тоскую, тебя вспоминая,
Эту грустную песню пою.

Я смотрю на костер догорающий —
Гаснет розовый отблеск огня.
После трудного дня спят товарищи. . .
Почему среди них нет тебя?

Там, где снег тропинки заметает,
Где лавины грозные шумят,
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд.

Нам в боях родными стали горы,
Не страшны метели и пурга.
Дан приказ, недолги были сборы
На разведку в логово врага.

Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней.

На костре в дыму трещали ветки,
В котелке дымился крепкий чай,
Ты пришел усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал.

Синими, замерзшими руками
Протирал вспотевший автомат
И вздыхал глубоко временами,
Голову откинувши назад.

Помнишь, товарищ, вой ночной пурги,
Помнишь, как кричали нам в лицо враги,
Помнишь, как ответил с ревом автомат,
Помнишь, как вернулись мы с тобой в отряд.

Там, где днем и ночью крутят шквалы,
Тонут скалы грозные в снегу,
Мы закрыли прочно перевалы
И ни пяди не дали врагу.

День придет, решительным ударом
В бой пойдет народ в последний раз,
И тогда мы скажем, что недаром
Мы стояли насмерть за Кавказ.

Время былое пролетит, как дым,
В памяти развеет прошлого следы,
Но не забыть нам этих грозных дней,
Вечно сохраним их в памяти своей.

Шуткам не учат в наших лагерях.
Если придется воевать в горах,
Вместе с ледорубом возьмешь ты автомат
И, как на страховке, сожмешь его приклад.

Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Кости на Бассе, могилы под Ужбой...
Вспомни, товарищ, вспомни, дорогой!

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Революция, гражданская война

1. Воля свершилась народная. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 77, п. 1, № 102. Зап. И. Н. Этиной в 1936 г. от Я. Ф. Чавнецова, 34 л., рабочего Кировского завода в Ленинграде.

2. Из разных сторон Петрограда. Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937, стр. 42—43. Зап. А. Д. Соймоновым в 1936 г. от М. Г. Власкова, 53 л., рабочего Онежского завода в Петрозаводске. В 1950 г. краткий вариант зап. Ф. В. Соколовым в Сталинградской обл. (собр. Л. В. Домановского).

3. Как рабочий и мужик правду искали. Фольклор советской Карелии, стр. 19—22. Зап. А. Д. Соймоновым в 1937 г. от Ф. П. Господарева, известного русского сказочника, в Петрозаводске. Первая публикация (вариант): Сказки Ф. П. Господарева. Петрозаводск, 1941, стр. 367—372. В основе сказки — традиционный сюжет о поисках правды. Сложена Ф. П. Господаревым под влиянием белорусской сказки «Ленинская правда» (см.: Творчество народов СССР, стр. 12).

4. Кто свою свободу любит. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 156, п. 1, № 98. Зап. Н. П. Колпаковой в 1953 г. от Е. В. Мишанина, 58 л., и мужского хора в дер. Богдановке Утевского р-на Куйбышевской обл. Четвертая и пятая строка каждого куплета повторяются дважды.

5. Скажи, товарищ, ведь недаром. Песенник «Красное знамя». С предисл. А. Луначарского. Изд. 2 (Дешевая библиотека). ГИЗ, М.—Л., 1931, стр. 72. Зап. в 20-х годах в дивизии Особого назначения. В песне использованы ритмика и отдельные поэтические мотивы стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино», известного в песенных редакциях. Последняя строка каждого куплета повторяется дважды.

6. Бога нет, царя не надо. (Частушки). См. указатель источников: а, б, г — № 32; в — № 25; д, е — № 12.

7. Лейтенант Шмидт. Пясковский, стр. 147—148. Зап. комсомольцем Писаченко в 1924—1925 гг. от моряков Новороссийского порта. Вместо «знаменательный год» целось также «семнадцатый год».

8. Красное знамя, заветное знамя. Пясковский, стр. 108. Зап. А. В. Пясковским в 1924 г. в доменном цеху от Ковалева, рабочего домны № 2 бывш. Юзовского металлургического завода в Донбассе.

9. Защищай свободу. (Частушки). См. указатель источников: а — № 44; б, г — № 37; в, д, ж, з — № 25; е — № 12.

10. Яблочко. (Частушки). См. указатель источников: № 40.

11. За власть Советов. Коробейник. Новый народный песенник. Изд. 6—7. Изд. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1929, стр. 131—132. Песня создана на основе переработки солдатской песни времен первой мировой войны «Слушали деды, война началась». Варианты: Песни Красной Армии, 1937, стр. 205; Красноармейский фольклор, стр. 37—38; Песни Ленинградской области, № 13; Новикова, стр. 545—546.

12. Песня красных стрелков. Песни Красной Армии (26 песен). Сборник. Сост. А. Шульгин. М.—Пг., 1924, № 14. Зап. в начале 20-х годов в частях читинского гарнизона 5-й Краснознаменной армии. Припев варьируется:

Все пушки, пушки грохотали,
Трещал наш пулемет,
А белы отступали,
Мы двигались вперед.

(См.: Красноармейские песни. Второй сборник. Госвоениздат, М., 1940, стр. 81).

13. Спи, дитя, во мраке ночи. Песни и частушки города и деревни. Сост. А. С. Арнольдов. [Тверь], 1927, стр. 41—42. Одна из популярных в годы гражданской войны переделок «Колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова. В Баргузинском архиве Восточной Сибири сохранилось письмо солдата Г. Гуселетова к жене, написанное 3 декабря 1917 г. из Воронежской губ., в котором он приводит с некоторыми изменениями две последние строфы и сообщает: «Мы теперь старые песни по-новому поем». Он советует воспитывать их единственного сына на этих новых песнях (Элиасов, стр. 81). Вариант песни записан Р. С. Липец в 1936 г. в Архангельской обл. (РО ИРЛИ, Р. V, колл. 249, п. 1, № 86). В сборнике «Комсомольский песенник» (М.—Л., 1925, стр. 55—56) назван автор песни — М. Красильников.

14. Из-за лесу, лесу копий и мечей. Фольклор Воронежской области, стр. 120. Зап. В. А. Тонковым в 1940 г. от участников хора Воронежского завода им. С. М. Кирова. Неопубликованные варианты: РО ИРЛИ, Р. V, колл. 99, п. 2, №№ 92, 94 (записи Л. В. Домановского, сделанные в 1941 г. в Кировске). Текст восходит к «Солдатской песне» А. Бестужева-Марлинского. Известна другая редакция песни («Конница лихая»), автором которой называют комиссара 11-й дивизии Первой Конной армии П. Н. Бахтурова (см.: А. Ш и л о в. Неизвестные авторы известных песен, М., 1961, стр. 59—61).

15. За Совет на фронт идем. (Частушки). См. указатель источников: д, б, в, д, ж — № 25; г, и — № 13; е, з — № 14.

16. Вдоль по фронту кавалерия идет. Песни Красной Армии, 1937, стр. 202. Автором песни называют А. В. Маринова, бойца 84-го кавалерийского полка Первой Конной армии (см.: Н. Стороженко. Поэт-красноармеец. «Литературная газета», 5 апреля 1958 г.). В начале песни использованы мотивы старой казачьей песни. Каждая строка повторяется дважды.

17. Кочегар. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 27, п. 2, № 2, стр. 18. Зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной в 1932 г. от И. Максимова, 13 л., в дер. Матадово Заонежского р-на Карельской АССР. Более краткий вариант записала Р. С. Липец в 1935 г. от В. Н. Богуса, 21 г., в Балаклаве (РО ИРЛИ, Р. V, колл. 249, п. 1, № 88).

18. Эх, яблочко. (Частушки). Газ. «Горьковский рабочий», 7 октября 1963 г. Зап. Вс. Вишневский в 1919 г. в Нижнем Новгороде. См.: Всеволод Вишневский, Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, Гослитиздат, М., 1954, стр. 70.

19. Два брата. Анисимова, Поим., стр. 174—175. Зап. А. П. Анисимовой в 1946 г. от Г. М. Стабрёдова в с. Поим Пензенской обл. Варианты см.:

Пясковский, стр. 109—110; Советский фольклор, I, стр. 27; журн. «Колхозник», 1935, № 2, стр. 99; Песни и сказы Донбасса. Сборник А. В. Иконова. Предисл. и ред. В. М. Сидельникова. [Донецк], 1960, стр. 218—219; Фольклор семейских, стр. 337—338; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 27, п. 2, № 2, л. 19 об.; колл. 99, п. 2, № 94 (зап. Л. В. Домановского); колл. 230, п. 1, № 3. (собр. Е. Н. Сыстеровой); колл. 234 (собр. В. М. Потявина).

20. Встреча с братом. Красный набат. Песни, стихи и рассказы уральцев о Великом Октябре и гражданской войне. Отбор текстов и редакция М. Г. Китайника и А. С. Фрумкиной. Пермь, 1957, стр. 175—176. Зап. Н. Я. Брюсовой в 1935 г. в г. Аше от Е. Л. Аверьянова, 45 л., уральского партизана. Близкий рассказ записан А. М. Астаховой в 1932 г. в Повенце (Карелия) от партизана С. Г. Леонтьева (Советский фольклор, I, стр. 38).

21. Вдоль по линии Урала. Гусев, стр. 97. Зап. И. А. Сарайкиным в 1953 г. от С. К. Логова, 32 л., в пос. Запрудовке Катав-Ивановского р-на Челябинской обл. Построена на мотивах старой солдатской песни «Вдоль по линии Кавказа» и пелась на ее мелодию. В некоторых вариантах упоминаются Ворошилов, Буденный, «пролетарский командир»; ср.: Первая Конная в песнях. М., 1929; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 233, п. 1, № 2 (собр. И. В. Зырянова).

22. Ты не веяся, черный ворон. Гусев, стр. 99—100. Зап. И. А. Сарайкиным в 1952 г. от О. Г. Касимовской, 26 л., в Челябинске. Возникла на основе старой солдатской песни, которая в свою очередь восходит к стихотворению Н. Веревкина «Под зеленою ракитой» (см.: Песни и романсы русских поэтов, стр. 1071). Известны и другие переделки «Черного ворона» в среде чапаевцев (см.: Сказы и песни о Чапаеве. Сост., предисл. и комм. Т. М. Акимовой. Саратов, 1957, стр. 115—116, 144).

23. Среди песков сыпучих. Гусев, стр. 98—99. Зап. И. А. Сарайкиным в 1920 г. от бойцов Чапаевской дивизии. Близкий вариант записан в 30-х годах в Пугачевском р-не Саратовской обл. (Сказы и песни о Чапаеве, стр. 117). Песня сложена по образцу старой песни про атамана Чуркина, восходящей к русскому переводу стихотворения Ф. Фрейлигата, сделанному Ф. Б. Миллером (см.: Песни и романсы русских поэтов, №№ 481 и 685; там же дополнительные варианты).

24. Жив Чапаев! Творчество народов СССР, стр. 228—231. Зап. в 1937 г. от колхозницы А. И. Филониной в с. Куриловке Куйбышевской обл. Тексты других сказок и легендарных рассказов о смерти Чапаева см.: Сказы и песни о Чапаеве.

25. По уральским горам и долинам. Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учебник для вузов. Учпедгиз, М., 1938, стр. 462—463, без указания данных об источнике. Походная партизанская песня, имеет ряд вариантов (см., например: Песни Красной Армии, 1937, стр. 211; Фольклор семейских, стр. 346; Анисимова, Поим., стр. 173).

26. Мундир английский. Вс. Вишневский. Красный флот в песнях (Героическая поэма-оратория). Собр. соч., т. 1, стр. 72—73. Зап. Вс. Вишневским в начале 20-х годов.

27. Ой, подружка, мне придется. Гусев, стр. 102. Зап. А. И. Сарайкиным в 1935 г. от курсантов комсомольской школы в Челябинске.

28. Кабы я была голубка. Уч. зап. ЛГУ, вып. XII, 1941, стр. 153. Зап. Н. П. Колпаковой в 1938 г. от бывшей партизанки П. Е. Поскребышевой на Южном Урале. Песню эту Поскребышева и ее товарки сложили в белогвардейской тюрьме.

29. Три дня метели бушевали. Уральский фольклор, стр. 95—96. Зап. Н. А. Куштомом в 1938 г. от Шуры Доровских, 12 л., в с. Зайково Ирбитского р-на Свердловской обл.

30. Как на возморе мы стояли. Песни донского казачества. Фольклор Сталинградской области. Сталинград, 1937, стр. 67—68. Зап. М. В. Образцовым в 1925 г. от И. М. Борисова, 70 л., неграмотного музыканта и певца, в станице Клетской Клетского р-на Сталинградской обл. В собрании А. Я. Михайлова (РО ИРЛИ, Р. V, колл. 227, п. 1, № 10) имеется другой вариант с указанием, что это — «песня донских партизан, пелась в дни гражданской войны на Дону». В с. Тарбагатае (Бурятская АССР) записан близкий вариант песни о борьбе с бандами атамана Семенова (см.: Фронтовая поэзия в годы гражданской войны. Вступ. статья, ред. и прим. В. М. Абрамкина. Изд. «Советский писатель», Л., 1938, стр. XII). В основе — популярная солдатская песня.

31. На разведке боевой. Анисимова, Поим., стр. 178—179. Зап. А. П. Анисимовой в 1943 г. от Р. Т. Лутохина, 18 л., в с. Поим Пензенской обл. В основе текста лежит переделка солдатской песни периода русско-японской войны о герое-разведчике Василии Рябове, уроженце Пензенской губернии и уезда (см. подробнее: А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю, т. 1. Гослитиздат, М., 1950, стр. 288). В годы гражданской войны песня иногда приурочивалась к действиям разведчиков определенных частей. В 1934 г. А. М. Астахова (РО ИРЛИ, Р. V, колл. 42, п. 6, №№ 95—96) записала в с. Тарбагатае (Бурятская АССР) с таким окончанием:

... Комсомолец отвечал,
Штык стальной в груди торчал,
Да, эй, штык стальной в груди торчал:
«Ничего я не скажу,
За Советску власть пойду,
Да, эй, эй, за Советску власть пойду» (№ 96).

Варианты: Красноармейский фольклор, стр. 83; Фольклор Воронежской области, стр. 117; Фронтовой фольклор, № 18; Кружянская и Минц, № 29; Новикова, стр. 552; Гусев, № 115; Фольклор семейских, стр. 349; Курские песни, № 156; Христиансен, стр. 93; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 234 (собр. В. М. Потявина).

32. Расстрел коммунаров. Новикова, стр. 551. Зап. А. М. Новиковой в 20-х годах в Тульской обл. Песня имеет различные варианты и редакции (ср.: Комсомольская смена. Песенник. Сост. В. А-ва. ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 12—13; Деревенский песенник. М.—Л., 1929, стр. 64. Песни Красной Армии, 1937, стр. 206; Красноармейский фольклор, стр. 45—46; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 201, стр. 363 (собр. И. В. Ефремова); колл. 234 (собр. В. М. Потявина). В ее основе лежит «Предсмертная песня» В. Г. Тана-Богораза, посвященная казни минеров, поднявших в 1906 г. восстание на форте «Константин». Пелась на мотив «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом» или «Как ныне собирается вещей Олег» (см.: Песни и романсы русских поэтов, № 641).

33. Я жила тогда у самой у реки. Гусев, стр. 101. Зап. В. Поздеевым в 1952 г. от Куковьякиной, 21 г., в пос. Васильевке в Челябинске. Песня создана на основе переработки популярной песни, которая восходит к стихотворению П. Гребенки «Молода еще девица я была». Другие варианты обычно не упоминают о жизни героини при белых (ср.: Париков, стр. 169; Анисимова, стр. 192). См. также: Песни и романсы русских поэтов, прим. к № 682; Фольклор семейских, № 485.

34. Вот каков Буденный-то! Журн. «Литературный критик», 1937, № 2, стр. 237. Зап. И. Шагаевым в 1936 г. от В. Гришкова в Майнском р-не Куйбышевской обл. (публикация В. М. Сидельникова).

35. Там вдали за рекой загорались огни. Новикова, стр. 550. Зап. А. М. Новиковой в 20-х годах в Тульской области. Текст песни создан в 1924 г. комсомольцем Н. М. Коолем во время прохождения им военной службы в Москве. Вначале она пелась его односельчанами на мотив ста-

ринной сибирской песни «Лишь только в Сибири займется заря». Вскоре песня получила широкое распространение и подверглась народной переработке (см. подробнее: А. Шилов. Неизвестные авторы известных песен, стр. 66—70). Варианты: Песни Красной Армии, 1937, стр. 210; Красноармейский фольклор, стр. 63—64; Фольклор Воронежской обл., стр. 120—121; Христиансен, стр. 80—81; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 27, п. 8, № 18, и др.

36. Под ракитою зеленой. Христиансен, стр. 89—90. Зап. В. Костаревым в 1951 г. от хора домашних хозяек в Билимбаевском р-не Челябинской области (см. прим. к песне № 22).

37. Красноармеец умирал. Христиансен, стр. 90—91. Зап. от хора колхозников Еланского сельсовета Талицкого р-на Свердловской обл. в 1944 г. Последние две строки каждого куплета повторяются дважды. Автором первоначального текста назван А. Шинкаренко, красноармеец 66-го полка 22-й дивизии. См.: Песни Красной Армии (26 песен). Сборник сост. А. Шульгин. М.—Пг., 1924, № 6. Варианты: Париков, стр. 178—179; Фольклор семейских, стр. 338.

38. Наши дролечки воюют. (Частушки). См. указатель источников: а, г — № 5; б, д, е, ж, з — № 14; в — № 13; и, й, к, л — № 25.

39. Много бед и невзгод испытала. Советский фольклор, стр. 47. Зап. А. Н. Лозановой в 1931 г. от работника сапожной мастерской Я. М. Онучкина в с. Многокурганное Белореченского р-на Краснодарского края. Исполнитель перенял песню от своего брата, слышавшего ее в красноармейских казармах. Один боец заметил: «эта песня про Самарскую дивизию — там не были. Слыхать — слышали». Две последние строки в каждом куплете повторяются дважды.

40. Яблочко. (Частушки). См. указатель источников: а, г, е, ж, з, и, л — № 40; б, в, й — № 25; д — № 47; к — № 13.

41. Партизанская. Красноармейский фольклор, стр. 128—129. Автором первоначального текста, созданного в 1920 г., является П. С. Парфенов (см.: П. Парфенов. Как создавалась песня «По долинам, по загорьям». Журн. «Красноармеец и краснофлотец», 1934, № 21, стр. 13; см. также: журн. «Музыкальная самодеятельность», 1935, № 10). Последние две строки каждого куплета повторяются дважды. В 1930-е годы песня получила широчайшую популярность в обработке поэта С. Алимова и композитора А. Александрова и в годы войны с фашизмом распространилась среди народов Восточной Европы и послужила основой для многочисленных переделок.

42. Как в тайге мы партизанили. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 249, п. 1, № 71. Зап. Р. С. Липец в 1936 г. от Анастасии Антоновской в Архангельске. Вариант записан также от участников боев на Пинежском фронте И. И. Шагина (там же, № 46). По словам Шагина, эту песню пели в Пинежском отряде. Песня является переложением стихов архангельского поэта В. Жилкина.

43. Не вейтеса, чайки, над морем. А. П. Георгиевский. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Вып. IV. Фольклор Приморья. Владивосток, 1929, стр. 93. Зап. в 1924 г. в Спасске Приморского края. Варианты: Сибирская живая старина, вып. I, 1926, стр. 34—35; Н. Брюсова. Рассказы и песни уральцев о гражданской войне. Журн. «Народное творчество», 1937, № 1, стр. 25; Фольклор семейских, стр. 337 и 618—620; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 156, п. 1, № 70, стр. 89 (зап. Г. Г. Шаповаловой в Куйбышевской обл.); колл. 238, п. 2, № 12 (зап. А. П. Анисимовой в Пензенской обл.). Возникла под влиянием песни «Варя» («Плещут холодные волны», автор первоначального текста Я. Реннинский) и перелась на ее мотив (см.: Песни и романсы русских поэтов, № 638).

44. **Веселая партизанская.** Творчество народов СССР, стр. 232. Зап. в 1937 г. от А. И. Семенова в колхозе «Верный путь» Шурминского р-на Кировской обл.

45. **Ой-да, сизы соколы.** Творчество народов СССР, стр. 162—163. Зап. в 1937 г. от В. А. Королева, 24 л., контрольного мастера на заводе «Металлист» Свердловской обл.

46. **В партизаны записался.** (Частушки). См. указатель источников: а — № 25; б — № 27; в, г — № 40; д, е — № 45.

47. **Свисток паровоза за оградой тюремной.** С. Ф. Баранов. Песни партизан Восточной Сибири (к вопросу о характере партизанского фольклора). Изв. Общ. изучения Восточно-Сибирского края, т. 1, Иркутск, 1936, стр. 80. Зап. Е. П. Воросовой в 1920 г., во время службы сестрой в партизанском лазарете в Восточном Забайкалье, от раненых бойцов. Опубл. в сб. «Партизаны». В примечании к другому сибирскому варианту указывается: «Любимая песня партизан, сложенная в Нерчинской тюрьме на мотив „Чайки“». Для расправы с революционными рабочими и крестьянами семеновцы оборудовали специальные бронепоезда (см. подробнее: П. Зимин. Белый дом. В сб.: Партизаны, Чита, 1929, стр. 87—88). Песня сложена в 1918 г. одним из заключенных Нерчинской тюрьмы, партизаном Д. Пьянковым, и называлась «Буревестник» (см.: Элиасов, стр. 128—129). В партизанской среде песня претерпела ряд изменений и добавлений.

48. **От Урала к высоким Байкальским горам.** Сказы, песни и частушки. Под ред. Е. М. Блиновой. Челябинск, 1937, стр. 55—56. Авторство приписывается командиру партизанскими частями Приморского края Сергею Лазо.

49. **Глухой неведомой тайгою.** Элиасов, стр. 125—126. Зап. А. Баиновым в 30-х годах от бывших партизан А. Заусаева, К. Ефимова, Ф. Тарновского, рабочих Чикойского кожевенного завода. Создана на основе популярной песни «Глухой неведомой тайгою» (см.: Песни и романсы русских поэтов, № 659). По свидетельству А. Заусаева и его товарища по отряду К. Ефимова, впервые они слышали эту старую песню с новыми словами в 1920 г. в районе р. Чикоя. Песня принадлежала к числу любимых у партизан.

50. **Дуют холодные ветры.** А. Шилов. Неизвестные авторы известных песен, стр. 38—39. Сообщил Н. Н. Матвеев-Бодрый, бывший партизан-дальневосточник. По его свидетельству, автор песни — партизан К. Л. Рослый, боец из отряда Сергея Лазо (см.: Н. Матвеев-Бодрый. Поэт-партизан Костя Рослый. Газ. «Заря», орган Партизанского райкома КПСС Приморского края, 27 сентября 1958 г.). Исполнялась на мотив песни «Варяг» («Плещут холодные. волны») и была очень популярной среди партизан Приморья. В 1924 г. А. П. Георгиевский записал переработанный ее вариант в г. Спасске и сведения о том, что она была составлена в 1919 г. в Сучанской долине двумя партизанами — Дубовым и Вильсоном (А. П. Георгиевский. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Вып. IV. Фольклор Приморья. Владивосток, 1929, стр. 93).

51. **Фрунзе ведет полки.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 233, п. 1, № 3. Зап. И. В. Зыриновым в 1960 г. от В. И. Головина, 70 л., в дер. Цидве Чердынского р-на Пермской обл.

52. **Жил Врангель знатный.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 249, п. 1, № 72. Зап. Р. С. Липец в 1931 г. от Г. Ф. Фаддеева, 30 л., трамлейстера в г. Мурманске.

53. **Марш перекопцев.** Сб.: Штурм Перекопа. Под ред. А. Голубева. Изд. «Молодая гвардия», М., 1938, стр. 147. По воспоминаниям одного из участников штурма, «Марш перекопцев» обошел весь фронт. Подобные песни, рассказывает он, создавались «в походах, в окопах, в черные ночи, когда бешено рвал с Сиваша ветер и мучительно ныли от холода ноги...» (стр. 147).

II. Социалистическое строительство (1920—1930-е годы)

54. **Винтовка боевая.** Газ. «Правда», 23 февраля 1937 г. Зап. в 30-х годах в Сызрани (прим. ред.: из тома «Народное творчество», выпускаемого главной редакцией «Двух пятилеток» к 20-летию Советской власти. В сборник «Творчество народов СССР» текст не вошел).

55. **Любите, девушки, меня.** (Частушки). См. указатель источников: а — № 14; б — № 5; в — № 13.

56. **Кирпичики.** Песни и частушки города и деревни. Сост. А. С. Арнольдов. Тверь, 1927, стр. 51—52. Одна из наиболее популярных бытовых лирических песен 20-х годов. По некоторым сведениям, автором первоначального текста является П. Герман. Исполнялась на мотив вальса С. Бейлезона (в аранжировке В. Кручинина и Б. Прозоровского).

57. **Скоро лед пройдет в каналах.** (Частушки). См. указатель источников: а, г — № 13; б — № 16; в — № 5.

58. **Ты учись, моя забава.** (Частушки). См. указатель источников: а, в, г, д — № 25; б — № 38; е, ж, з, й — № 5; и, к — № 8.

59. **Время ново, время ново.** (Частушки). См. указатель источников: а, д — № 51; б, в, г, е — № 8.

60. **Яблочко.** (Частушки). См. указатель источников: № 15.

61. **В вихре Октября.** Пясковский, стр. 179—181. Зап. А. В. Пясковским в 1924—1925 гг. на Брянском руднике (Алмазно-Марьевский угольный район) в Донбассе. Собирателъ указывает: «Это — донецкая комсомольская песня... Прибыла на рудник через Луганский окружной комитет комсомола. Сейчас поется рудничными комсомольцами. По словам секретаря комсомольской ячейки Брянского рудника, песня составлена в г. Таганроге комсомольцем Н. Дурач». Пелась на мотив популярной в 20-е годы песни П. Германа «Мичман Джонс».

62. **Мы буржуям всем на горе.** (Частушки). См. указатель источников: а, г — № 13; б — № 25; в — № 51.

63. **Моряк.** Песенник. М., 1924, стр. 36—37. Варианты: Песни Красной Армии, 1937, стр. 208; Красноармейский фольклор, стр. 41. Вл. Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин» говорит об этой песне как о современной ему комсомольской. По свидетельству Д. Фурманова, песню пели уже в годы гражданской войны в Чапаевской дивизии, для бойцов которой ее припев особенно «паялся хорошо» с «партизанной, кочевой, беспокойной жизнью» (Д. Фурманов. Чапаев. Гослитиздат, М., 1953, 70). Источником песни послужили «Куплеты моряка» из водевиля В. С. Межевича (1814—1849) «Артур, или Шестнадцать лет спустя» («Что за жизнь моряка, как привольная, легка» и т. д.). См. об этом: Новикова, стр. 690. См. также: Песни и романсы русских поэтов, №№ 415, 681.

64. **Флотская.** Красная гармошка. Комсомольский песенник. Вып. I. Сост.: Юфко, Войтальский, Ив. Микитенко, И. Вершинин. Одесса, 1923, стр. 12—13. Одна из любимых молодежных песен 20-х годов. Пелась на мотив «Вдоль да по речке».

65. **Мы фабричные ребята.** Комсомольский песенник, стр. 76.

66. **Молодые кузнецы.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 249, п. 1, № 85. Зап. Р. С. Липец в 1936 г. от С. Л. Матвеевой в с. Койда Мезенского р-на Архангельской обл. Комсомольская песня, возникла в начале 20-х годов, пелась на мотив известной песни «Мы кузнецы» (слова Ф. С. Шкулева).

67. **Наш паровоз.** Популярная комсомольская песня 20—30-х годов. Впервые ее стали петь в 1922 г. в Киевских главных железнодорожных

мастерских, где в это время работал Н. Островский. По не установленным точно данным, слова песни принадлежат комсомольцу, редактору стенгазеты Анатолию Красному (Спиваку), а музыка — секретарю месткома, руководителю самодеятельного струнного оркестра Павлу Зубакову (см.: «Рабочая газета», Киев, 17 июня 1940 г.). Как в записях, так и в публикациях 20-х годов песня варьируется. См., например: Комсомольский песенник, стр. 72—73; Песенник «Красное знамя». Предисл. А. Луначарского. Изд. 2. М.—Л., 1931, стр. 50—51; Коробейник. Новый песенник. Изд. 6—7. Изд. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1929, стр. 118—119; Красноармейский фольклор, стр. 44—45; Песни Красной Армии, 1937, стр. 212; Творчество народов СССР, стр. 274—275; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 227, п. 1, № 10, л. 8 (собр. А. Я. Михайлова).

68. Гимн молодых коммунаров. Революционные песни и частушки. Сост. Г. Деев-Хомяковский. М., 1924, стр. 43. «Гимн этот, — указывает составитель, — является коллективным творчеством членов Коммунистического союза молодежи Московской организации». Позднее в молодежных песенниках 20-х годов песня печаталась в более сокращенном варианте (ср.: Комсомольская смена, стр. 23—24). Вариант см. также в сб.: Коробейник. Новый песенник, стр. 103—104. См. переработку этой песни: Пяковский, стр. 181—182.

69. Кто на смену? Заря. Песенник. Изд. 2. М., 1929, стр. 77. Популярная в 20-е годы пионерская песня, пелась на мотив песни «Пошли девки на работу». При исполнении отряд делился на две части. Одна часть спрашивала, другая отвечала. Каждая строка пелась дважды, последнюю пели все вместе.

70. Каменна Москва вся проплакана. Творчество народов СССР, стр. 52—55. Зап. в 1937 г. от М. С. Крюковой, известной русской сказительницы, в дер. Нижней Золотице Приморского р-на Архангельской обл. Текст плача здесь дается без последних двадцати трех строк.

71. Уж как била меня мать. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 27, п. 9, № 33. Зап. М. Каминской и Н. Тялонкиной в 1932 г. от Е. Снящей, 13 л., в дер. Карзино Заонежского р-на Карельской АССР. Популярная комсомольская песня 20-х годов (ср.: Комсомольский песенник, стр. 90). Пелась на мотив «Проводов» Д. Бедного. В устном исполнении текст подвергался значительным сокращениям и изменениям.

72. Я пойду учиться. (Частушки). См. указатель источников: № 53.

73. Мой миленок — комсомолец. (Частушки). См. указатель источников: № 53.

74. Записались в колхозы. (Частушки). См. указатель источников: а, б, г, д, й — № 8; в, е, ж, з, и — № 5; к — № 20; л, м — № 51.

75. Колосилась в поле рожь густая. Гусев, стр. 104. Зап. А. Фехнер и Л. Чекутовой в 1951 г. от Пушкаревой, 15 л., в с. Атамановское Брединского р-на Челябинской обл. Песня является откликом на расправу кулаков с комсомольцем-трактористом П. Дьяковым, энергичным организатором колхозов в Сибири. Ночью 2 июля 1929 г., когда он обрабатывал коммунальное поле, на него напала кулацкая шайка бандитов. Тракториста сшибли с ног, раздели, зверски избили, потом облили керосином и подожгли. В основе песни — отрывок из стихотворения И. Н. Молчанова «Петр Дьяков». Чаще поется другой отрывок — «Прокати нас, Петруша, на тракторе». Герой комсомольской песни остался живым (см. о нем: Огненный тракторист. Газ. «Комсомольская правда», 19 августа 1956 г.).

76. Павлик Морозов. Гусев, стр. 104—105. Зап. М. Вагиной в 1948 г. от хора девушек в с. Ново-Московское Октябрьского р-на Челябинской обл. Герой песни — пионер Павлик Морозов, зверски убитый кулаками в годы коллективизации.

77. **Выпускаем трактора.** (Частушки). См. указатель источников: а, б, в, д, ж — № 25; г — № 9; е — № 22.

78. **Наш колхоз узнать нетрудно.** (Частушки). См. указатель источников: а, и — № 5; б, ж, з, к — № 25; в, р — № 3; г, й, п — № 38; д — № 17; л, м, н — № 51; о — № 27.

79. **Я учиться уезжаю.** (Частушки). См. указатель источников: а — № 42; б — № 2; в, е, к — № 27; г, л, — № 38; д, и — № 25; ж, й — № 5; з — № 22.

80. **Я ударница в колхозе.** (Частушки). См. указатель источников: № 2.

81. **Где скакал Семен Буденный.** Песни донского казачества. Фольклор Сталинградской области. Сталинград, 1937, стр. 63—64. Впервые опубликовано в газ. «Правда» 22 декабря 1936 г.

82. **Солнце скрылось за горою.** Гусев, стр. 106. Зап. А. Балдиной в 1947 г. от Г. Н. Афанасьевой, 19 л., в с. Биянке Миньярского р-на Челябинской обл.

83. **Ты удайся, удайся, ленок.** Песни Ленинградской области, № 28. Зап. в конце 30-х годов в Славковском р-не Ленинградской обл. Поется на мотив старинной народной песни «Уж я сеяла, сеяла ленок».

84. **Весело колхозникам.** Песни Ленинградской области, № 27. Зап. в 30-х годах в Гдовском р-не Ленинградской обл. Исполнялась под пляску.

85. **Примечай меня, мой милый.** (Частушки). См. указатель источников: № 27.

86. **Я в саду письмо писал.** (Частушки). См. указатель источников: № 2.

87. **Зарастайте, наши тропочки.** (Частушки). См. указатель источников: № 2.

88. **Ухажор у нас один.** (Частушки). См. указатель источников: № 1.

89. **Рязанские страдания.** Русские песни. М., 1949, стр. 113.

90. **По примеру Чкалова.** (Частушки). См. указатель источников: а, б, д — № 25; в — № 51; г — № 27.

91. **По твоим заветам все исполнилось.** Творчество народов СССР, стр. 65—67. Зап. в 1937 г. от сказительницы Т. А. Долгушевой в колхозе «Красная звездочка» Кировской обл. Текст приводится с исключением 18 строк.

92. **В ногу с партией идем.** (Частушки). См. указатель источников: а — № 17; б — № 5; в — № 22; г — № 42; д — № 8.

93. **Пулемет строчил без перебоя.** Гусев, стр. 108—109. Зап. М. Вагиной в 1948 г. от Г. Колытовой, 22 л., в дер. Киевке Октябрьского р-на Челябинской обл. Вариант: Христиансен, стр. 82—83. Песня отразила один из эпизодов борьбы с японо-маньчжурской военщиной на границах СССР в 1938—1939 гг.

94. **Как охотник Федор японцев прогнал.** Творчество народов СССР, стр. 291—294. Зап. в 1937 г. от Е. И. Сороковникова, известного русского сказочника, в дер. Ближний Хобок Тункинского аймака Бурятской АССР.

95. **Ответ Катюше.** Фронтowej фольклор, стр. 116. Зап. Э. В. Гофман в марте 1943 г. от лейтенанта Малахова в госпитале в Москве. Вероятно, первый фронтowej вариант «Катюши», появившийся во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг. См. прим. к № 124.

96. **Раскинулись ели широко.** Гусев, стр. 109—110. Зап. А. Балдиной в 1947 г. от Г. Н. Афанасьевой, 19 л., в с. Биянке Миньярского р-на Челябин-

ской обл. Во время советско-финляндской войны существовали и другие варианты переделок «Кочегара» («Раскинулось море широко»); см. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 99, п. 4, № 2 (собр. Л. В. Домановского). Вариант песни, связанный с Великой Отечественной войной, см.: Анисимова, Поим., стр. 187.

III. Великан Отечественная война

97. Двадцать второго июня. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 201, п. 1, № 1, стр. 57. Зап. И. В. Ефремовым в 1946 г. от А. П. Малаховой, бывшей учительницы, в г. Кобрине (БССР). Близкий вариант — в той же коллекции, стр. 56, зап. И. В. Ефремовым в 1942 г. от М. А. Воробьевой в поезде на пути в г. Калинин. Опубликованный вариант: Калужский край, № 169. В тексте Я. И. Гудосникова (РО ИРЛИ, Р. V, колл. 237, п. 1, № 2, стр. 18—19), записанном в сентябре 1941 г. от студентов-допризывников Воронежского сельскохозяйственного института, предпоследний куплет отсутствует, а последний пелся так:

Кончится время лихое —
С радостной вестью приду.
Снова дорогу
К милой порогу
Я без ошибки найду.

То же — в записи И. Я. Рокачева 1944 г., сделанной в Германии (РО ИРЛИ, Р. V, колл. 239, № 3, стр. 24). Запись песни Я. И. Гудосников сопровождается следующими словами: «Слышал я эту песню и позже сотни раз от солдат, офицеров и гражданских лиц. Пелась на мотив „Синего платочка“».

98. Не пыли, дороженька степная. Народные песни Белгородской области. Сост.: Н. М. Элиаш, Л. Г. Улановская. Белгород, 1960, стр. 133. Зап. Б. М. Добровольским в 1958 г. от И. Г. Суслова, 54 л., в с. Борисовке Белгородской обл.

99. При проводах мужа на Великую Отечественную войну. (Плач). Базанов, стр. 165—169. Зап. В. Г. Базановым и А. П. Разумовой в 1942 г. от Е. Ф. Поздеевой, 24 л., в дер. Уег на Печоре.

100. Ты стояла молча ночью у вокзала. Павлова, стр. 165. Зап. В. Ф. Павловой в феврале 1945 г. от С. Максимовой в рабочем поселке Арск. Варианты: В. Бирюков в Урал советский. Народные рассказы и устное поэтическое творчество. Курган, 1958, стр. 122; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 239, п. 1, № 2, стр. 108 (собр. И. Я. Рокачева).

101. Помни октябрьский вечер. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 234, п. 1, № 113 (собр. В. М. Потявина). Зап. Л. Матвиенко в 1964 г. от Ф. Н. Иванова, 44 л., на ст. Бочары.

102. Мил уехал на войну. (Частушки). См. указатель источников: а, б, г, й — № 26; в — № 1; д, е, ж, к — № 51; з — 32; и — № 33.

103. Товарищи, дружно, рубеж не сдавай! Уральский фольклор, стр. 105—106. Зап. Л. Кругляшевым в 1948 г. от А. П. Бердышева, в дер. Малая Лая Кушвинского р-на Свердловской обл. Впервые песню услышал А. П. Бердышев в боях под Воронежем в 1943 г. в стрелковой дивизии, куда, по его словам, ее привез один лейтенант из-под Сталинграда. Пелась на мотив песни «Памяти „Варяга“» («Наверх вы, товарищи, все по местам»), первоначальный текст Е. М. Студенской (см.: Песни и романсы русских поэтов, № 639). Вариант: Крупянская и Минц, стр. 196.

104. На стены, под знамя! С. С. Смирнов. Герои Брестской крепости. Воениздат, М., 1959, стр. 225—226. Песню сообщил в письме к С. С. Смирнову бывший военнопленный, а потом партизан Павел Марков. Впервые эту песню он услышал в 1943 г. в лагере военнопленных в г. Кройцбурге (Верхняя Си-

лезия). Песня, пишет П. Марков, исполнялась «на старый мотив, схожий с известным народным „Раскинулось море широко“», и «звучала как гимн и откровение, вселяя в сердца измученных невольников гордость и надежду». Позднее он слышал эту песню в одном из партизанских соединений. Однако, как замечает автор письма, не все слова в ней совпадали с «кройцбургским текстом»; песни была «вдвое короче» и звучала «еще выразительнее». Этот текст песни, записанный в то время одним из партизан на клочке бересты свекольным соком, и сохранил П. Марков (стр. 224—225).

105. Шестнадцать бойцов. Анисимова, Поим., стр. 181—182. Зап. А. П. Анисимовой в 1946 г. от Г. М. Стабрёдова, участника Великой Отечественной войны, в с. Поим Пензенской обл. Пелась на мотив «Раскинулось море широко».

106. Сказ о двадцати шести гвардейцах-панфиловцах. Фольклор Советской Карелии, стр. 61. Собственноручная запись сказительницы С. В. Якушевой из Пудожского р-на.

107. Помню ночь метельную, шальную. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 235, п. 1, № 42. Зап. Т. И. Орнатской в 1963 г. от А. М. Петрова, 35 л., в г. Крестцы Новгородской обл.

108. Ехал Гитлер на Москву. (Частушки). См. указатель источников: а — № 42; б — № 46; в — № 50; г — № 34; д — № 32.

109. Утес. Крупянская и Минц, стр. 93—94. Сложена защитниками Сталинграда на основе популярной песни «Есть на Волге утес» (слова Н. Д. Навроцкого). Зап. в Сталинграде в 1944 г. Там же указаны рукописные варианты из Архива ЦДНТ и Архива Института этнографии АН СССР.

110. Возле города Ростова. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 234, п. 1, № 78 (собр. В. М. Потявина). Зап. Л. Киреевой в 1964 г. от С. Е. Березовского, 24 л., в г. Кемерово.

111. Ой, яблочко. (Частушки). См. указатель источников: № 30.

112. Об Анке Грайтеровой. Крупянская и Минц, стр. 91. Зап. В. С. Сласюком на фронте. Песня сложена в размере и ритмах «Каховки» Светлова, в ней использованы мотивы и образы «Каховки», она и пелась на ее мелодию. Близкий текст — в архиве Государственного литературного музея (Москва), получен в 1952 г. из г. Ефремова Тульской обл. с указанием: Песня об Анне Грайтеровой, погибшей под Русским Бродом Орловской обл. (Крупянская и Минц, стр. 92).

113. Балтийцы. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 117, п. 7, № 1, стр. 16. Зап. Е. А. Орловой в 1947 г. от П. И. Карзиной, 20 л., в дер. Сорокино Приозерского р-на Архангельской обл. Пелась на мотив песни «Памяти „Варяга“» («Наверх вы, товарищи, все по местам»). Варианты: В. Бирюков. Урал советский, стр. 124; Калужский край, № 181.

114. Сквозь ветры, шторм и через все преграды. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 216, п. 8, № 482. Зап. О. К. Соловьевой в 1946 г. от Л. Морозовой, 18 л., и хора девушек в дер. Яхново Волховского р-на Ленинградской обл. Песня была сложена в декабре 1942 г. в войсках Ленинградского фронта. Автор первоначального текста — капитан П. Богданов, авторы мелодии — старшина Краубнер и сержант Шенберг. Текст впервые был опубликован в газ. «Фронтовой дорожник» 17 декабря 1942 г. Печатный вариант см.: Песни Ленинградской области, № 48. Зап. в Ломоносовском р-не Ленинградской обл.

115. Я встретил его близ Одессы родной. Песни Ленинградской области, № 55. Варианты: Калужский край, № 178; Фронтовой фольклор, стр. 36—37; Уральский фольклор, стр. 103; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 234, п. 1, № 83 (собр. В. М. Потявина); колл. 239, ед. хр. 4 (собр. И. Я. Рокачева). Пелась на мотив «Раскинулось море широко».

116. Песня севастопольцев. Крупианская и Минц, стр. 98. Зап. П. Н. Успенским в июле 1944 г. По словам девушки, сообщившей песню, она была распространена в Керчи в период героической обороны Севастополя в 1942 г. и опубликована в одной из крымских газет.

117. Раскинулось море широко. Б. Борисов. Подвиг Севастополя. Воспоминания, Воениздат, М., 1957, стр. 119. Во время обороны Севастополя, вспоминает автор книги, в убежищах по вечерам войны «устраивали коллективные игры, пели песни, особенно часто одну, неизвестно кем сложенную, на мотив „Раскинулось море широко“, песню, ставшую в те дни как бы гимном севастопольцев».

118. Как прощались с женами, надевали ранцы. Виталий Закруткин. Кавказские записки. 1942—1943. Изд. «Советский писатель», М., 1948, стр. 169. Перед текстом: «Мужественно дрались шахтеры с врагом, и ходила среди них ими же сочиненная песня».

119. Песня о 216-й Краснознаменной стрелковой дивизии. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 239, п. 1, № 2, стр. 67. Зап. И. Я. Рокачевым в мае 1945 г. от П. Г. Бабакова в с. Чеканов.

120. Рассказ танкиста. Анисимова, стр. 199—200. Зап. В. М. Цыгановкиным в 1945 г. на фронте от танкиста А. Давыдова.

121. Песня о танкисте. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 196, п. 13, № 16. Зап. Б. М. Добровольским и Е. М. Казанцевой в 1960 г. от Е. И. Кузьминой, 50 л., и А. И. Расторгуевой, 42 л., в дер. Коношнине Нерехтинского р-на Костромской обл. По словам А. И. Расторгуевой, эту песню завез в деревню ее брат-фронтовик. Третья и четвертая строка каждого куплета повторяется дважды. Вариант: РО ИРЛИ, Р. V, колл. 234 (собр. Б. М. Потявина).

122. Ты идешь дорожку военною. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 201, п. 1, № 1, стр. 299. Зап. И. В. Ефремовым в 1946 г. от ст. сержанта В. Хлебникова в г. Кобрине (БССР).

123. Девушка-сестра. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 111, п. 4, № 1. Зап. Л. В. Домановским в мае 1942 г. от Э. В. Зраиловой, медсестры госпиталя в пос. Бокситогорске Тихвинского р-на Ленинградской обл. Песня сложена в одном из госпиталей, находившихся в Бокситогорске. Пользовалась большой популярностью среди раненых бойцов Волховского фронта. Последние две строки в каждом куплете повторяются дважды. Близкую по мотивам песню о военной сестре см.: Фронтовой фольклор, № 33; Павлова, № 122.

124. Расцветали яблони и груши. Павлова, стр. 163. Зап. В. Скобелевой в 1953 г. от Т. Калининой, ученицы Танкеевской школы Куйбышевского р-на. Одна из многочисленных переделок песни «Катюша» (слова М. Исаковского, муз. М. Блантера). См. об этом: И. Н. Розанов. Песня о Катюше как новый тип народного творчества. В кн.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 310—325.

125. Весь блиндаж снарядами разрушен. Крупианская и Минц, стр. 111. Зап. Ф. А. Александровской в мае 1943 г. от мл. сержанта И. Горбенко. По словам Горбенко, песня исполнялась в воинской части, где он служил. См. прим. к предыдущей песне.

126. Сколько Гитлер ни вой. (Частушки). См. указатель источников: а, г, д, — № 29; б — № 18; в — № 25; ж, з — № 33; е — № 1.

127. Опустились густые туманы. По партизанским дорогам. Песни и частушки, пословицы и поговорки. Сост. И. Швец. Брянск, 1954, стр. 9. Пелась на мотив песни М. Исаковского «Ой, туманы мои, растуманы».

128. Партизанская. Н. Рыленко. Живая вода (устно-поэтическое творчество Смоленщины эпохи Великой Отечественной войны). Смоленск, 1946,

стр. 60—61. Сообщ. М. М. Ситниковым, Смоленский р-н. Пелась на мотив «Раскинулось море широко». Вариант: РО ИРЛИ, Р. V, колл. 1, п. 28, № 8, стр. 20.

129. Партизанская баллада. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 238, п. 2, № 52. Зап. В. М. Хавратовичем в ноябре 1943 г. в партизанском отряде Белчицкого подпольного райкома Могилевской обл.

130. На опушке леса. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 234, п. 1, № 94. Зап. Г. Носиковой и В. М. Потявиным в 1963 г. от К. П. Мацукова, 33 л., и Ф. Н. Киселева, 55 л., в г. Кемерово. Варианты: Крупянская и Минц, стр. 182—183; Курские песни, № 145; Уральский фольклор, № 86; Гусев, № 142; Павлова, № 125; Христиансен, стр. 49—50, 102—105; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 196, п. 13, № 14. По сообщению В. Ю. Крупянской и С. И. Минц, песня возникла в одном из ансамблей Брянского фронта; автор ее — фронтовой композитор Шохин.

131. Тишина. Ни огонька, ни звука. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 196, п. 13, № 11. Зап. Б. М. Добровольским в 1960 г. от группы девушек в Костромской обл., запевала Н. Пропохаева, 10 л. Последние две строки каждого куплета повторяются дважды. Строка «И повесили фашисты Зою» имеет в той же записи вариант: «И повесили бандиты Зою». Зоя — московская комсомолка Зоя Космодемьянская, героиня Великой Отечественной войны, казнена гитлеровцами в 1941 г. Вариант: РО ИРЛИ, Р. V, колл. 190, п. 5, № 55. Была также широко распространена другая песня о Зое — «Село родное вышло из тумана» (литературного происхождения); см.: Крупянская и Минц, № 92.

132. Располным-полна коробушка. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 210, п. 1, № 93. Зап. М. Крижановской в 1952 г. от бывшего участника партизанского движения В. Г. Богмата в с. Святополь Ново-Пражского р-на. По словам В. Г. Богмата, песня была распространена среди партизан. Одна из многих переработок песни «Ой, полна, полна коробушка» (на слова Н. А. Некрасова). Другие переделки той же песни: Фольклор Воронежской обл., № 138; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 201, п. 1, л. 247 (собр. И. В. Ефремова).

133. Отцветали яблони и груши. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 103, п. 1, № 31, стр. 79. Зап. экспедицией студентов под руководством Н. М. Элиаш в 1945 г. в с. Новотроицы Валдайского р-на Новгородской обл. См. прим. к песне № 124.

134. Партизаны, партизаны. (Частушки). См. указатель источников: а — № 17; б — № 47; в — № 10; г, л — № 28; з — № 27; д — № 19; е — № 32; й — № 29; ж, и, к, н, о — № 33; м, п — № 34.

135. Удивительный вопрос. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 201, п. 1, стр. 162. Зап. И. В. Ефремовым в 1943 г. на Западном фронте. Создана на основе популярной в довоенные годы песни водовоза из фильма «Волга—Волга» (слова В. И. Лебедева-Кумача, муз. И. О. Дунаевского).

136. Как фашистский генерал к партизанам в плен попал. Тонков, стр. 42—44. Зап. В. А. Тонковым в 1942 г. от известной воронежской сказительницы А. К. Барышниковой (Куприянихи).

137. И на море и на суше, ох. Народные песни Белгородской области, стр. 139—140. Зап. в 1956 г. от молодожи с. Веселая Буденновского р-на Белгородской обл. (см. прим. к песне № 165).

138. Что вы, фрицы, приуныли. (Частушки). См. указатель источников: а — № 43; б — № 34; в — № 36.

139. Ходит Гитлер по Берлину. Фронтовой фольклор, стр. 84—85. Сообщ. в 1943 г. партизаном А. Ульяновым, 13 л. Вторая строка припева повторяется трижды. Песня бытовала в среде партизан Кличевского р-на Могилевской обл. Переделка в сатирическом плане лирической песни «И кто его знает» (слова

М. Исаковского, муз. В. Захарова). Другие близкие переделки: Фронтной фольклор, стр. 82—83; Тонков, стр. 56; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 239, № 3, стр. 22 (собр. И. Я. Рокачева).

140. На осине две веревки. (Частушки). См. указатель источников: а — № 36; б — № 33.

141. Эх, яблочко. (Частушки). РО ИРЛИ, Р. V, колл. 117, п. 7, № 1, Зап. Е. А. Орловой в 1943 г. от В. Богданова и Е. Минина в дер. Сорokino Приозерного р-на Архангельской обл.

142. Лети, письмо заветное, простое. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 237, п. 1, № 2. Зап. Я. И. Гудошниковым в апреле 1945 г. от мл. лейтенанта Г. Беленко, 20 л., в эвакогоспитале. Среди раненых госпиталя песня пользовалась большой популярностью.

143. В землянке. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 239, п. 1, № 2, стр. 56. Зап. И. Я. Рокачевым в мае 1945 г. от П. Г. Бабакова в г. Миколове (Польша).

144. Бьется в тесной печурке огонь. Из рукописного собрания Выборгского клуба туристов (Ленинград), 1959. Сообщ. Л. В. Домановским. Одна из многих переделок песни «Землянка» (слова А. Суркова, муз. К. Листова). См. прим. к № 145.

145. Я слышала песню с тоской. Гусев, стр. 125—126. Зап. А. Балдиной в 1947 г. от девушек-шахтерок в г. Копейске. Ответ на «Землянку» А. Суркова. Вариант: Павлова, стр. 159. О других песнях — ответах на «Землянку» см.: Крупицкая и Минц, стр. 127—128.

146. Не столы, здесь стоящие. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 237, п. 1, № 20. Зап. Я. И. Гудошниковым в мае 1945 г. от сержанта-артиллериста, 20 л., в поезде. Позже собиратель слышал «пехотинский» вариант, исполнявшийся также на мотив «Огонька» М. Исаковского, но с изменением строки: вместо «В колпачок от взрывателя» — «Где тут банка порожняя?».

147. Жду тебя, хороший мой. Гусев, стр. 124. Зап. В. Караковским и Р. Комяковой в 1950 г. от В. П. Веригиной в с. Лейшиг Варненского р-на Челябинской обл. Песня — один из ответов на известное стихотворение К. Симонова «Жди меня». Вариант: И. Гуторов. Борьба и творчество народных мстителей. Минск, 1949, стр. 156.

148. Мой залеточка на фронте. (Частушки). См. указатель источников: а, е, ж, з — № 32; б, д — № 1; в — № 26; г — № 35; и — № 51.

149. Я в тылу здесь боевая. (Частушки). См. указатель источников: а — № 8; б — № 11; в — № 26; г — № 18; д — № 32; е — № 33.

150. Милый раненый лежит. (Частушки). См. указатель источников: а — № 49; б, и, ж, н, п — № 1; в, г, ж — № 33; д, е, з — № 26; й — № 36; к — № 35; л — № 32; о — № 46.

151. Там, где солнышко заходит. (Частушки). См. указатель источников: а — № 36; б — № 52; в — № 23; г — № 33; д, е — № 28.

152. Дайте, дайте мне коня. (Частушки). См. указатель источников: а — № 36; б, в, д — № 32; г — № 42; е — № 51.

153. Скоро кончится война. (Частушки). См. указатель источников: а — № 50; б — № 21; в — № 1; г — № 26.

154. Плач по сыну. Фольклор Советской Карелии, стр. 65—68. Зап. от известной карельской сказительницы А. В. Ватчиевой. *Победная* — горемычная, несчастная.

155. О жизни в оккупации. (Плач). Базанов, стр. 293—295. Зап. В. Г. Базановым и А. П. Разумовой в 1944 г. от А. М. Мишиной, 56 л., в дер. Царево Заонежского р-на Карельской АССР. *Щельи* — пологие каменные берега.

156. Причитание по замученным фашистами советским гражданам. Тонков, стр. 58. Зап. В. А. Тонковым в 1943 г. от А. И. Колесниковой в с. Старой Тойде Анненского р-на Воронежской обл.

157. Причитание по угнанным в фашистскую неволю советским девушкам. Тонков, стр. 57. Зап. В. А. Тонковым в 1943 г. от А. И. Колесниковой в с. Старой Тойде Анненского р-на Воронежской обл.

158. Ответ девушек. Н. Рыленков. Живая вода. Устнопоэтическое творчество Смоленщины эпохи Великой Отечественной войны. Смоленск, 1946, стр. 58—59. Сообщ. Л. Азиевой в г. Смоленске. Это ответ на песню «Девушке», в которой говорилось о недостойном поведении некоторых женщин в оккупации (ср.: Рыленков, стр. 55—58).

159. Глухой неведомой дорогой. Из статьи А. Соколова «Песни непокоренных». Газ. «Советская Белоруссия», 23 февраля 1945 г. (переп.: Рыленков, стр. 54).

160. Вагон качается, ночь надвигается. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 210, п. 1, № 61. Зап. Н. Григорьевым в 1953 г. от Н. И. Кивгило, 30 л., в с. Ставидло Александровского р-на Кировоградской обл.

161. Я в плену, в чужом краю далеко. Газ. «Известия», 22 декабря 1945 г. Публикация А. Твардовского «Из песен о немецкой неволе». Песня взята из рукописного сборника, найденного советским офицером в бараке для «восточных рабочих» в Штаблаке (Германия) и озаглавленного «Альбом для песен з життя в Германії, 1944 року, Надії Коваль». Как пишет А. Твардовский, «здесь представлены из книжечки Надежды Коваль те песни, которые, по всем данным, сложились в кругу одного девического землячества и представляют собой как бы часть единого произведения о жизни советской девушки в фашистской неволе». Вариант: Крупянская и Минц стр. 166. Сообщ. А. В. Гуторович. Текст обнаружен в тетради с песнями, найденной в лагере г. Гиссен. По сведениям Крупянской и Минц, ту же песню доставил в Государственный литературный музей (г. Москва) майор Д. И. Романенко.

162. Раскинулись рельсы далеко. Газ. «Известия», 22 декабря 1945 г. Из альбома Н. Коваль, публикация А. Твардовского (см. прим. к № 161).

163. Меня в неволю угоняют. (Частушки). См. указатель источников: а — № 36; б — № 41; в — № 42; г — № 51; д — № 39; е — № 49; ж — № 33.

164. Марш 16-го полка. Крупянская и Минц, стр. 52—53. Сообщ. Ф. И. Прусаковой, служившей в дни Великой Отечественной войны в 716-м зенитном полку. По ее словам, это была любимая песня полка. Сложена на последнем этапе войны.

165. Шли бои на море и на суше. Курские песни, стр. 193. Зап. от В. А. Ивлевой в с. Щербачево Дмитриевского р-на Курской обл. Вариант: Крупянская и Минц, стр. 114. См. прим. к песне № 137.

166. Стихи залпы последние. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 201, п. 1, стр. 317. Зап. И. В. Ефремовым в 1946 г. от рядового Ежикова в г. Кобрине (БССР). Как указывает собиратель, песня называлась «Послевоенный огонек». Пелась на мотив песни М. Исаковского «Огонек», с которой она связана поэтической формой и образностью. См. подробнее: Крупянская и Минц, стр. 121—122. Вариант: Крупянская и Минц, стр. 123.

167. Вот и кончилась война. (Частушки). См. указатель источников: а — № 6; б, в — № 26; г — № 47; д — № 18; е — № 1; ж, з, и — № 21 и — № 29.

168. В Западной Европе часто меркнут звезды. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 251, п. 1, № 1. Зап. С. А. Рабиновым в альпинистском лагере «Баксан» в 1960 г.

IV. Послевоенный период

169. **Родина.** Анисимова, стр. 275—276. Сложил в 1945 г. колхозник П. Е. Сорокин, 67 л., в с. Дмитриевке Головищенского р-на Пензенской обл.

170. **Посмотрел бы теперь Ленин на село.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 239, п. 1, № 1, стр. 49. Зап. И. Я. Рокачевым в 1963 г. от Е. В. Любимовой, 58 л., на хуторе Антиховском Вешенского р-на Ростовской обл. Две последние строчки каждого куплета повторяются дважды.

171. **Не заря над Волгой алая горит.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 156, п. 2, № 7. Зап. Н. П. Колпаковой в 1954 г. от Е. К. Медянцевой, 50 л., в г. Куйбышеве. Песня входит в репертуар Волжского хора.

172. **Золотистыми лучами.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 156, п. 1, № 190. Зап. Н. П. Колпаковой в 1953 г. от Е. К. Медянцевой. Слова Т. Н. Чумаковой-Надеинской, напев М. Д. Чумакова — участников Волжского хора. Последние две строки куплета повторяются дважды.

173. **Не летай, соловей.** Сибирские народные пени. Песенник. Сост. В. Левашев, А. Новиков. М., 1963, № 42. Зап. в 1952 г. от девушек в с. Новичиха Алтайского края.

174. **Широкие стены на Дону легли.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 239, п. 1, № 1, стр. 48. Зап. И. Я. Рокачевым в 1963 г. от Е. В. Любимовой, 56 л., на хуторе Антиповском Вешенского р-на Ростовской обл. Две последние строки куплета повторяются дважды.

175. **Родная магистраль.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 239, п. 1, № 1, стр. 45. Зап. И. Я. Рокачевым в 1963 г. от Е. В. Любимовой, 56 л., на хуторе Антиповском Вешенского р-на Ростовской обл.

176. **Эх, ты, поле, мое поле.** Курские песни, стр. 184. Зап. З. Раковой в с. Демино Хомутовского р-на Курской обл.

177. **За рекою у колодца.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 190, п. 5, № 56. Зап. С. Н. Азбелевым в 1961 г. от группы девочек 10—13 л. в с. Ценагоры Лешуконского р-на Архангельской обл. Девочки сообщили собирателю, что они выучили песню за два года до этого в Белошцелье. Две последние строки куплета повторяются дважды.

178. **Песня львоводки.** Газ. «Пролетарская правда» (г. Калинин), 20 октября 1951 г. Зап. учителями под руководством Н. Ф. Мурашова, старшего преподавателя Калининского пединститута, от молодежи Погорельского р-на Калининской обл.

179. **В небе звездочка сияла.** Сибирские народные песни. Песенник. Сост.: В. Левашев, А. Новиков. М., 1963, № 49. Зап. в 1952 г. от сестер В. и М. Игнатовых в колхозе «Родина» Шикунковского р-на Алтайского края.

180. **Приоткрыв осторожно окошко.** Павлова, стр. 170. Зап. В. Ф. Павловой в 1953 г. от Дуси Шустовой, 26 л., в с. Рождествено Куйбышевского р-на Курской обл. Поется на мелодию песни «Одинокая гармонь».

181. **На Волге широкой, на стрелке далекой.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 234, п. 1, № 72 (собр. В. М. Потявина). Из альбома Н. И. Васенькиной (1941 г. рожд.) из г. Кемерово Рудничного р-на. Ответ на «Сормовскую лирическую» (слова Е. Долматовского, муз. Б. Мокроусова).

182. **Под окном черемуха колышется.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 234, п. 1, № 70 (собр. В. М. Потявина). Зап. Г. Г. Шаповаловой в 1963 г. от З. В. Гуриной, 32 л., в г. Кемерово.

183. **Ой, ты, ноченька, ночь морозная.** Гусев, стр. 131. Зап. Н. Багрецкой и Р. Комяковой от девушек, приехавших поступать в Челябинский пединститут. В 1954 г. эта же песня была записана Л. Л. Христиансеном от студен-

ток Челябинского пединститута М. Кудриной и Л. Чекутовой и вошла в репертуар Уральского народного хора.

184. **Под окном высоким, под окном широким.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 234, п. 1, № 111 (собр. В. М. Потявина). Зап. Л. Бабкиной в 1963 г. от В. И. Горского, 41 г., в г. Кемерово.

185. **Мы за партией любимой.** (Частушки). См. указатель источников: а, е — № 6; б — № 17; в, г, д — № 20.

186. **Я колхозная девчонка.** (Частушки). См. указатель источников: а — № 24; б — № 51; в — № 48; г — № 32; д — № 17; е — № 20.

187. **Бабы сеют и боронят.** (Частушки). См. указатель источников: а — № 51; б — № 9; в, г — № 7; д — № 20.

188. **Милый любит иль не любит.** (Частушки). См. указатель источников: а, б, ж, з, и, й — № 51; в, е — № 7; г, д, к, л, н, о, п, р, с, т, у, ф — № 31; а — № 24; х — № 4.

189. **Из-за вас, красивы девушки.** (Частушки). См. указатель источников: а, б, в, ж, з, и, й — № 24; г — № 31; д, е — № 51.

190. **Скоро, скоро мы в ракете.** (Частушки). См. указатель источников: а, г — № 17; б, в — № 7.

191. **Глобус.** Спутник туриста, стр. 6. Первоначальный текст написан М. Львовским для студенческого спектакля в конце 1930-х годов. Впоследствии стихи Львовского изменялись и дополнялись новыми строфами. Известно значительное количество вариантов, исполняемых студентами, туристами, геологами, полярниками и т. п. Число строф различно. Приводимый вариант — наиболее полный. Особенно широкую известность песня приобрела после Великой Отечественной войны. Создание первоначального варианта напева приписывается поэту М. Светлову.

192. **Закури, дорогой, закури.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 251, п. 1, № 24. Зап. А. Рабиновым. Переделка популярной в годы войны песни. Наибольшим изменениям подверглись 2—4-я строфы. Один из фронтовых вариантов, записанный А. Г. Кудышкиной на диск от учащихся ремесленного училища, имеет такое начало:

Закури, дорогой, закури!
Ты сегодня до самой зари
Не приляжешь, уйдешь опять
В ночь сырую врага искать.

193. **Нам по свету немало хаживать.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 251, п. 1, № 90. Зап. А. Рабиновым. Поется на мотив песни «Моя Москва» (муз. И. О. Дунаевского). Получила большую популярность в 50-х годах.

194. **Факультет.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 251, п. 1, № 91. Зап. А. Рабиновым. Песня появилась среди ленинградских студентов и была популярна в 50-х годах.

195. **Я смотрю на костер угасающий.** РО ИРЛИ, Р. V, колл. 251, п. 1, № 92. Зап. А. Рабиновым. Песня получила популярность в 50-х годах. Две последние строки каждого куплета повторяются дважды.

196. **Баксанская.** Спутник туриста, стр. 16. Песня создана в 1943 г. воинами-альпинистами 897-го горнострелкового полка 242-й стрелковой дивизии Закавказского фронта (об обстоятельствах сложения песни и ее истории см. очерк Г. Усыскина «Операция „Эльбрус“» в журн. «Костер», № 2, 1966, стр. 5—6); в дальнейшем подвергалась многочисленным переделкам, входила в репертуар военного времени. Особую же известность приобрела в первые годы после войны и до сих пор сохраняется в репертуаре альпинистов. Исполняется на мотив популярного романса 30-х годов.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ ЧАСТУШЕК¹

1. Анисимова Поим. — 88, а — е; 102, е; 126, е; 148, б, д; 150, б, и, ж, н, п; 153, е; 167, е.
2. Анисимова. — 79, б; 80, а—д; 86, а—е; 87, а—е.
3. Белгородские частушки. Сост. П. Ф. Лебедев. Белгород, 1960. — 78, в, р.
4. М. В. Васильковская. Газ. «Красный Курган», 12 февраля 1957 г. — 188, х.
5. Артем Веселый. Частушка колхозных деревень. ГИХЛ, М., 1936. — 38, а, г; 55, б; 57, в; 58, е, ж, з, й 74, в, е, ж, з, и; 78, а, и; 79, ж, й; 92, б.
6. Вологодские частушки, пословицы, поговорки. Сост. В. С. Викулов. Вологда, 1957. — 167, а; 185, а, е.
7. Воронежские народные песни. Сборник фольклорных записей студентов. Под ред. С. Г. Лазутина. Изд. Воронежского университета, 1962. — 187, в, г; 188, в, е; 190, б, в.
8. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописный отдел.
Ф. 195, № 200, л. 14 (собр. И. А. Нечаева, 1941—1945 гг.). — 149, а.
Ф. 75, ед. хр. 30 (собр. В. П. Бирюкова). — 59, в, г, е.
Ф. 1006, ед. хр. 358 (собр. К. А. Копержинского). — 58, и, ж; 59, б; 74, а, б, г, д, й; 92, д.
9. Гусев. — 77, г; 187, б.
10. И. Гуторов. Борьба и творчество народных мстителей. Минск, 1949. — 134, в.
11. Деревенские частушки. Газ. «Советская Латвия», Рига, 29 апреля, 1945 г. — 149, б.
12. И. Иеропольский. Революция в частушке. Новая жизнь, [Псков], 1922, № 4. — 6, д, е; 9, е.
13. В. Князев. Современные частушки. 1917—1922. Госиздат, М.—Л., 1924. — 15, г, и; 38, в; 40, ж; 55, в; 57, а, г; 62, а, г
14. В. Князев. Частушки красноармейские и о Красной Армии. Воениздат, М., 1925. — 15, е, з; 38, б, д, е, ж, з; 55, а.
15. Комсомольская смена. Песенник. Сост. В. А-ва. ГИЗ, М.—Л., 1928. — 60, а—в.
16. Коробейник. Новый народный песенник. Изд. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1928. — 57, б.
17. Курские частушки. Сост.: П. И. Бульбанюк, П. Ф. Лебедев. Курск, 1960. — 78, д; 92, а; 134, а; 185, б; 186, д; 190, а, г.

¹ Цифры справа соответствуют номерам текстов в настоящем сборнике, буквы — отдельным частушечным куплетам.

18. Е. Кюн. Народные песни боев и побед. Газ. «Красноярский рабочий», 16 сентября 1945 г. — 126, б; 149, г; 167, д.
19. М. И. Наумов. Хинельские походы. Киев, 1960. — 134, д.
20. Песни Белгородской области. Вступ. статья, подгот. текста и комм. Н. М. Элиаш. Белгород, 1958. — 74, к; 185, в, г, д; 186, е; 187, д.
21. П. Пономарев. Колхозные частушки о победе, записанные в колхозах Опаринского р-на Кировской обл. Газ. «Кировская правда», 23 сентября 1945 г. — 153, б; 167, ж, з, й.
22. Русская частушка. Вступ. статья Л. Шептаева. Подгот. текста и прим. В. Бокова. Библиотека поэта. Малая серия, изд. 2. «Советский писатель», Л., 1950. — 77, е; 79, г; 92, в.
23. Песни Ленинградской области. — 151, в.
24. Русские народные песни Поволжья. Песни, записанные в Куйбышевской области. Сост.: Б. М. Добровольский, Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Г. Г. Шаповалова. Общ. ред. и вступ. статья Н. П. Колпаковой, музыкальный редактор Ф. В. Соколов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959. — 186, а; 188, л; 189, а, б, в, ж, з, и, й.
25. Русские частушки. Предисл. и отбор текстов Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной. Гослитиздат, М., 1956. — 6, в; 9, в, д; ж, з; 15, а, б, в, д, ж; 38, и, й, к, л; 40, б, в, й; 46, а; 58, а, в, г, д; 62, б; 77, а, б, в, д, ж; 78, б, ж, з, к; 79, д, и; 90, а, б, д; 126, в.

Рукописный отдел Института русской литературы, Р. В.

26. Колл. 1, п. 28. — 102, а, б, г, й; 148, в; 149, в; 150, д, е, з; 153, г; 167, б, в.
27. Колл. 99, п. 1, № 136 (собр. Л. В. Домановского). — 46, б; 78, о; 79, в, е, к; 85, а—м; 90, г; 134, з.
28. Колл. 111, п. 4, № 8. (собр. Л. В. Домановского). — 134, г, л; 151, д. е.
29. Колл. 152, п. 1, № 2 (собр. П. И. Ковешникова). — 126, а, г, д; 134, й; 167, и.
30. Колл. 117, п. 7, № 20 (собр. Е. А. Орловой). — 111, а—и.
31. Колл. 156, п. 1, № 4 (Поволжье. Куйбышевская обл.). — 188, г, д, к, м, н, о, п, р, с, т, у, ф; 189, г.
32. Колл. 187 (собр. П. Заявловского, Урал). — 6, а, б, г; 102, з; 108, д; 134, е; 148, а, е, ж, з; 149, д; 150, л; 152, б, в, д; 186, г.
33. Колл. 238, п. 2, № 49 (зап. Н. Бялосинской, 1945 г.). — 102, и; 108, г; 126, ж, з; 134, ж, и, к, н, о; 140, б; 149, е; 150, в, г, ж; 151, г; 163, ж.
34. Колл. 238, п. 2, № 53 (собр. Б. М. Хавратович). — 108, г; 134, м, п; 138, б.
35. Колл. 249, п. 1, № 1 (собр. Р. С. Липец). — 148, г; 150, к.
36. Русский фольклор Великой Отечественной войны. Изд. «Наука», М.—Л., 1964. — 138, в; 140, а; 150, й; 151, а; 152, а; 163, а.
37. Д. Семеновский. Современная частушка. Журн. «Красная новь», 1921, № 1. — 9, б, г.
38. Фольклор Чкаловской области. Сост. А. В. Бардин. Чкалов, 1940. — 58, б; 78, г, й, п; 79, г, л.
39. А. Соколов. Песни непокоренных. Газ. «Советская Белоруссия», Минск, 23 февраля 1945 г. — 163, д.
40. Творчество народов СССР. — 10, а—д; 40, а, г, е, ж, з, и, л; 46, в, г.
41. А. Торонцов. Черна туча, черна туча. (Частушки). Народные частушки в дни Великой Отечественной войны. Газ. «Новгородская правда», 2 февраля 1947 г. — 163, б.
42. Уральский фольклор. — 79, а; 92, г; 108, а; 152, г; 163, в.
43. Фольклор казаков-некрасовцев. Запись текстов, вступ. статья, сведения о сказителях Ф. В. Тумилевича. Краснодар, 1948. — 138, а.
44. Фольклор Советской Карелии. — 9, а.
45. Фронтная поэзия в годы гражданской войны. Вступ. статья и прим. В. М. Абрамкина. Изд. «Советский писатель», М., 1938. — 46, д, е.
46. Фронтной фольклор. — 108, б; 150, о.
47. Частушки. Сост. А. Тищенко. Воениздат, 1957. — 40, д; 134, б; 161, г.

48. Частушки Горьковской обл. Сост. В. М. Потявин. Горький, 1956. — 186, *е*.
49. Частушки колхозной деревни. Записаны в Ивановской обл. Газ. «Рабочий край», Иваново, 20 апреля 1947 г. — 150, *а*; 163, *е*.
50. М. Шереметьева. Частушки Калужской деревни. Газ. «Знамя», Калуга, 18 мая 1945 г. — 108, *е*; 153, *а*.
51. Частушки в записях советского времени. Издание подготовили З. И. Власова и А. А. Горелов. Изд. «Наука», М.—Л., 1963. — 59, *а*, *д*; 62, *е*; 74, *л*, *м*; 78, *л*, *м*, *н*; 90, *е*; 102, *д*, *е*, *ж*, *к*; 148, *и*; 152, *е*; 163, *е*; 186, *б*; 187, *а*; 188, *а*, *б*, *ж*, *з*, *и*, *й*; 189, *д*, *е*.
52. Песни и сказки Ярославской области. Под общ. ред. Э. В. Померанцевой. Ярославль, 1958. — 151, *б*.
53. Частушка. Предисловие В. Ф. Бокова. Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. С. Бахтина. Изд. «Библиотека поэта. Большая серия», М.—Л., 1966. — 72, *а—е*, 73, *а—г*.

СОКРАЩЕНИЯ

- Анисимова, Поим. — Песни и сказки Поимского района. Сост. А. П. Анисимова, под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Пенза, 1948.
- Анисимова — Песни и сказки Пензенской области. Сост. А. П. Анисимова, под ред. Э. В. Померанцевой. Пенза, 1953.
- Базанов — Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. Вступ. статья и комм. В. Г. Базанова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962.
- Гусев — Русские народные песни Южного Урала. Сост. В. Е. Гусев. Челябинск, 1957.
- Калужский край — Песенное творчество Калужского края. Записал А. В. Ермаченко. Калуга, 1959.
- Комсомольский песенник — Комсомольский песенник. Составлен ячейкой РЛКСМ. Изд. «Молодая гвардия», М.—Л., 1925.
- Красноармейский фольклор — Красноармейский фольклор. Сост. В. М. Сидельников, под ред. Ю. М. Соколова. М., Изд. «Советский писатель», 1938.
- Крупянская и Минц — В. Ю. Крупянская и С. И. Минц. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. Изд. АН СССР, М., 1953.
- Курские песни — Курские народные песни. Сост.: П. П. Бульбанюк, П. Лебедев. Курск, 1962.
- Новикова — Русские народные песни. Сборник. Вступ. статья и прим. А. М. Новиковой. Гослитиздат, М., 1957.
- Павлова — Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР. Сост. В. Ф. Павлова, под ред. В. И. Чичерова. Таткнигоиздат, 1955.
- Парилов — И. Г. Парилов. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1947.
- Песни и романсы русских поэтов — Песни и романсы русских поэтов. Вступ. статья, подгот. текста и прим. В. Е. Гусева. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. «Советский писатель», М.—Л., 1965.
- Песни Красной Армии, 1937 — Песни Красной Армии. Воениздат, М., 1937.
- Песни Ленинградской области — Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. 1931—1949 гг. Сост.: В. А. Кравчинская, П. Г. Широкова. Музгиз, Л.—М., 1950.
- Пяковский — А. В. Пяковский. Коллективная пролетарская поэзия (песни Донбасса). ГИЗ, М.—Л., 1927.

- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
- Советский фольклор — Советский фольклор, вып. I. Л., 1934.
- Спутник туриста. Песенник. Сост.: Б. Добровольский, М. Кацнельсон, Н. Курчев, С. Рабинов. Изд. «Музыка», Л., 1966.
- Творчество народов СССР — Творчество народов СССР. Под ред. М. Горького, Л. З. Мехлиса, А. И. Стецкого. Изд. редакции «Правды», 1937.
- Тонков — Народное творчество в годы Великой Отечественной войны. Сост. В. А. Тонков, Воронеж, 1951.
- Уральский фольклор — Уральский фольклор. Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949.
- Фольклор Воронежской области — Фольклор Воронежской области. Сост. В. А. Тонков. Воронеж, 1949.
- Фольклор семейских — Фольклор семейских. Сост.: Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Под общ. ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1963.
- Фольклор Советской Карелии — Фольклор Советской Карелии. Подгот. текстов к печати и прим. А. Беловановой и А. Разумовой. Вступ. статья В. Базанова. Петрозаводск, 1947.
- Фронтвой фольклор — Фронтвой фольклор. Записи, вступ. статья и комм. В. Ю. Крупянской. Под ред. и с предисл. М. К. Азадовского. Гослитиздат, М.—Л., 1944.
- Христиансен — Л. Христиансен. Современное народное песенное творчество Свердловской области. Музгиз, М., 1954.
- Элиасов — Л. Е. Элиасов. Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи гражданской войны. Улан-Удэ, 1957.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Б. Н. Пугилов</i>	3
Советский фольклор. <i>Л. Домановский</i>	9

I. Революция, гражданская война

1. Воля свершилась народная	41
2. Из разных сторон Петрограда	41
3. Как рабочий и мужик правду искали	41
4. Кто свою свободу любит	44
5. Скажи, товарищ, ведь недаром	45
6. Бога нет, царя не надо. (Частушки)	45
7. Лейтенант Шмидт. (Лишь море, да бури... Все слышится брань)	45
8. Красное знамя, заветное знамя	46
9. Защищай свободу. (Частушки)	47
10. Яблочко. (Частушки)	47
11. За власть Советов. (Слынишь, рабочий)	48
12. Песня красных стрелков. (С помещиком, банкиром...)	48
13. Спи, дитя, во мраке ночи	49
14. Из-за лесу, лесу копий и мечей	49
15. За Совет на фронт идем. (Частушки)	50
16. Вдоль по фронту кавалерия идет. (Рано утром только солнышко взойдет)	50
17. Кочегар. (На просторе Каспий-моря)	50
18. Эх, яблочко. (Частушки)	51
19. Два брата. (В деревушке, в убогой избушке)	51
20. Встреча с братом	52
21. Вдоль по линии Урала	53
22. Ты не вейся, черный ворон	54
23. Среди песков сыпучих	54
24. Жив Чапаев!	55
25. По Уральским горам и долинам	57
26. Мундир английский	57
27. Ой, подружка, мне придется	58
28. Кабы я была голубка	58
29. Три дня метели бушевали	58
30. Как на взморье мы стояли	59
31. На разведке боевой. (Красноармеец молодой...)	59
32. Расстрел коммунаров. (Под частым разрывом гремучих гранат)	60
33. Я жила тогда у самой у реки	61
34. Вот каков Буденный-то!	62
35. Там вдали за рекой загорались огни	62
36. Под ракиетою зеленой	63

37. Красноармеец умирал	63
38. Наши дролечки воюют. (Частушки)	63
39. Много бед и невзгод испытала	64
40. Яблочко. (Частушки)	64
41. Партизанская. (По долинам, по загорьям)	65
42. Как в тайге мы партизанили	65
43. Не вейтеса, чайки, над морем	66
44. Веселая партизанская. (Как в деревне Кулики)	66
45. Ой-да, сизы соколы	67
46. В партизаны записался. (Частушки)	67
47. Свисток паровоза за оградой тюремной	67
48. От Урала к высоким Байкальским горам	68
49. Глухой неведомой тайгою	69
50. Дуют холодные ветры	69
51. Фрунзе ведет полки. (Белый, как лебедушка)	70
52. Жил Врангель знатный. (На Черном море)	70
53. Марш перекопцев. (Горы и дебри Урала)	71

II. Социалистическое строительство (1920—1930-е гг.)

54. Винтовка боевая. (За плечом висит винтовка)	72
55. Любите, девушки, меня. (Частушки)	72
56. Кирпичики. (На окраине где-то города)	73
57. Скоро лед пройдет в каналах. (Частушки)	74
58. Ты учись, моя забава. (Частушки)	74
59. Время ново, время ново. (Частушки)	75
60. Яблочко. (Частушки)	75
61. В вихре Октября	75
62. Мы буржуям всем на горе. (Частушки)	76
63. Моряк. (Ты, моряк, красив сам собою)	77
64. Флотская. (По волнам могучим, по волнам холодным)	77
65. Мы фабричные ребята	78
66. Молодые кузнецы. (Мы кузнецы, наш голос молод)	79
67. Наш паровоз. (Мы дети тех, кто выступал)	79
68. Гимн молодых коммунаров. (Мы коммунары молодые)	80
69. Кто на смену? (Кто на смену коммунистам?)	80
70. Каменна Москва вся проплакана	80
71. Уж как била меня мать	83
72. Я пойду учиться. (Частушки)	83
73. Мой миленок — комсомолец. (Частушки)	84
74. Записались в колхозы. (Частушки)	84
75. Колосилась в поле рожь густая	85
76. Павлик Морозов. (Залегла тайга в тумане сером)	85
77. Выпускаем трактора. (Частушки)	86
78. Наш колхоз узнать нетрудно. (Частушки)	86
79. Я учиться уезжаю. (Частушки)	87
80. Я ударница в колхозе. (Частушки)	88
81. Где скакал Семен Буденный	88
82. Солнце скрылось за горою	89
83. Ты удайся, удайся, ленок. (Колхозом сеем мы, сеем ленок)	89
84. Весело колхозникам	90
85. Примечай меня, мой милый. (Частушки)	90
86. Я в саду письмо писал. (Частушки)	91
87. Зарастайте, наши тропочки. (Частушки)	92
88. Ухажор у нас один. (Частушки)	92
89. Рязанские страдания. (Частушки)	92
90. По примеру Чкалова. (Частушки)	93
91. По твоим заветам все исполнилось	93
92. В ногу с партией идем. (Частушки)	94

93. Пулемет строчил без перебоя	95
94. Как охотник Федор японцев прогнал	95
95. Ответ Катюше. (Нахожусь в Финляндии, Катюша)	98
96. Раскинулись ели широко	98

III. Великая Отечественная война

97. Двадцать второго июня	100
98. Не пыли, дороженька степная	100
99. При проводах мужа на Великую Отечественную войну. (Плач)	101
100. Ты стояла молча ночью у вокзала	105
101. Помни октябрьский вечер	106
102. Мил уехал на войну. (Частушки)	106
103. Товарищи, дружно, рубеж не сдавай!	107
104. На стены, под знамя! (Ревут самолеты, и танки гремят)	107
105. Шестнадцать бойцов. (Послушайте, братцы, что я вам спою)	108
106. Сказ о двадцати шести гвардейцах-панфиловцах	109
107. Помню ночь метельную, шальную	110
108. Ехал Гитлер на Москву. (Частушки)	110
109. Утес	111
110. Возле города Ростова	112
111. Ой, яблочко. (Частушки)	112
112. Об Анке Грайтеровой. (Сигналом атаки, трубою призывной)	113
113. Балтийцы. (Балтийцы, вперед, на заклятых врагов)	114
114. Сквозь ветры, шторм и через все преграды	114
115. Я встретил его близ Одессы родной	115
116. Песня севастопольцев. (За нами холодное море)	116
117. Раскинулось море широко	116
118. Как прощались с женами, надевали ранцы	117
119. Песня о 216-й краснознаменной стрелковой дивизии. (Родилась ты в огне и тревоге)	117
120. Рассказ танкиста. (Мы пьем и гуляем, а ты загрустил)	118
121. Песня о танкисте. (Встает заря на небосклоне)	119
122. Ты идешь дорогою военною	120
123. Девушка-сестра. (Вдалеке грохочут пушки)	120
124. Расцветали яблони и груши	121
125. Весь блиндаж снарядами разрушен	121
126. Сколько Гитлер ни воюй. (Частушки)	122
127. Опустились густые туманы	122
128. Партизанская. (Раскинулась роща широко)	123
129. Партизанская баллада. (Там, где ели на склоне...)	123
130. На опушке леса	124
131. Тишина. Ни огонька, ни звука	124
132. Располным-полна коробушка	125
133. Отцветали яблони и груши	125
134. Партизаны, партизаны. (Частушки)	126
135. Удивительный вопрос	128
136. Как фашистский генерал к партизанам в плен попал	128
137. И на море и на суше, ох	129
138. Что вы, фрицы, приуныли. (Частушки)	130
139. Ходит Гитлер по Берлину	130
140. На осине две веревки. (Частушки)	131
141. Эх, яблочко. (Частушки)	131
142. Лети, письмо заветное, простое	131
143. В землянке. (В землянке уютной горит огонек)	132
144. Бьется в тесной печурке огонь	132
145. Я слышала песню с тоской	133
146. Не столы, здесь стоящие	133
147. Жду тебя, хороший мой	134

148. Мой залеточка на фронте. (Частушки)	134
149. Я в тылу здесь боевая. (Частушки)	135
150. Милый раненый лежит. (Частушки)	135
151. Там, где солнышко заходит. (Частушки)	136
152. Дайте, дайте мне коня. (Частушки)	137
153. Скоро кончится война. (Частушки)	137
154. Плач по сыну	137
155. О жизни в оккупации. (Плач)	140
156. Причитание по замученным фашистами советским гражданам	142
157. Причитание по угнанным в фашистскую неволю советским де- вушкам	142
158. Ответ девушек. (Ничего подобного, ничего и не было)	142
159. Глухой неведомой дорогой	143
160. Вагон качается, ночь надвигается	143
161. Я в плену, в чужом краю далеко	144
162. Раскинулись рельсы далеко	144
163. Меня в неволю угоняют. (Частушки)	144
164. Марш 716-го полка. (Прошли мы с боями от Волги и до Нейсе)	145
165. Шли бои на море и на суше	146
166. Стихли залпы последние	146
167. Вот и кончилась война. (Частушки)	146
168. В Западной Европе часто меркнут звезды	147

IV. Послевоенный период

169. Родина. (Моя Родина, ты любимая)	148
170. Посмотрел бы теперь Ленин на село	149
171. Не заря над Волгой алая горит	149
172. Золотистыми лучами	150
173. Не летай, соловей	150
174. Широкие степи по Дону легли	151
175. Родная магистраль. (Бегут, бегут вагоны)	151
176. Эх, ты, поле, мое поле	152
177. За рекою у колодца	152
178. Песня льноводки. (Хорошо ли промят иль не очень)	152
179. В небе звездочка сияла	153
180. Приоткрыв осторожно окошко	153
181. На Волге широкой, на стрелке далекой	153
182. Под окном черемуха колышется	154
183. Ой ты, ноченька, ночь морозная	154
184. Под окном высоким, под окном широким	155
185. Мы за партией любимой. (Частушки)	155
186. Я колхозная девчонка. (Частушки)	156
187. Бабы сеют и боронят. (Частушки)	156
188. Милый любит иль не любит. (Частушки)	156
189. Из-за вас, красивые девушки. (Частушки)	158
190. Скоро, скоро мы в ракете. (Частушки)	158
191. Глобус. (Я не знаю, где встретиться)	158
192. Закури, дорогой, закури!	160
193. Нам по свету немало хаживать	160
194. Факультет. (Мирно засыпает родная страна)	161
195. Я смотрю на костер угасающий	162
196. Баксанская. (Там, где снег тропинки заметают)	163
Примечания	165
Указатель источников частушек	182
Сокращения	185